

Татарстан Фәннәр Академиясенең
Ш.Мөрҗани исемендәге Тарих институты

ТАТАР АРХЕОЛОГИЯСЕ

№ 1-2 (10-11), 2002-2003

Казан — 2004

Данный номер журнала издан
на благотворительные средства,
представленные доктором технических наук,
членом Петровской Академии наук,
профессором **А.Ш.Газизовым**

Содержание

Слово главного редактора	4
Константин Руденко, Равиль Фахрутдинов	
М.Г. Худяков (к 110 летию со дня рождения)	5
Михаил Худяков	
Татарская Казань в рисунках XVI столетия	9
Наиль Набиуллин	
Новые данные по археологии средневековой Казани (обзор материалов некоторых охранно-спасательных раскопов)	32
Нина Кокорина	
Керамика Камаевского городища конца XIV - первой половины XVI вв. (по материалам раскопок 1972-1988 гг.)	47
Константин Руденко	
Материалы к археологической карте Казанского ханства (по итогам работ в Западном Предкамье в 1995–1997 гг.)	100
Марсель Эхмэтжанов	
Татар дөрбәләре тарихына	137
Рамазан Керейтов, Светлана Червонная	
Эпиграфика Ногайской степи	168
Светлана Суслова	
Сибирско-татарская коллекция ювелирных украшений Тобольского музея как историко- этнографический источник	210
Хроника	
Вторая Всероссийская научная конференция “Поволжье в средние века”, посвященная памяти Г.А.Федорова-Давыдова 26-28 сентября 2003	230
Конференция “Краеведческие чтения в Национальном музее РТ”	237
Памяти К.А.Смирнова	240
Сведения об авторах	243
Список сокращений	244

Слово главного редактора

Настоящий номер журнала “Татарская археология” выходит с большим опозданием, за что мы просим прощения у нашего читателя. Причиной подобной задержки явилось отсутствие необходимых средств для издания. Хотя оригинал-макет был давно готов, мы не смогли добиться положительного решения проблемы денег, ставшей перед нами со всей своей остротой.

Но, как говорится, мир не без добрых людей. Мы искренне благодарим доктора технических наук, профессора, действительного члена Петровской Академии наук А.Ш.Газизова за благотворительную помощь нашему журналу. От имени редколлегии и наших читателей выражая глубокую признательность Алмазу Шакировичу за его бескорыстную помощь, желаю ему доброго здоровья и новых больших успехов в его благородном труде.

Данный номер журнала посвящается незабвенной памяти выдающегося историка, археолога и этнографа, репрессированного в 1936 г., Михаила Георгиевича Худякова в связи с 110-летием его рождения. Номер с тематикой археологии, эпиграфики и искусства Казанского ханства и других татарских государств позднего средневековья открывается, после справочного материала о М.Г.Худякове, его замечательной статьей “Татарская Казань в рисунках XVI столетия”, давно ставшей библиографической редкостью. Эта статья имеет огромное значение в выяснении истоков зодчества средневековой Казани и последующих веков истории татарского народа.

М.Г.Худяков был талантливейшим исследователем. Пусть не прозвучит банально, когда скажем: если бы Худяков не написал ничего, кроме книги “Очерки по истории Казанского ханства” и вышеупомянутой статьи, его имя было бы вписано золотыми буквами в историю татарского и других народов Поволжья и Приуралья. Он был истинным интернационалистом. Наш народ будет вечно благодарен ему за правдивое освещение своей истории.

Равиль Фахрутдинов,
доктор исторических наук

Константин Руденко, Равиль Фахрутдинов
М.Г.Худяков
(к 110-летию со дня рождения)

15 сентября 2004 г. исполняется 110 лет со дня рождения Михаила Георгиевича Худякова – историка, археолога и этнографа. Обширно его научное наследие, да и сама личность этого исследователя стала примечательной в истории научной жизни Татарстана и в целом России.

М.Г.Худяков родился 3/15 сентября 1894 года в г. Малмыж бывшей Вятской губернии (ныне – Кировская обл.) в купеческой семье. Образование получил в Казани: в 1904 г., в десятилетнем возрасте, он поступил учиться в Первую Казанскую гимназию; затем, в 1913 г., – на историко-филологический факультет Казанского университета. В стенах университета были сделаны и первые шаги на научном поприще. Так, летом 1914 г. он принимает участие в археологической экспедиции в Булгар, где ему был поручен один из раскопов. Несколько лет спустя он уже проводит самостоятельные археологические исследования.

В 1918-1925 гг. он работает преподавателем Казанской школы II ступени, в 1919-1925 одновременно заведующим историко-археологическим отделом Губернского музея (с 1920 г. – Центральный музей Татарской Республики; ныне Национальный музей РТ). В 1919-1922 гг. М.Г.Худяков преподает еще и в Северо-Восточном археологическом институте (в дальнейшем – Восточный педагогический институт); В 1918-1919 гг. он работает библиотекарем Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Далее, в 1920-1924 гг., его деятельность продолжалась в музейном отделе Наркомпроса ТАССР.

В 1925 г. М.Г.Худяков переехал в Ленинград и поступил на службу в Публичную библиотеку им. М.Е.Салтыкова-Щедрина в качестве научного сотрудника I разряда. В 1926-1929 гг. он аспирант Государственной Академии истории материальной культуры (ГАИМК); его научным руководителям был известный археолог, крупный специалист по первобытному обществу П.П.Ефименко. Учебу в аспирантуре Худяков совмещал с работой в Публичной библиотеке. С 1929 г. он является старшим ассистентом факультета языкоznания и материальной культуры Ленинградского университета (в последствии историко-лингвистический (ЛИЛИ) и историко-философский и лингвистический (ЛИФЛИ) институты), а с 1931 г. получает должность доцента ЛИЛИ.

С декабря 1929 г. М.Г.Худяков начинает активную работу в Академии наук СССР сначала как научный сотрудник I разряда в должности ученого секретаря Комиссии по изучению состава племен, которая вскоре стала Институтом по изучению народов СССР (ИПИН); затем Михаил Георгиевич становится заведующим Средневолжским сектором этого института.

С 1931 г. Михаил Худяков – научный сотрудник I разряда ГАИМК по сектору классового общества, а с 1936 г. и по сектору феодальной формации. В 1936г. решением ВАК от 1 февраля М.Худяков, по представлению ГАИМК, утвержден в ученой степени доктора исторических наук без защиты диссертации и в ученом звании действительного члена Института доклассового общества ГАИМК. Следует отметить, что его единомышленниками были ставшие затем знаменитыми А.Ю.Якубовский, М.И.Артамонов, В.И.Равдоникас.

9 сентября 1936 г. 42-летний Михаил Худяков был арестован как “враг народа”, обвинен в “правом троцкизме”, а 19 декабря приговорен к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение в тот же день.

Михаила Георгиевича отличала жажда активного научного творчества. В 1920-х годах у него выходит в свет целый ряд книг и статей. Еще в Казани, в 1922 г., он публикует книгу “Мусульманская культура в Среднем Поволжье”, а через год – свою основную книгу, ставшую в последствии знаменитой: “Очерки по истории Казанского ханства” (Казань: Гос.изд-во, 1923.-310с.). Следует отметить, что его автору в это время было всего 29 лет (об этой книге см. ниже). Статья “О необходимости переводов татарской литературы на русский язык”, опубликованная в “Вестнике Просвещения Татарской республики” говорит о его широких научных интересах.

С начала 30-х годов, уже в Ленинграде, один за одним появляются труды Худякова на самые разные темы истории, археологии, этнографии, даже языкоznания. Упомянем некоторые из них. В статье “К вопросу о датировке булгарских зданий” (Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТССР, вып.IV. – Казань, 1930) он передатировал каменные руины зданий в Булгаре, утверждая, что в 1320 г. была построена Соборная мечеть, в 1330г. – мавзолей у Малого Минарета (общепринятое название “Ханская усыпальница”. – К.Р. и Р.Ф.), а все остальные сооружения – в середине XIV в.

Его замечательную статью под названием “Татарская Казань в рисунках XVI столетия” и опубликованную в 1930г. в Казани, мы предлагаем нашему читателю на страницах этого номера журнала.

Проблемы эпохи бронзы в Среднем Поволжье рассмотрены ученым в статье, вышедшей в том же году во втором выпуске “Материалов Центрального музея ТССР”. Это, в сущности публикация материалов раскопок, проведенных в свое время П.А.Пономаревым могильника у

с. Маклашевка на правом берегу р.Утки в Закамье современного Татарстана; в свое время сам исследователь не успел их опубликовать (“Могильник Маклашевка II”). Здесь Михаил Худяков проявил благородство по отношению к своему учителю по археологии.

Не забывал он и своих земляков-татар: у него в те же годы опубликована мало кому знакомая, но весьма занимательная работа “Материалы по истории татар Малмыжского уезда” (см.в “Трудах Вятской ученой архивной комиссии”. – Вятка, 1930. вып. II, III). В начале 1930-х годов М.Худяков публикует несколько работ популярного, просветительского характера, связанных с актуальными проблемами современной науки в свете марксистской перестройки сознания. Это “Сущность и значение яфетидологии” (1931г.), “Дореволюционная русская археология на службе эксплуататорских классов” (1933). Одновременно с этим в свет выходит объемная и весьма интересная археолого-этнографическая статья “Культ коня в Прикамье” (Известия ГАИМК.-Вып.100.-1934.-С.251-279), которая не потеряла своей высокой научной ценности и по сей день.

Проблемы этнографии со всей своей остротой, смело и правдиво подняты М.Г.Худяковым в статье “Великодержавный шовинизм в русской этнографии” (Сб. “Этнография на службе у классового врага” в серии “Библиотека ГАИМК”, № 11. – 1932). В сущности именно эта статья вместе с его “Очерками по истории Казанского ханства” решили судьбу их автора – судьбу быть расстрелянным в застенках Ленинградского НКВД.

Сталинско-Ежовская машина смерти 30-х годов XX столетия косила людей не только сотнями тысяч, но и миллионами – были расстреляны крупные государственные деятели, талантливые военачальники; от этого страшного террора не остались в стороне даже сами энкэвэдешники. Однако особенно пострадала интеллигенция, которую сметали с лица земли за “правотроцкизм”. При этом больше досталось национальной интеллигенции, баям, муллам, в первую очередь татарам, за “национализм”, “пантюркизм”, “панисламизм”, “султангалиевщину”. Притом репрессии коснулись самых талантливых, цвет нации. Были расстреляны сам М.Султан-Галиев, выдающийся политический и государственный деятель поистине мирового масштаба, крупнейшие историки и общественные деятели Х.Атласи, Г.Губайдуллин и много других представителей нашего народа. То, что их обвинили в “национализме”, это “понятно” ибо этот ярлык не только десятилетиями, но и столетиями как дамоклов меч висел над татарским народом.

Однако русского Худякова не обвинишь в татарском национализме, поэтому его “стукнули” как троцкиста, хотя он не имел к этому никакого отношения – помимо науки, он ничем не занимался; у него даже не было семьи, науке отдавал он все свое время, всю свою душу, наконец и тело. Однако много лет спустя после его гибели один из его бывших друзей, соратников и единомышленников в науке в Казани, нашел для своего

товарища в этой науке, т.е. для Михаила Георгиевича, “удачный” ярлык: в своей докторской диссертации, которую он не успел защитить, назвал его “буржуазным националистом на татарской почве”. Нашли все-таки ярлык татарского националиста и для русского. Да, система ставила и друзей по обе стороны баррикады...

Несколько слов об упомянутой выше книге М.Г.Худякова “Очерки по истории Казанского ханства” – основном научном труде талантливого исследователя. Это, по сути первое большое исследование истории Казанского ханства и Казани в российской и советской историографии. В нем объективно, правдиво написана политическая история Казанского ханства, особенно его отношения с Москвой, и все это сделано на серьезном анализе письменных источников, прежде всего русских (Полное собрание летописей, Царственная и Степенная книги, “Древняя Российская Вивлиофика”, записи очевидцев взятия Казани и т.д.), а также татарских, западноевропейских, арабо-персидских. В работе охарактеризованы также общественный строй Казанского ханства, историческая топография города Казани, зодчество казанских татар, профессионально используя при этом археологические, эпиграфические, архитектурные данные, данные писцовых книг, иконографический материал и др. При всем этом удачно использована имеющаяся литература о Казани и казанской земле, объективно анализируя всю историографию проблемы. Сам автор поставил перед собой цель “обращать внимание знаков и специалистов на данный предмет, имеющий так много права на разработку и до сих пор так мало исследованный”.

Следует отметить, что М.Худяков не только обращал внимание специалистов на проблему истории Казани и Казанского ханства, особенно трагического времени середины XVI в., но и высокопрофессионально, правдиво решил ее. Автор не ограничился лишь вопросами взятия Казани и ликвидации Казанского ханства завоеваниями Ивана Грозного, но и описывал последующие исторические события в Среднем Поволжье: это восстания татар и других народов региона за восстановление Казани и против карательных действий московских регулярных воинских частей против местного населения, проходивших в крае. Кстати, описания этих событий, сделанные М.Г.Худяковым,озвучны с таковыми по работам великих русских историков С.М.Соловьева и М.Н.Покровского.

Завершая наш небольшой очерк, скажем, что трудам Михаила Георгиевича была суждена долгая судьба в науке. Многие темы, которыми занимался М.Худяков, получили свое дальнейшее развитие, спустя более полвека после его гибели.

Михаил Худяков
Татарская Казань в рисунках XVI столетия*

I

До начала текущего столетия изучение старинных видов Казани ограничивалось рисунками XIX и XVIII веков. Из них древнейшими являлись, насколько нам известно, чертежи 1730 года, изданные Богдановским. В течение последних 30 лет казанские исследователи раздвинули поле своего внимания, использовав рисунки XVII столетия: И.М.Покровский привлек к изучению виды Казани Н.Витзена; в 1906 г. они были воспроизведены в «Известиях» О-ва Археологии** под названием «Древнейшие виды Казанского кремля». По видимому, авторам заметки, сопровождавшей эти рисунки, И.М.Покровскому и К.В.Харламповичу, не был известен вид Казани Олеария, воспроизведенный в русском издании Суворина в том же 1906 году. В дальнейшем явилась возможность привлечь к изучению изображения Казани, относящиеся к XVI столетию и воспроизводящие Казань татарской эпохи.

Источниками для изучения изображений татарской Казани являются два памятника:

1) Картина «Апофеоз взятия Казани», хранившаяся в Патриаршей палате в Москве, а теперь в Третьяковской Галерее. Она была прежде известна под неправильным названием «Церковь Воинствующая». В 1914 году ее издал и описал П.П.Муратов¹. В 1922 году А.Е.Пресняков правильно определил сюжет картины и дал ей соответствующее наименование².

2) Лицевой Летописный Свод, составленный во второй половине XVI века. Он состоял из 10 томов с 16,000 миниатюрами. Один том (IV) утрачен, остальные рассеяны по 3 книгохранилищам: четыре (III, V, VI, IX) в Публичной Библиотеке, два (VII, VIII) в Академии Наук, три (I, II, X) в Историческом Музее. Для нас имеют значение тт. IX («Шумиловская рукопись», № 232) и X («Синодальный список Царственной Книги», № 88).

Привлекая к изучению эти памятники, мы прежде всего должны решить вопрос о пригодности их в качестве источников наших сведений о татарском зодчестве. Изображения городов и монастырей на старинных иконах уже давно подвергаются изучению, и никто не сомневается в плодотворности использования их, как исторического источника. Примеры подобного изучения дают изображения Новгорода, Пскова, Хлынова, Троице-Сергиева монастыря и т.д. Миниатюры также дают материал для изучения архитектурных форм, современных художнику.

* Печатается по: Вестник Научного общества Татароведения.— Казань: Изд—во Дома татарской культуры, 1930.— № 9–10.— С.45–60. Некоторые особенности орфографии и транскрипции оставлены в авторском варианте. — Ред.

** Так сокращенно называли Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете. — Ред.

Н.В.Султанов написал специальное исследование «Образцы древне-русского зодчества в миниатюрных изображениях», представляющее для нас исключительный методологический интерес. Исследование было произведено Н.В.Султановым на основании лицевой рукописи «Житие Николая чудотворца», которая принадлежит к той же школе митрополита Макария, как и Лицевой Летописный Свод. Исходя из авторитетного наблюдения А.Е.Викторова, Н.В.Султанов говорит: «По почерку и техническому исполнению рисунков эта рукопись весьма близко подходит к известному синодальному списку «Царственной Книги». Весьма возможная вещь, что обе рукописи – произведение одних и тех же мастеров или, по крайней мере, одной и той же школы»³. Н.П.Лихачев подтверждает заключение Н.В.Султанова: «Тесная связь жития Св. Николая чудотворца с лицевыми летописями вне сомнения – это одна и та же работа, одна и та же бумага»⁴.

В начале своего исследования Н.В.Султанов говорит об особенностях рисовальных приемов художника – о своеобразных правилах перспективы и т. д. Перечисляя особенности рисунка XVI века, он говорит: «Только принимая в расчет все эти особенные приемы, можно, так сказать, распутать эти миниатюрные изображения и выяснить себе то, что хотел выразить их составитель»⁵. Таким образом, устанавливается чрезвычайно важное методологическое обстоятельство – необходимость своеобразного «перевода» условной графики художника на язык подлинных архитектурных форм. Далее, Султанов на ряде ярких примеров реконструирует по рисункам формы церковного зодчества, палат, башен, архитектурных деталей, покрытий, утвари и т. д.

В заключении Н.В.Султанов говорит: «Правдивость архитектурных изображений присуща не только миниатюрам «Жития», но, что для нас еще важнее, и всем другим подобным же миниатюрным изображениям... Итак, следовательно, на основании сделанных сравнений, мы должны признать, что архитектурные формы «Жития» – формы существовавшие, а не вымышленные... Мы можем смотреть на них, как на пре-восходный материал, годный для переработки вся кому архитектору-художнику, который только сумеет понять и разобрать его! Нетрудно обработать подробности или присоединить какое-нибудь украшение, но трудно выдумать новый мотив!» (стр. 40) – «Между тем в миниатюрных изображениях есть немало новых мотивов, а следовательно мы в праве сказать, что подобные рукописи представляют собою неисчерпаемый источник не только для русской филологии и палеографии, но также и для русского зодчества» (стр. 41).

Выводы, сделанные Н.В.Султановым на основании его исследования, чрезвычайно важны в методологическом отношении. Они устанавливают пригодность подобного материала для изучения архитектурных форм и заставляют нас привлечь к изучению рисунки XVI столетия. Для нас

очень важно также то обстоятельство, что «Житие», на основании которого Султанов пришел к своим выводам, тесно связано с теми памятниками, которые нас интересуют. В дальнейшем мы можем руководиться тем объемом работы, который был очерчен Султановым: «Все сделанные нами сравнения архитектурных форм имели целью: 1) объяснить миниатюрные изображения, 2) показать, что они не выдуманы художником, а верны с натураю» (стр. 39). В этих пределах могут умещаться рамки и тех задач, которые мы имеем в виду в настоящей работе⁶.

Оба памятника (картина «Апофеоз взятия Казани» и «Лицевой Летописный Свод») являются произведениями не только одной эпохи, но и одной среды. Руководителем этой среды был митрополит Макарий – один из видных русских государственных деятелей середины XVI века. Макарий был не одинок – он являлся выразителем определенной общественной группировки. В то время Москва, поглотившая все удельные княжества, делала первые шаги своей великодержавной политики. На смену феодализму пришел торговый капитал, опиравшийся на союз с мелким землевладением, войском и бюрократией нового централизованного государства «всех Руси». Макарий был ярким представителем этой новой идеологии. Призванный на высшую церковную должность правильством Шуйских, он стал в силу своего положения опекуном и воспитателем малолетнего государя. Свержение правительства Глинских было тем переворотом, который доставил Макарию всю полноту власти: он сделался регентом, немедленно организовал правительство из своих единомышленников и стал энергично проводить свою политическую программу. Новое правительство постаралось унизить феодализм князей и бояр поднятием престижа государя, оно желало также доходных войн, которые доставили бы капиталу рынок сырья и сбыта, а дворянам – новые земли. Осуществляя эту программу, Макарий провозгласил Ивана царем и организовал завоевание сначала Поволжья, а затем Балтийского побережья. Пользуясь своим церковным авторитетом, Макарий энергично пропагандировал завоевательную войну против Казани, как крестовый поход на неверных. Он произносил речи, писал поучения и руководил подготовкой к походу. Как религиозный фанатик, он после взятия Казани приказал разрушить все мечети и хотел обратить всех татар в христианство, но это ему не удалось.

Будучи самым образованным из русских людей своего времени, Макарий большое влияние оказал на умственную жизнь страны. Как представитель нового класса, пришедшего к власти, он постарался придать своим замыслам и новое художественное оформление. Новатор в политике, Макарий оказался и в области искусства большим прогрессистом, проводником западных веяний. По всей вероятности, на развитие этих вкусов оказало влияние его соприкосновение с немецкой культурой в бытность его Новгородским архиепископом. Скорее всего, от немцев Мака-

рий усвоил распространенную в эпоху Ренессанса привычку облекать свои идеи в форму аллегорических изображений. Он любил символику и язык аллегорий так же, как любил пышный этикет и величавые церемонии.

Памятником художественной деятельности митрополита Макария является, прежде всего, роспись Золотой Палаты в кремлевском дворце, известная по дошедшему до нас подробному описанию⁷. В связи с аллегорической росписью Золотой Палаты стоят иконы западного пошиба, с символическими изображениями, которыми Макарий пытался украсить Успенский собор, но которые встретили упорную оппозицию со стороны консерваторов. Макарию пришлось выдержать борьбу, из которой он вышел победителем, благодаря своему высокому положению. Но в дальнейшем он стал осторожнее и своих опытов в сфере иконописи не повторял. К этому же кругу аллегорических изображений относится картина «Апофеоз взятия Казани», написанная для увековечения этого крупного события. Ближайшую аналогию для этой картины оставляет, по нашему мнению, рисунок царского знамени 1560 г., хранящегося в Оружейной Палате⁸. К той же серии аллегорических изображений принадлежат гербы русских областей, включенные в большую государственную печать, которая наглядным образом возвеличивала царя и принижала феодалов напоминанием о том, что все их уделы принадлежат «великому государю»⁹. Наконец, тот же язык аллегорий и символизм мы усматриваем в храме Василия Блаженного, которым Макарий еще раз, уже всенародно, увековечил покорение Казани. Есть основание предполагать, что в этом памятнике он постарался воспроизвести архитектурные формы главной казанской мечети и аллегорически перенес ее в Москву.

Параллельно с художественными работами протекала обширная научная деятельность митрополита Макария. В этой области его творчество оставило ряд монументальных трудов. Первый из них – энциклопедический свод древнерусской литературы в виде «Четыех Миней» – преследовал преимущественно религиозные цели и был составлен еще в Новгороде. После переезда в Москву Макарий соединил научные интересы с политическими, и в его литературных предприятиях ясно видна политическая цель. Н.П.Лихачев говорит: «В это время был составлен Государев родословец, в котором показано было, сколь многие потомки царей, владетельных князей и знатных иностранных родов служат великому государю. В это время составлена была и сводная разрядная книга, в которую долженствовали вноситься службы высокопородных холопей государских. К этим годам относится и книга кормленщиков, и, можно думать, проект книги Большого Чертежа. Летописи... конечно, не могли не обратить на себя внимания. Вновь закипела работа и быстро был закончен тот сложный конгломерат, который мы называем Никоновским сводом. На подготовленной этим путем почве в исходе пятидесятых годов возникла мысль об иллюстрированном лето-

писном своде... Летописи человечества от сотворения мира, через книгу Бытия и хронографы, через возможно полный свод старых русских летописей, должны были быть закончены подробным изложением счастливого царствования великого государя-царя и великого князя Ивана Васильевича. И при этом рисунков без счета, без конца, – сколько понадобится для лицевого изображения всякого, обратившего на себя внимание, факта!... Самый формат картин был избран больший обыкновенного, самый формат рукописи – двойной, т.е. излюбленный митрополитом Макарием полный, развернутый лист»¹⁰.

II

В правом верхнем углу картины «Апофеоз взятия Казани» изображена Казань, охваченная пламенем (табл. 1). Город изображен в виде обнесенного стеной многоугольника, остающегося незамкнутым, так как он срезан краем картины. Этот прием расчитан на специальный эффект – дать представление об обширности города, не умещающегося на картине: зритель может мысленно продолжить панораму за пределы поля зрения. Пред нами лишь часть города. Зубчатая стена имеет башни по углам, при чем чередуются друг с другом башни. круглые и четырехугольные. На переднем плане городские ворота, проделанные в четырехугольной башне. Внутренность города заполнена тесно скученными постройками, дающими представление о многолюдности населения. На видимом отрезке города внутри стен, насчитывается 17 зданий, в том числе 4 минарета.

В задачу художника совсем не входило дать точное изображение общего вида Казани. Ему предстояло изобразить покоренную столицу лишь схематически, условно, даже больше того – символически. Поэтому художник умышленно отступает от реальной действительности. Он пишет каменные стены и башни, тогда как татарская Казань была обнесена деревянной стеной. Он намеренно избегает изображений полумесяца на мечетях и минаретах, так как изображение мусульманских религиозных эмблем считалось в то время недопустимым грехом для православного художника, почти иконописца; кроме того, эти эмблемы были бы неуместны на картине религиозного содержания. Наконец, художник произвольно заполняет контуры зданий с декоративными элементами, совершенно искусственно распределяя бойницы и окна, снабжая стены узорами, декорируя цоколи и т. д. При этих условиях не приходится искать в изображении Казани реалистической панорамы этого татарского города, но, тем не менее, трактовка каждого здания в отдельности заслуживает большого внимания.

Несомненно, что придворный художник слышал много рассказов о знаменитом городе, имя которого было в то время у всех на устах. По рассказам он так или иначе пытался представить себе этот восточный

город. Способ изображения татарской Казани художником «Апофеоза» представляет большой интерес. Как и автор миниатюры «Жития св. Николая», изученных Н.В.Султановым, наш художник не мог сочинить или выдумать новых архитектурных форм, не существующих в действительности. Он пользуется теми образцами, которые он либо видел своими глазами, либо слышал о них по устным описаниям и рассказам. Поэтому отдельные архитектурные формы он передает, в общем, правильно, но компонует из этих элементов совершенно условную панораму, схематическую и символическую. Таким образом, нам приходится рассматривать каждое здание, изображенное на картине, в отдельности.

При этом необходимо постоянно применять те своеобразные способы «перевода» художественных приемов автора «Апофеоза» на язык реальных архитектурных форм, о чем говорит Н.В.Султанов. Корректизы, вносимые нами в рисунок художника, сводятся к следующему: 1) мы игнорируем все элементы декоративной обработки зданий, применяемые художником совершенно произвольно (расположение окон и других отверстий, карнизы сложных профилей, зубцы), 2) круглые конструкции, неизменно связываемые автором «Апофеоза» с сегментовидными куполами, необходимо рассматривать как конструкцию в действительности многогранную, так как в булгаро-татарском зодчестве сегментовидные купола всегда опираются на многогранную конструкцию, близкую к круглой.

Принимая во внимание эти поправки, мы приступаем к рассмотрению отдельных зданий, изображенных на картине, и к переводу их на язык реальных архитектурных форм.

Прежде всего, наше внимание привлекают городские ворота, изображенные на первом плане. Прямоугольная башня с карнизом поддерживает второй ярус в виде круглого барабана с сегментовидным куполом, который увенчан вторым меньшим барабаном и шатровым покрытием. Принимая во внимание, что круглый барабан второго яруса передает многогранник, мы видим конструкцию весьма близкую к Черной Палате в Булгаре, лишь с завершением купола маленькой главкой с шатровым покрытием (таб. II, рис. 3).

Другая четырехугольная башня, изображенная на картине, состоит из первого яруса, увенчанного карнизом, и второго яруса, также четырехгранный и увенчанный поверх карниза высоким шатровым покрытием (таб. II, рис. 4).

Из круглых башен прежде всего выделяется угловая, стоящая влево от городских ворот. Она представляет собою следующую конструкцию: на высоком цоколе стоит цилиндрический столп, поддерживающий карниз и покрытый шатром, который на середине своей высоты прорезан низеньким барабаном, не нарушающим, однако, прямолинейных контуров конического покрытия (табл. II, рис. 1).

Башня направо от ворот, видимая лишь наполовину, имеет в общем ту же конструкцию – на высоком цоколе цилиндрический столп, несущий

щий карниз, над которым возвышается второй ярус в виде небольшого цилиндра с коническим куполом (таб. II, рис. 2). Эта конструкция является чрезвычайно близкою к Малому Минарету в Булгаре и к минарету Ханской мечети в Касимове.

Третья круглая башня, изображенная на заднем плане, состоит из широкого цилиндрического сооружения, несущего карниз и покрытого сегменто-видным куполом, который увенчан барабаном с невысоким шатром. Переводя эту форму в многогранную, мы получаем конструкцию (таб. II, рис. 7), весьма близкую к дюрбе «Большой Восьмигранник» в Азизе близ Бахчисарайя, описанному Б. Н. Засыпкиным и У. Боданинским¹¹. Эта конструкция может служить указанием на то, что в эпоху Гиреев крымские архитектурные формы переносились из Бахчисарайя в Казань.

Внутри города на картине «Апофеоз взятия Казани» выделяется здание, занимающее центр панорамы и изображающее, по всей вероятности, ханский дворец. Это здание представляет собою круглое двухэтажное здание с большою аркою входа и с сегментовидным куполом, вершина которого увенчана золотым шаром (таб. II, рис. 8). Рассматривая круглую конструкцию как многогранник, мы получаем форму, тождественную с крымскими 8-гранными дюрбе близ Бахчисарайя. Нас не должно удивлять сопоставление дворцового здания с дюрбе, так как известно, что ханский дворец в Казани являлся сложным сооружением – целой системой построек, в состав которой входили каменные палаты и деревянные клети, при чем эти каменные палаты были небольшими зданиями типа бахчисарайских и булгарских дюрбе¹².

Мечети сосредоточены в левой половине панорамы. Здесь изображены 4 шатровых минарета, представляющих собою несомненное сходство с формами деревянного зодчества современных татар. Особенно характерным является минарет около 4-угольной башни – цилиндрическое сооружение с окнами под самым карнизом, увенчанное высоким шатром (таб. II, рис. 5).

Около минаретов и дворца расположены круглые здания с сегменто-видными куполами, т. е. постройки типа крымских дюрбе (таб. II, рис. 9). Одно здание того же типа, налево от ворот, имеет невысокий конический купол, передающий, быть может, 8-гранную армянскую форму (таб. II, рис. 10), другое здание, крайнее справа, увенчано параболическим куполом среднеазиатского типа (таб. II, рис. 11).

Чрезвычайно интересно здание на первом плане, направо от ворот. Оно имеет покрытие либо коническое, либо двухскатное с фронтоном, при чем покрытие снабжено по фасаду вырезом полуциркульных очертаний. Карниз поддерживается колоннами, из которых две расположены по углам здания, а две поддерживают полуциркульную арку выреза (таб. II, рис. 6). Мы имеем здесь форму, до сих пор бытующую в деревянном зодчестве казанских татар.

Такой же полуциркульный вырез кровли имеется у соседнего здания, которое видно только наполовину. Это здание имеет двухкупольное покрытие колоколообразной формы, но полуциркульный вырез хорошо оттенен, так же как и нависший карниз кровли. Двукратное применение полуциркульного выреза кровли не оставляет сомнения в древности этого архитектурного мотива, до сих пор применяемого в деревянном зодчестве казанских татар.

Панорама татарской Казани замыкается слева постройкой с двускатной кровлей, а на заднем плане подобным же зданием с высокою деревянною крышею.

Суммируя результаты подробного рассмотрения отдельных зданий на картине «Апофеоз взятия Казани», мы можем наметить среди них следующие типы построек:

- 1) цилиндрические башни типа Малого Минарета в Булгаре и минарета Касимове в Касимове (таб. II, рис. 1 – 2),
- 2) восьмерик на четверике, увенчанный сегментовидным куполом, типа Черной Палаты в Булгаре (табл. II, рис. 3),
- 3) четыреугольная двухъярусная конструкция с высоким шатровым покрытием (таб. II, рис. 4),
- 4) шатровые минареты (таб. II, рис. 5),
- 5) купольные многогранные здания типа крымских дюрбе (таб. II, рис. 7 – 11),
- 6) здания с полуциркульным вырезом кровли по фасаду (таб. II, рис. 6).

Сравнивая эти конструкции с реальными формами татарского зодчества, мы видим целый ряд параллелей между зданиями на картине «Апофеоз взятия Казани» и памятниками Булгара, Касимова и Бахчисарая, а также деревянного зодчества современных казанских татар. Не находит себе параллелей пока лишь одна архитектурная форма – двухкупольное покрытие.

Подводя итоги сделанному анализу, необходимо признать изображение татарской Казани на картине «Апофеоз взятия Казани» ценным документом для изучения форм татарского зодчества XVI столетия. Подтверждаются наши предположения, высказанные в книге «Очерки по истории Казанского ханства», о сходстве казанского зодчества с болгарской архитектурой: «Зодчество казанцев находилось в тесной связи с архитектурой болгар... казанское зодчество являлось непосредственным продолжением болгарской архитектуры»* (стр. 282)... «Казанское зодчество было тесно связано с болгарским искусством предыдущей эпохи» (стр. 283)... «В Казани могли существовать минареты в виде массивных цилиндрических башен» (стр. 284)... «Дворцовые здания и

* Под «болгарской архитектурой» имеется в виду архитектура города Булгара (о чем не раз говорится и в настоящей статье автора), т.е. Булгара золотоордынского, татарского периода, с его сохранившимися памятниками культового и гражданского зодчества XIV в. – Ред.

ханские усыпальницы имели сходство с болгарскими и касимовскими» (стр. 284). Устанавливается ряд прочных связей между казанским и крымским зодчеством, чего вполне можно было ожидать на основании тесных сношений между Казанью и Бахчисараем в эпоху Мухаммед-Эмина и Сафа-Гирея. Наконец, получает подтверждение древность современных форм деревянного зодчества казанских татар. Мысль об этом нами уже высказывалась, когда мы писали, что при воссоздании вида древней Казани приходится пользоваться «путем догадок и аналогий на основании современного зодчества казанских татар»... (стр. 281). Мы утверждали: «Что касается деревянного зодчества, то национальные черты его претерпели мало изменений в течение последних веков» (стр. 285), и на этом основании находили возможным ввести в «Очерки по истории Казанского ханства» описание современных форм деревянной татарской архитектуры (стр. 285 – 288). Картина «Апофеоз взятия Казани», как документ XVI столетия, полностью подтверждает существование в татарской архитектуре до русского завоевания таких характерных форм, как шатровый минарет и полуциркульный вырез кровли. При этом отметим одну деталь: шатровые покрытия различных зданий на картине «Апофеоз взятия Казани», в большинстве случаев, начинаются не от самого карниза, а несколько отступая от него, так что между основанием шатра и карнизом образуется выступ – как бы полицы; эта особенность является чрезвычайно характерной для татарского зодчества и удержалась в нем до настоящего времени.

III

Лицевой Летописный Свод имеет почти на каждом листе изображение, занимающее большую часть страницы. К этим миниатюрам можно применить ту же характеристику, которая дана Н.В.Султановым по отношению к лицевой рукописи «Житие св. Николая»: «Каждый из рисунков представляет собою два изображения: изображение историческое, т. е. представление описываемого события в лицах, и изображение архитектурное, т. е. так называемые «аксессуары» или собственно архитектурное поле картины»¹³. Общий характер рисунка является чрезвычайно условным: фигуры персонажей шаблонны, позы трафаретны, сцены представлены со схематичностью, доходящей до символизма. Столь же условным является и архитектурный пейзаж, ставивший перед художником трудную задачу минимальными средствами передать сюжет данной темы. Лаконичность рисунка в сложных композициях является предельною и только в рисунках «монографического» характера художник позволяет себе некоторую свободу в рисунке.

При огромном количестве рисунков, достигающем в общей сложности 16.000, естественно выработались шаблоны, которые постоянно применяются художником в различных комбинациях. Обычно художник

варьирует 5 – 6 основных элементов. Несмотря на ограниченное количество таких элементов, изобретательность художника неистощима и поразительна, так как общее впечатление от громадного количества миниатюр – бесконечное разнообразие рисунка. Трудно, почти невозможно подобрать тождественные или сходные между собой варианты. Это разнообразие и изобретательность, вместе с композиционным равновесием и выразительностью рисунка, лучше всего свидетельствуют о высоких дарованиях выдающихся художников, работавших над миниатюрами Лицевого Летописного Свода.

На общем фоне шаблонных архитектурных мотивов, комбинируемых художником, время от времени встречаются формы, которые не являются шаблонными, а взятыми из реальной действительности. Таково, например, изображение Успенского собора в Москве, нередко встречающееся на страницах Лицевого Летописного Свода. В изображениях Новгорода можно отыскать, хотя и с трудом, рисунок св. Софии Новгородской. Совершенно отчетливо передает характер крымско-османской архитектуры рисунок минарета в IX томе Лицевого Летописного Свода на л.464, изображающем Крым.

В IX томе Лицевого Летописного Свода имеется около 40 изображений Казани¹⁴. Они начинаются на л. 529 – 537 (история Мамука), затем встречаются довольно редко (лл. 596, 659 об., 660, 771 – 772, 805 об. и 806), а затем на лл. 850 – 883 и 905 – 924 опять попадаются в большом количестве. Вначале для изображений Казани не было установленного шаблона, но в последних группах рисунков вырабатывается определенный шаблон, согласно с которым и изображалась Казань. Этот шаблон заключает в себе следующие элементы: 1) крепостная стена с круглыми башнями, покрытыми шатрами, 2) городские ворота, 3) внутри города – три здания: с шатром, с коробовым сводом и с плоскою кровлею. Большинство этих форм шаблонны и встречаются на страницах Лицевого Летописного Свода постоянно, как обычные элементы при изображении всяких архитектурных пейзажей. Ни круглых башен городских стен, ни зданий с коробовым сводом, ни домов с плоской кровлею нельзя приурочить специально к Казани.

Совершенно иное мы наблюдаем, когда переходим к мотиву шатрового здания внутри города. Это здание постоянно встречается на рисунках Казани: мы видим его на л. 875 об., л. 880, л. 905 об., л. 907 об., л. 909 об., л. 91.3, л. 914, л. 924 об., л. 935. В редких случаях этот мотив попадает и в рисунок Москвы, но там он совершенно теряется среди иных мотивов, тогда как в изображениях Казани он заметно выделяется и доминирует.

На прилагаемых здесь рисунках (таб. III) мы видим шатровое здание следующей конструкции: широкое здание, покрытое двускатной кровлею, имеет спереди башню, несущую два карниза, сильно выступающих наружу, и увенчанную мощным шатром. На л. 875 об. этот мотив служит ил-

люстрацией к тексту: «Да и послов своих к великому князю присыпал Мамуша князя Курту князя да Шемердена князя Чюракова», т. е. описываются события 1529 г. – посольство хана Сафа-Гирея в Москву (таб. III, рис. 1). На л. 880 тот же мотив иллюстрирует текст: «И азътороканские люди выйдоша противу ихъ изъ града и былъ бои великъ межю обоихъ» – события 1530 года, когда казанцы со своими союзниками сделали вылазку из осажденной русскими Казани (таб. III, рис. 2).

В шатровом здании татарской Казани на лл. 875 – 935 IX тома Лицевого Летописного Свода нетрудно узнать изображение татарской мечети, отличающейся от современной формы деревянной мечети лишь тем, что минарет у нее находится над входом, а не в центре здания. Самый минарет передан весьма характерными чертами. Мы видим между окнами и шатром два выступающих наружу карниза, при чем нижний карниз перекрыт особой крышею, как видно по ее окраске; шатер на л. 875 (таб. III, рис. 1) имеет ясно выраженные полицы при основании, что составляет также одну из характерных особенностей татарского зодчества.

Второй архитектурный мотив, имеющийся на рисунке татарской Казани и не встречающийся в изображениях других городов, – это трехкупольное здание на л. 879 об. Этот рисунок (таб. IV, рис. 1) является иллюстрацией к тексту: «И царь казанской Сафакирей и со всеми казанскими людьми и к ним же прииде из Нагай Мамай мурzin сын большой со многими людьми да Яглыч князь со многими людьми»... » – описываются события 1530 года, осада Казани русскими, продолжение которой на л. 580 мы уже приводили (таб. III, рис. 2). Трехкупольное здание, изображенное на рисунке, увенчано не закомарами, а полусферическими куполами, которые художник снабдил полуциркульными окошками спереди. Для того, чтобы реально представить эту конструкцию, нужно развернуть ее вширь, так как художник слишком сжал ее с боков. В расширенном виде эта конструкция является совершенно реальной и является аналогичной такому многокупольному сооружению, как Белая Палата в Булгаре.

Наконец, на л. 805 об. мы встречаем еще одно здание татарской Казани, представляющее совершенно исключительный интерес. Рисунок служит иллюстрацией к тексту о поставлении Шах-Али на ханство в 1519 году: «Они же еха в Казань по великаго князя приказу. Посадиша Шигалея царя на царство априля» (таб. V). Архитектурный пейзаж изображает внутри городских стен дворец с тремя фронтонами и двускатными кровлями; позади дворца возвышаются два парных минарета с очень низенькими шатрами; направо два здания с двускатными кровлями и между ними, на переднем плане, – замечательное здание необычайной конструкции. Трехчастный фасад покрыт как будто пофронтонно, но скатов крыш не видно; в пролетах между тремя частями фасада возвышаются сзади два симметричных шатра, а сзади них в середине возвышается еще один, наиболее высокий шатер. Возникает вопрос,

какая пространственная конструкция была передана этим плоскостным изображением. Несомненно, что это – многоглавое здание с несколькими шатрами. Рассмотрение рисунка убеждает нас в том, что мы имеем дело с перспективным изображением, в котором не все части конструкции видны: некоторые из них скрыты частями здания, выступающими вперед. Если мы попытаемся представить план здания, которое изображено, то никак нельзя ограничиться видимой на рисунке стороною конструкции. Принимая в расчет только то, что дано на рисунке, пришлось бы представить здание трехугольное в плане и ступенчатое по конструкции, постепенно возвышающееся к своему узкому концу. Совершенно ясно, что такая однобокая конструкция не могла существовать в действительности и что она должна иметь симметричную обратную сторону, на перспективном рисунке не изображенную.

Рисунок л. 805 об. дает достаточно данных для реконструкции плана этого здания. На рисунке изображено 6 вышек. Шатровой характер трех из них, находящихся на заднем плане, не возбуждает никаких сомнений. Три передние можно принимать за фронтоны, однако отсутствие на рисунке боковых скатов пофронтонных покрытий заставляет нас отказаться от такого предположения и видеть в них тоже шатры. Большой, самый высокий шатер (А) занимал, несомненно, центр здания. Впереди его помещались несколько раздвинутые в стороны два средних шатра (В и С), в перспективе вырисовывавшиеся между тремя меньшими шатрами переднего плана, которые, при минимальном количестве конструктивных элементов, должны располагаться по углам всей конструкции (D, E и F). Проектируя симметрично обратную сторону, скрытую от зрителя на рисунке, мы получаем конструкцию с 8 шатрами вокруг центрального, самого высокого шатра (таб. IV, рис. 2).

В этой конструкции нельзя не узнать мечеть Кул-Шерифа с ее 8-ю минаретами, о которых сохранилось предание, записанное знаменитым татарским историком Марджани. Рисунок на л. 805 об. Шумиловской рукописи (IX тома Лицевого Летописного Свода) подтверждает наше прежнее предположение о том, что мечеть Кул-Шерифа имела конструкцию, сходную с храмом Василия Блаженного¹⁵. Подлинный рисунок XVI столетия доказывает справедливость предания, записанного Марджани.

Конструкция мечети с 8 башнями в классической мусульманской архитектуре встречается только в Индии, где мы имеем 9-купольные мечети в Лукнове и Хозангабаде¹⁶. В джайнском искусстве конструкция с 9-куполами также существовала в северной Индии. Наиболее законченное выражение этой конструкции дает храм в Кантонугтуре, на границе с Непалом¹⁷. Характерную особенность индийских построек с 9 куполами составляет расположение куполов по диагоналям квадратного плана. Как мусульманские, так и джайнские 9-купольные здания в Индии относятся к одной и той же эпохе и сосредоточены в одном (северном) районе. Время их сооружения – эпоха Великих Моголов. Храм в Кантонугтуре пост-

роен в 1704 – 1722 годах, мечети в Лукнове и Хозангабаде также в XVIII веке, мавзолей в Ульваре – в конце XVIII века. Таким образом, мы не можем связывать мечеть Кул-Шерифа в Казани с 9-купольными постройками Индии, которые принадлежат к более поздней эпохе.

План мечети Кул-Шерифа достаточно выясняется из сопоставления рисунка на л. 805 об. Шумиловской рукописи и храма Василия Блаженного. Мечеть, ориентированная на юг, была обращена к странам света углами, и ось здания проходила по диагонали. При таком плане мечеть состояла из целой системы уступов, придававших ей исключительную живописность. Мы не знаем, каков был внешний вид здания, так как конструкция и покрытия башен Василия Блаженного и на рисунке Шумиловской рукописи различны: башни Василия Блаженного восходят к цилиндрическим каменным башням типа Малого Минарета в Булгаре, тогда как в миниатюре Шумиловской рукописи мы видим шатровую постройку, связанную с деревянным зодчеством казанских татар. В классическом мусульманском искусстве неизвестен план мечети с осью, расположенной по диагонали здания. Скорее всего прототип такой конструкции со многими минаретами можно искать в деревянном зодчестве казанских татар, в котором имеются кресчатые планы домов, перекрытые пофронтонно. Таким образом, мы должны предполагать довольно сложное происхождение мечети Кул-Шериф, воспроизведившей в камне кресчатый план и шатровые формы татарского деревянного зодчества.

IV

Пред нами прошел целый ряд архитектурных форм, из которых одни тесно связаны с памятниками Булгара, другие – с Крымом, третьи – с деревянным зодчеством казанских татар. В искаженной передаче русских художников-иконописцев мы узнаем знакомые формы, напоминающие Малый Минарет, Черную Палату, дюрбе, шатровые минареты, дома с полуциркульными вырезами кровель, наконец – легендарную мечеть Кул-Шерифа с восемью минаретами. Все эти формы не случайно нашли себе место в рисунках русских мастеров XVI столетия. Очевидно, они соответствовали реальным формам, существовавшим в действительности. Во всех этих сооружениях виден один общий стиль, которого нельзя было выдумать и который соответствует стилю татарской архитектуры. Пред нами начинает воскресать если не подлинный облик погибшей татарской Казани, то хотя бы общий характер татарского зодчества эпохи Казанского ханства. Художники, современные покорению Казани, сумели достаточно отчетливо передать этот общий характер татарского зодчества.

Подтверждается наше предположение о сходстве каменной архитектуры татарской Казани с памятниками Булгарского и Касимовского зодчества. Новым, неизвестным ранее фактом является присутствие крымских элементов в искусстве татарской Казани. Но еще более важным считаем мы то обстоятельство, что теперь подтверждается древнее

происхождение современного деревянного зодчества казанских татар. На рисунках XVI столетия мы видим типичные минареты с шатровым покрытием, здесь имеется также дом с колоннами и полуциркульной аркою в кровле – форма, которую многие исследователи считали за позднюю, заимствованную от русских в эпоху «ампира».

Как из картины «Апофеоз взятия Казани», так и из миниатюр Лицеевого Летописного Свода с несомненностью вытекает, что характерный тип минарета, свойственный национальному зодчеству казанских татар, уже существовал в XVI веке. Целый ряд доводов говорит за то, что пестро раскрашенный 8-гранный минарет с шатровым покрытием, столь часто встречающийся в деревянных мечетях, вовсе не является воспроизведением в дереве каменной цилиндрической формы, но имеет самостоятельное происхождение; этот тип распространен на широком пространстве, от Карина до Астрахани и от Касимова до Оренбурга. Когда и где он сложился? В лесной полосе тяжелые срубы русских деревянных церквей с грузными шатрами имеют мало общего с легкими беседками татарских минаретов. Это препятствует нам искать прототип минарета в шатровых церквях, сохранившихся в северных лесах. Мы полагаем, что в деревянном зодчестве казанских татар можно различать два составных элемента 1) простейшую конструкцию «клетью», которая могла быть заимствована татарами в эпоху их расселения в лесной полосе и перехода от кочевого быта к оседлому; эта конструкция деревянных срубов вероятнее всего заимствована татарами у коренных жителей Поволжья – местных финнов, среди которых расселялись татары; 2) приносные элементы, сообщающие татарскому зодчеству черты своеобразного стиля – шатровые вышки минаретов, ярусность крыш, яркую полихромность раскраски; эти элементы имеют декоративный характер и должны считаться более поздними по времени своего вхождения в татарское зодчество. Эти приносные декоративные элементы уводят нас далеко на восток.

Нельзя не заметить, что существуют значительные точки соприкосновения между татарским зодчеством и китайской архитектурой. Характерные полицы при основании шатра, составляющие неотъемлемую принадлежность татарского зодчества, дают тот же эффект, как и загибы крыш в китайском искусстве. В.В.Егерев впервые обратил внимание исследователей на другую характерную особенность татарского зодчества – ярусность крыш, перекрывающих трижды выступающие карнизы минаретов деревянных мечетей¹⁸. Эта особенность также составляет принцип китайской архитектуры, в которой, по словам В.В.Згуры, «движение по вертикали задерживается крышами, венчающими каждый этаж, и потому строится рядом маленьких всплесков»¹⁹. Наконец, татарские постройки сближаются с китайскими отсутствием прямолинейности и преобладанием живописности в плане и массах.

Родину татарского деревянного зодчества или, вернее, того декоративного стиля, который составляет отличительную черту татарского зодчества, нужно искать, по нашему мнению, там, где сложилось степное искусство монгольских дацанов и калмыцких хуролов. Наиболее близкую аналогию татарскому зодчеству составляет калмыцкая архитектура. К сожалению, из русских исследователей очень немногие занимались калмыцким искусством. И.А.Житецкий издал описание двух хуролов. В 1885 году архитектор В.В.Суслов обратил внимание на калмыцкое зодчество:, совершая научную поездку по Волге, он достиг Астрахани и здесь «прежде всего воспользовался случаем ознакомиться с бытом и с монастырскими постройками калмыков»²⁰. В.В.Суслов дал описание и планы 2 хуролов и фасад одного из них – Тюменевского, построенного в XVIII веке и являющегося наиболее интересным.

Хотя калмыцкие хурлы являются довольно поздними постройками, но все же в них видны черты старинных традиций, придающих им определенный, строго выдержаный и своеобразный стиль. С татарским искусством калмыцкое зодчество сближается следующими чертами: 1) кресчатым планом некоторых зданий²¹; 2) многоглавостью сооружений, напр. Тюменевский хурул в Хошутовском улусе имеет 4 башни, Дунду хурул в Мало-Дербетовском улусе – 4 или 5 башен²²; 3) легкой надстройкою в виде застекленной вышки, возвышающейся поверх кровли, чем калмыцкие хурлы отличаются от монгольских дацанов и сближаются с китайскими зданиями; И.А.Житецкий говорит, что «чаще всего только одна *верхняя часть постройки отвечает религиозным требованиям ламаистов*, а вся остальная ничем не разнится от обыкновенного жилого здания»²³ – таким образом, легкая надстройка является как раз наиболее характерной чертой для калмыцкого зодчества; 4) яркой полихромией раскраски «в азиатском или восточном вкусе»²⁴.

Калмыцкое зодчество является одним из ответвлений китайской архитектуры. К этому же кругу монголо-китайского искусства принадлежит, в своей основе, и татарское деревянное зодчество.

Татарское зодчество, в его целом объеме, распадается на две главные ветви, имеющие каждая особый стиль. Это – 1) каменная архитектура, представленная ярче всего памятниками Булгара и Касимова, и 2) деревянное зодчество, бытующее у казанских татар до настоящего времени. Происхождение обоих ветвей различно. Каменная архитектура ведет свое начало от классического мусульманского искусства и является отраслью персидского зодчества. Из круга арабско-персидской культуры пришли на Волгу каменотесное искусство, точные способы вычислений, математические приемы кладки, персидские изразцы и т. д. Посредствующим звеном являлся Хорезм, через который шли торговые сношения с IX века. Деревянное зодчество имеет также, в своей основе, иноземное влияние, но оно идет не из Персии, а из Китая. По-

средствующим звеном для этого влияния служила Монголия, переживавшая расцвет своего могущества в эпоху Чингиз-хана, в XIII в.

В эту эпоху китайские влияния широкой струйей проникали в Поволжье, как видно из находок китайских зеркал (в Центральном Музее Татарской Республики имеется коллекция китайских зеркал из Булгара), фарфора²⁵, ювелирных изделий²⁶ и т. д. Проф. Б.П.Денике отмечает целый ряд китайских влияний на персидскую миниатюру XIII–XIV столетий. В своей книге «Искусство Востока» он говорит: «Монгольская эпоха характеризуется усилением китайского влияния. Существовали в это время тесные связи между Туркестаном и Китаем. Вместе с монголами пришло в Персию много китайцев: инженеров, ученых, астрономов и художников, проводивших в Персии начала китайской культуры»²⁷. Мартин и Э.Кюнель отмечают влияние китайских образцов на персидские. Китайские рисунки были довольно обычны в Персии в ту эпоху. Академик В.В.Бартольд в лекциях по археологии Средней Азии поставил вопрос о китайском влиянии на мусульманское искусство в области архитектуры. Он сообщает, что дальневосточные элементы в постройках уже обнаружены, но сведения о них в литературе еще почти не затронуты. Китайское влияние сказывается в изразцах некоторых мавзолеев группы Шах-и-Зинда в Самарканде, где имеются рисунки цветов и птиц в китайском стиле; в развалинах ханаки Тюрабек-ханым в Ургенче найден изразец с лицевым изображением монгольского типа²⁸. В.В.Бартольд считает признаком китайского влияния на мусульманскую архитектуру то различие, которое наблюдается между Самаркандскими и западными (напр., испанскими) мусульманскими изразцами: в Самарканде рисунок каждого изразца представляет только деталь общей композиции, тогда как в Испании каждый изразец – отдельное целое, имеющее законченный рисунок. Это различие связано с влиянием Китая на мусульманское искусство Средней Азии.

В XIII веке в Монголии господствовал китайский стиль, который дал здесь, как можно думать, два ответвления. Одна ветвь получила выражение в архитектуре народов монгольского племени – халхасов, бурят и калмыков. Другая ветвь воплотилась в зодчестве турецких народов – башкир и татар. Типичным проявлением монгольского зодчества являются буддийские монастыри, а татарского зодчества – мусульманские мечети. Эпоху формирования деревянного татарского зодчества с его стилистическими особенностями мы считаем XIII – XIV века, эпоху оживленного торгового обмена между Поволжьем и Китаем.

Исключительную роль в деле формирования татарского деревянного зодчества сыграли, по нашему мнению, те купцы турецкого (турецкого.– Ред.) племени и мусульманской религии, которые составили экономическую основу территориальных завоеваний Чингиз-хана. В.В.Бартольд говорит: «В эпоху появления монголов мы видим в руках мусульманских купцов даже торговлю Китая с кочевыми народами Монго-

лии... Оживлением торгового и культурного обмена (после монгольского завоевания) вполне воспользовались только мусульмане»²⁹. В лекциях по истории Туркестана В.В.Бартольд сообщает, что от образования Монгольской империи больше всего выиграли мусульманские купцы, и без них не могла бы быть образована Монгольская империя. Они были культурными советниками при дворе Чингиз-хана еще в то время, когда он был в Восточной Монголии и не выходил за ее пределы. Мусульманские купцы стали главными финансовыми чиновниками и правителями областей в империи Чингиз-хана. Расцвела караванная торговля и возникли новые города. Разрушенные во время завоевания города быстро оправились от погрома»³⁰.

Татарское зодчество имеет ярко выраженное классовое происхождение. Оно возникло, сформировалось и распространялось в богатой, наиболее обеспеченной среде купцов и торговцев. Соответственно двум главным направлениям татарской торговли, мусульманские купцы приносили на Волгу художественные влияния из двух различных стран: персидское из Хорезма и китайское из Монголии. Как мы уже сказали, Персия дала татарам каменную архитектуру, Китай – деревянное зодчество. В обоих случаях мы имеем дело не с крестьянским искусством, а с произведениями городских и сельских богачей – баев, которые являлись проводниками иноземных и вообще культурных влияний в народные массы. Татарский стиль зодчества нашел себе выражение в мечетях и богатых домах, так как бытовал в среде баев и биков, которая также оставила в татарских селениях многочисленные памятники в виде кладбищенских плит с надгробными надписями. Как татарские бай были связаны прочными нитями с миром среднеазиатского и дальневосточного торгового капитала, так и татарское зодчество было соединено с тем же миром. Классовый характер татарского зодчества выясняется совершенно определенно, и главное значение в создании татарской архитектуры имела не крестьянская, а купеческая среда.

Несмотря на сильную зависимость от иноземных влияний, нельзя, однако, сказать, чтобы татарское деревянное зодчество слепо следовало за китайским искусством. Черты самобытности в нем все-таки проявились: мы видим их в своеобразных шатровых покрытиях минаретов. Легкие вышки калмыцких хурулов и китайских зданий никогда не имеют тех стройных, высоких шатров, которые так характерны для татарского зодчества. Эту форму мы должны считать местной, татарской, развившейся самостоятельно и вовсе несвойственной искусству других турецких народов.

Примечания:

¹ П.П.Муратов. «Два открытия» (София, 1914, № 2).

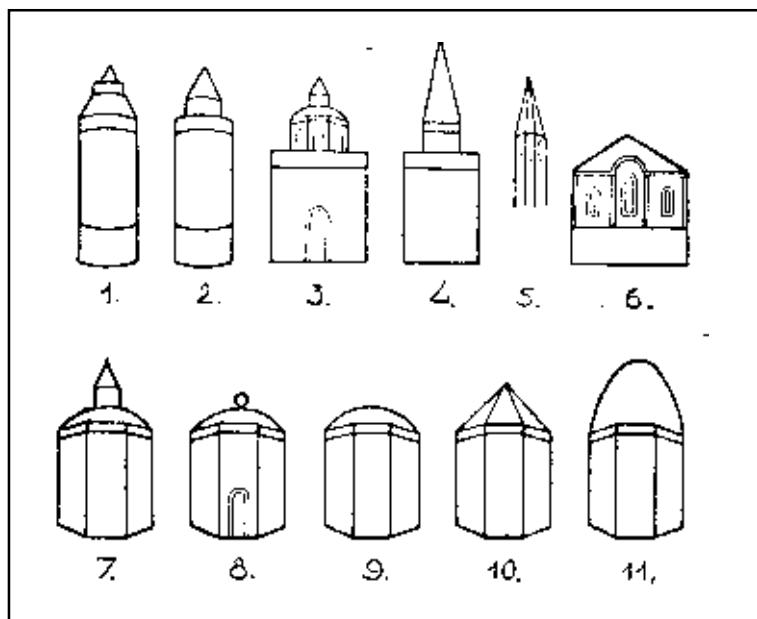
² А.Б.Пресняков. «Эпоха Грозного в общем историческом освещении». Анналы. 1922 г. № 2, стр.197.

³ Султанов. «Образцы древне-русского зодчества в миниатюрных изображениях», стр.1

- ⁴ Лихачев. «Палеографическое значение бумажных водяных знаков», стр.CLXXIX.
- ⁵ Султанов. «Образцы древне-русского зодчества», стр.9-я.
- ⁶ В последнее время применение того же метода мы находим в работе В.Сичинского «Архитектура в стародруках», Львов. 1925 г.
- ⁷ С.П.Бартенев. «Московский Кремль в старину и теперь» II, стр.183-193.
- ⁸ Описы московской Оружейной Палаты, ч.III, стр.7-10. Рисунки к изданию «Древности Российской Государства». Отд.III – Л.Яковлев «Русские старинные знамена». Дополнение – рисунки, табл.III. Москва, 1865 г.
- ⁹ «Снимки древних русских печатей», изд. Комиссии печатания государственных грамот и договоров, вып.I. Москва 1882 г. стр.18-19.
- ¹⁰ Лихачев. «Палеографическое значение бумажных водяных знаков», ч.I, страница CIXXVII–CIXXVIII.
- ¹¹ Б.Н.Засыпкин. «Памятники архитектуры крымских татар» (журнал «Крым» 1927, № 2(4), табл.1) и У.Боданинский «Татарские «дурбек» – мавзолеи в Крыму», Симферополь, 1927, стр.4.
- ¹² М.Худяков. «Очерки по истории Казанского ханства», стр.259-260.
- ¹³ Н.В.Султанов. «Образцы древне-русского зодчества в миниатюрных изображениях», стр.2.
- ¹⁴ В настоящее время мы ограничиваем свою работу рассмотрением лишь IX тома Лицевого Летописного Свода, т.е. Шумиловской рукописи. Хранящийся в Москве X том Лицевого Летописного Свода должен дать еще более обширный материал по Казани.
- ¹⁵ М.Худяков. «Очерки по истории Казанского ханства», стр.291-292.
- ¹⁶ Кн. Г.Г.Гагарин «Происхождение пятиглавых церквей», таб. 2 и 3.
- ¹⁷ J.Fergusson. «History of Indian and Eastern Architecture». London, 1876, стр.467, рис.263 и рис. перед заглавным листом; мавзолей раджи Бактавара в Ульваре, стр.474, рис.267.
- ¹⁸ Это ценное наблюдение было указано В.В.Егеревым в прениях по докладу Худякова «Деревянное зодчество казанских татар» в Обществе Татароведения в Казани в 1923 году.
- ¹⁹ В.В.Згура. «Китайская архитектура и ее отражение в Западной Европе». Москва. 1929, Стр.17.
- ²⁰ В.В.Суслов. «Заметки о калмыцких и древне-русских постройках» (Очерки по истории древне-русского зодчества. СПБ. 1889, Стр.55, табл.VI, рис.1, 2 и 6).
- ²¹ Мефодий (Львовский). «Калмыцкие хурулы». Ставрополь. 1895. Стр.36.
- ²² И.А.Житецкий. «Очерки быта астраханских калмыков». Москва. 1893. Табл.XI, рис.65 и 64.
- ²³ И.А.Житецкий. «Очерки быта астраханских калмыков», стр.57.
- ²⁴ Мефодий (Львовский). «Калмыцкие хурулы», стр.10.
- ²⁵ М.Г.Худяков. «Китайский фарфор из раскопок 1914 г. в Болгарах». (Известия Об-ва Арх., Ист. и Этн. при Казанском Университете, том XXX, вып.I, стр.117-120).
- ²⁶ Ф.В.Баллод. «Приволжские Помпеи», Москва. 1923. Стр.95-96, рис.30-31. В Центральном Музее Татарской Республики в Казани имеется золотой перстень с изображением дракона (колл. А.Ф.Лихачева, из Булгара). См. А.Ф.Лихачев «Бытовые памятники Великой Булгарии», стр.24.
- ²⁷ Б.П.Денике. «Искусство Востока». Казань. 1923. Стр.59.
- ²⁸ К числу китайских влияний на персидские изразцы можно, по нашему мнению, отнести также изразец из Увека, воспроизведенный в книге Ф.В.Баллода «Приволжские Помпеи», таб.31.
- ²⁹ В.В.Бартольд. «История изучения Востока в Европе и России», изд.2. Лгр. 1925. Стр.60.
- ³⁰ Лекция В.В.Бартольда по истории Туркестана в Лгр. Институте Живых Восточных Языков 31 октября 1925 г.

Таблица I.

Таблица II.

Таблица III.

Рис 1.

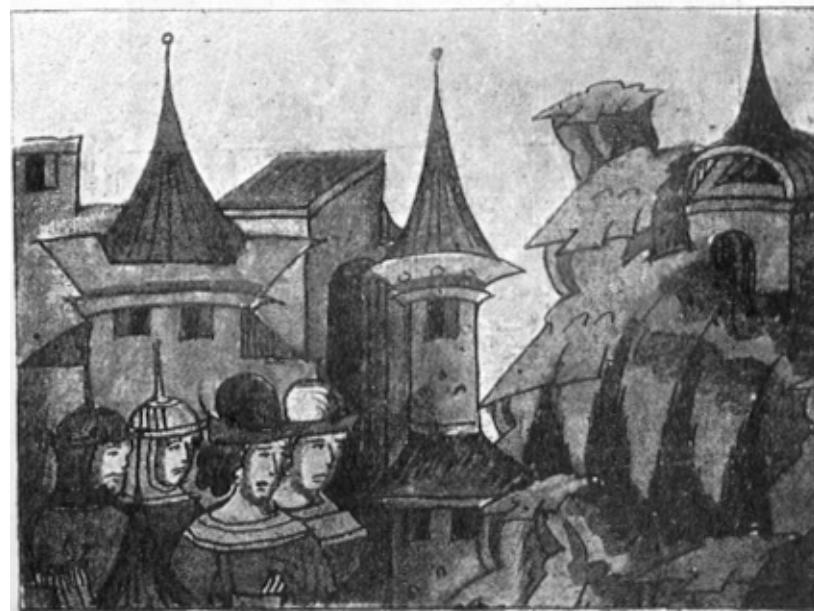

Рис 2.

Таблица IV.

Рис 1.

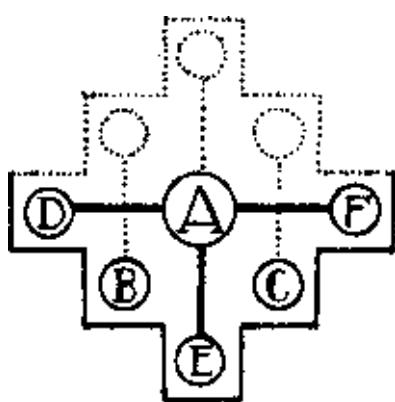
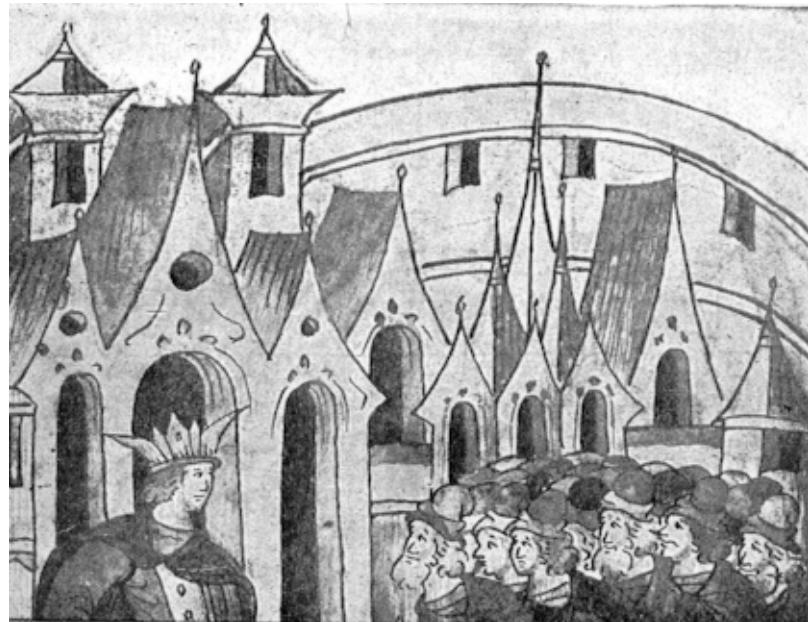

Рис 2.

Таблица V.

Наиль Набиуллин

Новые данные по археологии средневековой Казани (обзор материалов некоторых охранно-спасательных раскопов)

В последние годы заметно усилился интерес к памятникам историко-культурного наследия татарского народа, причем особое внимание исследователи стали обращать на золотоордынский и ханский периоды средневековой истории. В их число входит и Казань, которая, с одной стороны, имея непрерывную историю развития от небольшого укрепленного поселения к современному городу и в археологическом отношении представляя собой многослойный памятник, одновременно является представительным памятником времени Казанского ханства. В первую очередь речь, конечно, идет о Кремле - историческом ядре Казани, расположенном в центре современного города на высоком мысовом холме левого берега Казанки, левого притока Волги, в трех километрах от ее устья.

Исследования Казани начались во второй половине XIX в., в 1923-1954 гг. они проводились под руководством Н.Ф.Калинина, с 1960-х по начало 1990-х годов – А.Х.Халикова при активном участии А.Г.Мухамадиева, Л.С.Шавохина и др. Ныне на территории Казани и Кремля работы ведутся в рамках археологической экспедиции «Казанский кремль» под руководством Ф.Ш.Хузина.¹ Не останавливаясь здесь на истории и результатах археологического изучения средневековой Казани, отметим, что на сегодняшний день Казанский кремль является наиболее широко исследованным и потому реперным памятником археологии Казанского ханства; основной материал был получен сравнительно недавно, в ходе широкомасштабных и комплексных исследований, которые проводятся здесь на протяжении почти десяти последних лет. Результаты, полученные при исследовании этого городского центра, с известной поправкой на его «столичность» вполне корректно переносить на другие, пока на порядки слабее исследованные памятники ханского времени. Несомненный интерес имеют они и в самом широком плане.

В данной публикации представляется обзор материалов, полученных при исследованиях на двух охранно-спасательных раскопах на территории памятника и их предварительные результаты. Однако прежде чем приступить к нему, автор не мог обойти одну проблему и через авторитетный журнал хотел бы обратить внимание на буквально катастрофическое состояние памятников археологии Татарстана, в том числе Казани, в исторической части которой в результате масштабных строительных работ многие из них уже уничтожены или находятся под угрозой уничтожения.

Не стал исключением и Казанский кремль, охраняемый Государственным историко-архитектурным и художественным музеем-заповедником в качестве памятника федерального значения, объекта Всемирного наследия ЮНЕСКО. На раскопе XIII работы проводились в связи со строительством теплой автостоянки и подъезда к ней. На площадке будущего раско-

па XLVIII, расположенного на площади перед зданием Президента РТ, строительные работы и уничтожение культурного слоя происходили летом 2001 г., в дни торжественной церемонии вручения Казани Диплома о включении Кремля в список объектов всемирного наследия ЮНЕСКО².

Значительная часть историко-культурного наследия и научной информации была уничтожена. Научные заключения и рекомендации ученых, выступления в средствах массовой информации практически не имели результата. В авральные сроки удалось провести лишь спасательные раскопки, только частично покрывающие площадки строек.

* * *

Раскоп XIII 1999-2000 гг. площадью 300 кв. м расположен в северо-восточной низменной части Кремля³. Формирование комплекса археологических остатков раскопа связано, во-первых, с непосредственной деятельностью человека на данном участке памятника, во-вторых, процессом сползания и осыпания Кремлевского холма. Мощность слоя в раскопе достигает 4,5 м; прослежена следующая стратиграфия культурных напластований:

- слой I (современный, XIX-XX вв.) - дерн, рыхлая темно-серая супесь, строительный мусор общей мощностью 1-1,5 м;
- слой II (русский, вторая половина XVI-XVIII вв.) - серая супесь мощностью 0,5-1 м. В слоях найдены характерная керамика, изразцы, осколки фарфора, фаянса, стекла (в основном бутылочного, в том числе разнообразные миниатюрные пузырьки), глиняные грузила бочонковидной формы, гвозди и костили длинных размеров, монеты;
- слой III (времени Казанского ханства, середина XV - первая половина XVI вв.) - гумусированный пестроцвет мощностью 1,2-1,5 м. В слое выделяется 5 горизонтов. Здесь встречены характерные для этого времени фрагменты неполивной и поливной керамики (в том числе кашинской), поливных изразцов, обломок сердоликового перстня и др.; в слое очень много обрезков и обрывков кожи, встречены предметы из дерева (лопата, «колотушки» и пр.).

Слой IV (золотоордынский, вторая половина XIII- первая половина XV вв.) и слой V (домонгольский, конец X- первая половина XIII вв.) по стратиграфической шкале Кремля, в отличие от участков раскопа, вскрывавшихся в 1997-1998 гг., практически не выделяются. К этим слоям относятся только небольшой переотложенный материал, а также, возможно, несколько объектов, выделившихся на фоне материкового подзола. Золотоордынскому слою прежде принадлежала часть характерной керамики, а также нумизматический материал - три серебряные монеты 1421-1445 гг. р.Х. (Мухаммад, Болгар)⁴, домонгольскому - выразительные образцы керамики, сердоликовая шарообразная бусинка и др. Видимо, здесь эти слои не только были переработаны в последующие периоды истории, но и в целом теряли свою мощность по сравнению с северной частью раскопа; на некоторых участках они вообще не формировались.

Объекты раскопа представлены прежде всего такими интересными сооружениями как уличные и дворовые деревянные настилы (мостовые), существовавшими на этом участке памятника длительное время. Самые древние из них связываются с напластованиями средних горизонтов Казанского ханства, самые поздние - с верхними напластованиями русского слоя. Уличные мостовые слоя II в целом направлены по линии северо-запад – юго-восток и имеют приблизительную ширину 6 м; мостовые верхнего горизонта обуглены. Мостовые периодически локально подновлялись.

Некоторые подобные объекты слоя III являлись настилами внутри отдельных самостоятельных комплексов типа усадеб (т.к. формы раскопа диктовались спасательным характером работ, эти комплексы в площадку раскопа попали частично). В комплексах выделяются жилые, хозяйствственные постройки, забор, иногда настил во дворе (рис. 1-3). Жилые деревянные постройки – наземные, выделяются погреба. Сохранилось не более двух рядов бревен, закреплявшихся в обло; горизонтальное положение бревен достигалось путем подкладывания под них известняковых камней в углах построек. Среди них выделяются объекты размерами 5 x 5 м (определяется один «пятистенок») и несколько меньшие по размерам «пятистенки»- 3,8-4,0 x 3,8-4,0 м. В юго-западных углах последних выявлены остатки одно- и двухстолпных опечек (1,5 x 1,5 м), закреплявшихся путем врубки лаг в стены основного сруба (рис.3). Следы разнесенной печи прослежены в одном случае; представляет интерес и комплекс вещевых находок из этого сооружения в виде керамики, бусины, гребня и др. В другом случае прослежены следы настила из тонких горбыльков, жердей, коры.

Хорошо сохранились подземные части хозяйственных построек (до 7-8 рядов бревен или горбылей, крепившихся в обло). Обычно они имели средние размеры 3 x 3 м. В сооружении 29 (датируется не точнее чем слой II-III) хорошо сохранился пол, решенный путем врубки заточенных на концах бревен в стены сруба. Представляют интерес два сооружения таких же размеров, сложенные из горбылей, наружная сторона которых была в несколько слоев обложена корой в целях сохранения от доступа влаги. Комплексы ограничиваются заборами. Обычно это были частоколы, в одном случае - плетень. Хорошо сохранился забор-частокол с обугленной наземной частью, дневным уровнем восходящий к завершению слоя III (1552 г.?).

Исходя из естественных причин, значительная часть объектов исторически связана с борьбой человека со сползающим кремлевским холмом. Обычно они представляют собой различного рода деревянные конструкции типа подпорных стенок. Остальные объекты представлены ямами типа хозяйственных и столбовых (слои I-III).

Раскоп дал значительное количество культурных остатков. Только в коллекцию взято всего более двух тысяч единиц предметов из глины, черного (железо, чугун) и цветного (меди-бронза, свинец, серебро) ме-

талла, обработанного камня и кости, стекла, дерева, кожи и др. Массовым материалом во всех слоях являются керамика и кости животных; в слое III найдены отдельные человеческие черепа. Встречены фрагменты поливной посуды типа кашина, посуды из «китайского фарфора». Изразцы поливные и неполивные, обычно характерны для слоев I и II, встречены в относительно небольшом количестве. В слое III их еще меньше; здесь они чаще имеют бирюзовый, голубой и близкие к ним цвета. Среди индивидуальных находок из глины интересны обломок курительной трубки (слой I), зооморфная игрушка; имеются лощила, грузила, пряслица и другие находки. Многочисленны металлические изделия. Из них абсолютное большинство составляют предметы из черного металла - обломок топора, ножи, гвозди, наконечник стрелы, ядра, подковы и подковки, пряжки, обломки чугунной посуды; меньше предметов из меди-бронзы (пряжка, застежка и др.). Предметы из камня представлены известняковыми пряслицами, ядром, точилами, жерновами и др. В категорию украшений входят обломок сердоликового перстня и бусины. Среди предметов из обработанной кости - наконечник стрелы, предмет типа кочедыка, проколка из грифельной кости и др.

Необходимо отметить большое количество кожи из слоя III, в том числе из заполнения некоторых объектов. Основная часть фрагментов кожи представляет собой детали-выкройки, обрезки и обрывки (обычно обувь), что указывают на производственный характер объектов и в целом района. Интерес представляют находки чехлов для ножей и особенно колчана для лука с вышивкой по шнурку в виде сильно стилизованного растительного орнамента и изображением зооморфного существа («Зилант») (рис.4). Хорошо сохранились предметы из других органических материалов, среди которых – обломки лопат из дерева, берестяные туески и пр.

Ценность исследовавшегося участка Кремля состоит в том, что не будучи его центральной, «парадной» частью, а наоборот, в некоторые периоды истории представляя собой своего рода задворки (иногда - практически свалку), он в целом избежал интенсивной застройки и перестроек. Наряду с естественным процессом сползания и осыпания Кремлевского холма и другими причинами это обусловило относительно удовлетворительную сохранность культурного слоя, а также формирование чрезвычайно важных участков его «спокойного залегания». Повышенная влажность этого участка стала причиной хорошей сохранности деревянных объектов и в целом органических остатков. В научном плане все это дает уникальную возможность разработки подробной стратиграфии и хронологии памятника, в своем принципе приближающейся к «новгородской шкале древностей». Основным направлением этого проекта могло бы стать изучение Казанского Кремля как памятника с непрерывным и длительным формированием культурного слоя; более узким направлением - разработка вопросов археологии Кремля как эталонного памятника Казанского ханства.

До последнего времени большие перспективы для туристического показа имела реконструкция объектов из дерева, в том числе мостовых и срубов позднетатарского и раннерусского времени, к сожалению, уже невосстановимых.

* * *

Раскоп XLVIII площадью 540 кв. м был расположен на территории кремлевского холма, ограниченной с севера Губернаторским (Президентским) дворцом, с юга Благовещенским собором, с востока обрывом в сторону реки Казанки, с запада – районом башни Сююмбеки. В историографии на основании отрывочных сведений письменных источников эта территория рассматривается как политico-административный центр Казани и носит название «Ханский двор» («Бо бе зело крепок, между палат и каменных мечетей, оплотом великим обточен» - А.Курбский, описание штурма; «Царев двор» писцовой книги 1565-1568 гг.). Такая локализация «Ханского двора» - своего рода «цитадели» крепости – и его отдельных элементов находит определенное археологическое подтверждение в виде остатков мавзолеев знати, фрагментов монументальных зданий и периметра стен двора и др.⁵

В связи с этим чрезвычайно интересен основной объект раскопа XLVIII (рис.5-7) - монументальный комплекс прямоугольных очертаний, расположенный на площади 18 x 23 м (здесь и далее по линиям запад – восток и север – юг соответственно) и ориентированный сторонами почти по странам света (азимут продольной линии 350 гр.). Сохранился в виде двух ленточных фундаментов шириной 1,6-1,8 м и максимально сохранившейся высотой до 1,3 м, расположенных на расстоянии 3,8 м друг от друга и выложенных по периметру ям размерами 18 x 11,6 м (южная часть) и 18 x 7,8 м (северная часть).

Поверхность площадки будущего фундамента была снивелирована, укреплена, уплотнена сваями средней длины 50 см и диаметром 15 см, которые были расположены в ряды на относительно четко соблюдаемом расстоянии друг от друга, равном примерно 50 см. Стенки котлована были использованы в качестве опалубки, а внутренняя сторона выполнена блоками со средней высотой 20 см (длина и ширина разные), которые были аккуратно отесаны и скреплены известковым раствором (рис.7).

Кладки по периметру были разделены поперечными, и, таким образом, образовались северо-западное, северо-восточное, юго-западное и юго-восточное помещения размерами 6,6 x 4,4 м, 6,2 x 4,0-4,4 м, 6,8 x 8,4 м, 6,4 x 8,4 м соответственно; последнее было поделено кладкой по линии запад - восток на две одинаковые части размерами по 6,4 x 3,4 м.

Дневной уровень строительства сооружения фиксируется в слое слоистого пестроцвета Казанского ханства (III) в виде редких, но хорошо заметных вкраплений известкового раствора. В период функционирования сооружения в его пределах формируются отложения в виде однородной 10-30 см мощности прослойки пестроцвета средней плотности с

доминированием желто-коричневого цвета, с заметными включениями подзола. Первоначальное разрушение сооружения во второй половине XVI в. и кратковременный отрезок запустения фиксируются в слое в виде мелкого известнякового щебня.

Относительно функционального назначения этого далеко не рядового сооружения времени Казанского ханства, представляющего собой подвальное помещение постройки, пока можно делать лишь весьма осторожные и предварительные предположения. Мы определяем его как остатки комплекса административного назначения, которое имеет отношение к резиденции казанских ханов – возможно, «Большой палаты» в «Царевом дворе» писцовой книги 1565-1568 гг.⁶

В период первоначального освоения Кремля русским населением наблюдаются следы локального использования пределов подвальных помещений этого бывшего сооружения, где появляется ряд объектов хозяйственного назначения, расположенных практически по касательной к его стенам. Сооружения раннерусского времени были вскоре заброшены (одно погибло во время пожара) из-за последовавшего обустройства подвальных помещений под их сплошное использование для разных хозяйственных нужд; можно предполагать непосредственное использование ханских конструкций и в более позднее время.

Основная, наземная часть сооружения, видимо, постепенно разбиралась и материал его был использован для постройки других объектов, причем довольно поздних. На каком-то этапе «вторичное» использование подвальной части сооружения было окончательно прекращено из-за ветхости и оно было скрыто под дневной поверхностью. Можно предположить, что сведения о «выходах» добротного строительного материала могли существовать в течение длительного времени, а если и забывались, то периодически обновлялись хотя бы при случайном обнаружении их в процессе разных хозяйственных работ. Таким образом, локальная разборка сооружения, видимо, продолжалась при последующих строительствах наряду с широко используемым материалом устаревающих построек русского времени (например, на раскопе были выявлены остатки фундамента постройки размерами 11 x 11 м, относившейся к комплексу архиерейского двора конца XVII – начала XIX вв.).

В культурном слое раскопа отразились характерные черты территории, исторически и традиционно выполнявшей роль одного из центральных, «парадных» мест Казани и Казанского кремля, что обусловило здесь свои особенности формирования и сохранности археологического культурного слоя. Использование ее виде площади, сада-парка (с большей или меньшей закрытостью в отдельные периоды) в известной степени ограничили накопление культурных напластований и остатков, а также спасли слой от монументальных строительств. В то же время она не избежала периодических благоустройств, сопровождавшихся, в частности, срезками-нивелировками поверхности (одна из крупных – при по-

стройке Губернаторского дворца и благоустройства площади перед ним). Объекты раскопа, в том числе основной, сильно пострадали от строительства фонтана XIX в. и его коммуникаций⁷.

По имеющимся материалам можно проследить преемственность планировки в раннерусский период, обусловленную естественно-географическими причинами, непосредственным использованием и приспособлением старой планировки, бывших объектов ханского времени. В постройках, претендующих на монументальность, фиксируются признаки деградации строительного дела.

Монументальные постройки законсервированы.

Примечания:

- ¹ *Фахрутдинов Р.Г.* Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территории. - Казань: Таткнигоиздат, 1975. - С. 71-74; 163, №№ 1415-1417; с. 166, №№ 1452-1454. Археологическая карта Татарской АССР. Предкамье. - М.: Наука, 1981. - №№ 69, 75, 76, 77, 78, 79 и др.
- Бороздин И.Н.* Археологические разведки в Кремле. I. Разведка близ Киприановой церкви // МОРПП. - 1929. - Т. III. - С. 37-40. *Калинин Н.Ф.* Раскопки в Казанском Кремле в 1953 году // Известия КФАН СССР. Серия гуманитарных наук. Вып. 1. - Казань: Таткнигоиздат, 1955. - С.117-138. *Калинин Н.Ф., Халиков А.Х.* Итоги археологических работ за 1945-1952 гг. // Труды КФАН СССР. Серия исторических наук. Казань: Таткнигоиздат, 1954. - С. 65-67. *Смолин В.Ф.* Археологические заметки к топографии Кремля // ВНОТ. - Казань, 1926. - № 4. - С. 72-76.
- Фахрутдинов Р.Г.* Задачи археологического изучения Казанского ханства // СА. - 1973. - № 4. - С. 113-122. *Габиев Р.С., Халиков А.Х.* Разведки в окрестностях Казани // АО – 1976. - М., 1977. - С. 137. Каталог археологических коллекций Государственного музея ТАССР. Вып. II. Эпоха железа. Волжская Болгария. Золотоордынские города. Казанско-е ханство. Коллекции XVI-XVII вв. - Казань, 1980. - С. 190-196, 203-208. *Мухамадиев А.Г., Халиков А.Х., Шавохин Л.С.* Раскопки в Казанском Кремле. АО – 1977. - М., 1978. - С.187-188. *Халиков А.Х.* Исследование древнейшей крепостной стены Казани // АО – 1978. - М., 1979. - С. 201-202. *Он же.* Основные этапы археологии и ранней истории Казани до возникновения города // Новое в археологии и этнографии Татарии. - Казань, 1982. - С. 38-45. *Он же.* История археологического изучения г. Казани // Средневековые археологические памятники Татарии. - Казань, 1983. - С. 111-138. *Он же.* Работы в Татарии и Пензенской области // АО – 1982. - М., 1984. - С. 181-182. *Он же.* Работы в Казани // АО – 1983. - М., 1985. - С. 182. *Он же.* Укрепления древнейшей Казани // Военно-оборонительное дело домонгольской Булгарии. - Казань, 1985. - С. 90-111. *Он же.* Наблюдения в Казани // АО – 1984. - М., 1986. - С. 157. *Он же.* Исследования на Большое-Тиганском могильнике и в Казани // АО – 1985. - М., 1987. - С. 210-211. *Он же.* Наблюдения в Казани // АО – 1986. - М., 1988. - С. 195-196. *Он же.* Археологические наблюдения на предбулочной части посада Казани XV-XVI веков // Археологические открытия Урала и Поволжья. - Сыктывкар, 1989. - С. 116-118. *Халиков А.Х., Мухамадиев А.Г., Шавохин Л.С.* Раскопки в Казанском Кремле // АО – 1976. - М., 1977. - С. 179-181. *Халиков А.Х., Шавохин Л.С.* Изучение и сохранение культурного слоя древней Казани // О научной конференции по памятникам археологии. - М., 1978. - С. 22-23. *Шавохин Л.С.* Археологические исследования г. Казани в 1971 г. // Тезисы докладов на секциях, посвященных итогам полевых исследований в 1971 г. - М., 1972. - С. 136-137. *Он же.* Раскопки в Зилантовом монастыре и Кремле города Казани // АО – 1971. - М., 1978. - С. 235-236. *Он же.* Раскопки в г. Казани // АО – 1972. - М., 1973. - С. 193-194. *Он же.* Раскопки в Казанском Кремле // АО – 1973. - М., 1974. - С. 178. *Он же.* Раскопки в Казанском Кремле // АО – 1974. - М., 1975. - С. 180-181. *Он же.* Раскопки в Казанском

Кремле // АО – 1975. - М., 1976. - С. 207-208. *Он же.* О местоположении первоначальной Казани // Из истории культуры и быта татарского народа и его предков. - Казань, 1976. - С. 20-38. *Он же.* Раскопки Северо-Западной башни Казанского Кремля // АО – 1979. - М., 1980. - С. 178-179. *Он же.* Архитектурно-археологические раскопки в Казани и Свияжске // АО – 1980. - М., 1981. - С. 161. *Он же.* Средневековая Казань дорусского времени в историко-археологическом отношении. // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. - М., 1988. - 20 с.

Бугров Д.Г. Работы в посадской части средневековой Казани. (Раскоп XXIX – «Интендантские склады») // АОТ – 2000. - Казань, 2001. - С. 34-37. Булыгин А. Типология монет из клада, обнаруженного в 2000 году на территории Казанского Кремля // Великий Волжский путь. Материалы Круглого стола и Международного научного семинара. - Казань: Мастер-Лайн, 2001. - С. 312-316. Бурханов А.А. Новые данные по средневековой Казани (итоги раскопок Кабанского городища) // Научное наследие А.П.Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. - М., 1999. - С. 127-130. *Он же.* Некоторые итоги исследований средневековых памятников в Казани и перспективы их изучения в заповедной территории «Старо-татарская слобода» (по материалам исследований археологических и эпиграфических объектов XIII-XVI вв. в 1997-1999 гг.) // Старо-Татарская слобода – от прошлого к будущему: Материалы научно-практической конференции. - Казань: Мастер-Лайн, 2001. - С. 62-70. *Он же.* Некоторые итоги изучения памятников охранной зоны Иске-Казанского историко-культурного и природного комплекса в Заказанском регионе (к проблеме изучения и сохранения историко-культурного и природного наследия и роли географического положения и основных природно-экологических особенностей в заповедных зонах) // Диалог культур Евразии: Вопросы средневековой истории и археологии. Изучение и сохранение историко-культурного наследия. Вып. 2. - Казань: Изд-во ТГГИ, 2001. - С. 354-381. *Он же.* Археология Казанского ханства: история изучения, итоги последних исследований и перспективы. // Материалы и исследования по археологии Золотой Орды и Казанского ханства. Вып. 1. – Казань, 2002. – 21 с. *Он же.* Древняя история. // Очерки истории Высокогорского района Республики Татарстан – Казань: Мастер-Лайн, 1999. - С. 9-82. *Он же.* Новые данные по истории Казанского ханства (некоторые итоги археологических исследований памятников Заказанья) // 60 лет кафедре археологии МГУ им. М.В.Ломоносова. Тезисы докладов юбилейной конференции, посвященной 60-летию кафедры археологии исторического факультета Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова – М., 1999 - С. 171-176. *Он же.* Археология Казанского ханства (история изучения, итоги последних исследований и перспективы) // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования. // Материалы научного семинара «Казанское ханство». 5 февраля 2002 г. – Казань: Фэн, 2002. – С. 246-267. Бурханов А.А., Исмагилов Н.Ф. Новые памятники эпохи Казанского ханства в Кремле // Материалы итоговой научно-практической конференции. 1999 год. // Казань, изд-во ТГГИ, 2000. – С. 104-106. Газимзянов И.Р. Раскопки погребальных комплексов Волжской Булгарии и Казанского ханства // Диалог культур Евразии: Вопросы средневековой истории и археологии. Изучение и сохранение историко-культурного наследия. Вып. 2. - Казань: Изд-во ТГГИ, 2001. - С. 129-134. Гамаледин М., Совелан А. О саманидском дирхеме из древней Казани // Археологическое изучение болгарских городов. - Казань: Мастер-Лайн, 1999. - С. 39-40. Григорьев Ю.В., Ситдиков А.Г., Старков А.С. Археологические наблюдения на улицах Казани // АОТ – 2000. - Казань, 2001. - С. 41-46. Губайдуллин А.М. Археологические исследования Северной башни Казанского Кремля // АОТ – 2000. Казань, 2001. С. 24-26. Древняя Казань глазами современников и историков / Составители и авторы комментариев Ф.Ш.Хузин и А.Г.Ситдиков. - Казань: Фест, 1996. - 444 с. Кальмер Й. Ранние бусы из раскопок древней Казани // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы Международной научной конференции. - Казань: Мастер-Лайн, 2000. - С. 54-58. Мавзолеи Казанского Кремля. Опыт историко-антропологического анализа // Панорама-форум – 1997 - №3 - 158 с. Мухамадиев А.Г. Казань – город каменный! // Заказанье: проблемы истории и культуры. Тезисы докладов и материалы 1-

ой Региональной научно-практической конференции. - Казань: Заман, 1995. - С. 32-34. *Он же.* Раскопки в Казанском Кремле // Поволжье в средние века. (Тезисы докладов Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию Г.А.Федорова-Давыдова). - Н. Новгород, 2001. - С. 71-75. *Он же.* Исследования на раскопе XXX // АОТ – 2000. - Казань, 2001. - С.19. *Он же.* Казань – наследница Болгары (по нумизматическим данным) // Болгар и проблемы исторического развития Западного Закамья. 60 лет археологического изучения. Итоги и перспективы. (Тезисы научной конференции). - Болгар, 1998. - С. 37-40. *Мухаметшин Д.* Нумизматические находки их домонгольского слоя Казанского Кремля // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX-XII веков. Материалы Международного симпозиума. - Казань: Мастер-Лайн, 1999. - С. 235-237. *Мухаметшин Д., Ситников А.* Клад монет, зарытый в 1552 году в Казанском кремле (предварительное сообщение) // Великий Волжский путь. Материалы Круглого стола и Международного научного семинара. - Казань: Мастер-Лайн, 2001. - С. 308-311. *Набиуллин Н.Г.* Охранно-спасательные раскопки в северо-восточной части Казанского Кремля (раскоп XIII) // АОТ – 2000. Казань, 2001. - С. 20-23. *Он же.* Охранно-спасательные раскопки на площади перед зданием Президента Республики Татарстан в Казанском Кремле (раскоп XLVIII) // Проблемы древней и средневековой истории Среднего Поволжья. Материалы Вторых Халиковских чтений. 29-30 мая 2002 г. – Казань, 2002. – С. 209-212. *Он же.* Новые материалы по археологии ханской Казани // Материалы итоговой научно-практической конференции за 2002 год – Казань: Гуманитария (ТГГИ) – С. 148-150. *Он же.* Охранно-спасательные работы у Тайницкой башни и Северной стены Казанского кремля (раскоп XLVI) // в печати. *Он же.* Охранно-спасательные работы у Пятигранной башни Казанского кремля (раскоп XLVII, 2001 г.) // в печати. *Николаева К., Каишатова Г.* Спорово-пыльцевой анализ образцов из раскопов Казанского Кремля. (К датировке культурного слоя средневекового города) // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы Международной научной конференции. - Казань: Мастер-Лайн, 2000. - С. 68-71. *Петренко А.Г.* Исследования костей животных, полученных при раскопках Казанского Кремля в 1994 г. // Проблемы древней и средневековой археологии Волго-Камья. - Казань, 1999. - С. 155-161. *Печенин А.В., Хузин Ф.Ш.* Раскоп XXXVII на территории Богородицкого монастыря // АОТ – 2000. - Казань, 2001. - С. 38-40. *Ситников А.Г.* К вопросу о древнейших укреплениях Казани (по материалам раскопов X, XX 1997-1998 гг.) // Болгар и проблемы изучения древностей Урало-Поволжья. 100-летие А.П.Смирнова. (Тезисы научной конференции). - Болгар, 1999. - С. 60-63. *Он же.* Оборонительные укрепления древней Казани // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы Международной научной конференции. - Казань: Мастер-Лайн, 2000. - С. 22-40. *Он же.* Стратиграфия, хронология и топография Казанского Кремля (XI-XVII вв.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. - Ижевск, 2000. - 26 с. *Он же.* Археологические исследования в центральной части Президентского сада // АОТ – 2000. Казань, 2001. - С. 8-11. *Он же.* К вопросу об укреплениях посада Казани 1552 г. // Проблемы первобытной и средневековой археологии. Тезисы докладов Первых Халиковских чтений. - Казань, 1999. - С. 98-101. *Он же.* Некоторые аспекты топографии ханской Казани // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования. // Материалы научного семинара «Казанское ханство». 5 февраля 2002 г. – Казань: Фэн, 2002. – С. 160-206. *Ситников А.Г., Хузин Ф.Ш.* Некоторые итоги и перспективы археологического изучения Старо-Татарской слободы // Старо-Татарская слобода – от прошлого к будущему: Материалы научно-практической конференции. - Казань: Мастер-Лайн, 2001. - С. 58-61. *Они же.* Исследования белокаменной стены древней Казани по восточному склону Кремлевского холма // АОТ – 2000. - Казань, 2001. - С. 12-15. *Старостин П.Н.* Итоги исследований Юго-Восточной башни Казанского Кремля в 2000 году // АОТ – 2000. - Казань, 2001. - С. 27-29. *Фодор И.* Древневенгерские аналогии накладки из раскопок Казанского Кремля // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы Международной научной конференции. - Казань: Мастер-Лайн, 2000. - С. 59-67. *Хаскова Я.* Древнечешская монета из Казани // Археологическое изучение булгарских городов. - Казань: Мастер-Лайн, 1999. - С. 32-37.

Хлебникова Т.А. Керамика V слоя Казанского Кремля // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы Международной научной конференции. - Казань: Мастер-Лайн, 2000. - С. 41-53. *Хузин Ф.Ш.* Казанский Кремль: некоторые итоги и проблемы археологического изучения // Всероссийская научно-практическая конференция «Гуманистические традиции Запада и Востока в музейном деле России и Татарстана». Материалы секций археологии. Казань, 1997. С. 15-19. *Он же.* Древняя Казань в X – начале XIII вв. (по материалам археологических исследований 1994-1998 гг.) // Археологическое изучение булгарских городов. - Казань: Мастер-Лайн, 1999. - С. 5-31. *Он же.* Борынги Казань. Древняя Казань // Борынги Казань. Древняя Казань. Каталог выставки. - СПб.: Славия, 1999. - С. 14-25. *Он же.* Казань как один из центров международной торговли на Средней Волге (конец X – начало XI вв.) // Этническая и государственная история булгарского народа. (Тезисы научно-практической конференции, посвященной 70-летию А.Х.-Халикова). - Казань, 1999. - С. 10-12. *Он же.* Новое в археологии древней Казани // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы Международной научной конференции. - Казань: Мастер-Лайн, 2000. - С. 12-21. *Он же.* К вопросу о возникновении Казани как одного из центров международной торговли на Средней Волге (конец X – начало XIII вв.) // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары. Доклады Международного симпозиума по вопросам археологии и истории. Пушкинские Горы, 11-14 мая 1999 г. - СПб., 2000. - С. 254-263. *Он же.* Булгарский город в X – начале XIII вв. - Казань: Мастер-Лайн, 2001. - С. 185-217. *Он же.* Казань средневековая // The Great Volga Road. Tatarstan, 2002. (London, 2002). - С. 204-213. *Он же.* О некоторых итогах исследований археологической экспедиции «Казанский Кремль» в 2000 году // АОТ – 2000. - Казань, 2001. - С. 3-7. *Он же.* К вопросу о «Старой» и «Новой» Казани// Заказные: проблемы истории и культуры. Тезисы докладов и материалы 1-й Региональной научно-практической конференции. - Казань: Заман, 1995. - С. 41-43. *Он же.* Древняя Казань и проблемы ее возникновения (в свете археологических исследований 1994-1998 гг.) // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX-XII веков. Материалы Международного симпозиума. - Казань: Мастер-Лайн, 1999. - С. 196-226. *Он же.* К вопросу об археологической дате древней Казани. (К 1000-летию города) // Проблемы первобытной и средневековой археологии. Тезисы докладов Первых Халиковских чтений. - Казань, 1999. - С. 76-78. *Он же.* Еще раз об «Иске-Казани» // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы Международной научной конференции. - Казань: Мастер-Лайн, 2000. С. 181-185. *Хузин Ф.Ш., Ситдиков А.Г.* Новые исследования в Казанском Кремле // АО – 1994. - М., 1995. - С. 241-244. *Хузин Ф.Ш., Ситдиков А.Г., Шарифуллин Р.Ф., Набиуллин Н.Г.* Археологические исследования в Казанском Кремле (1994-1996 гг.) // Биляр и Волжская Булгария: изучение и охрана археологических памятников. (Тезисы научной конференции). - Казань, 1997. - С. 84-88. *Хузин Ф.Ш., Хакимов Р.С.* О времени основания города Казани. По материалам Международной конференции «Средневековая Казань: возникновение и развитие» (Казань, 1999) // РА. - 2000. - № 3. - С. 220-229. *Хузин Ф.Ш., Шакиров З.Г.* Раскоп XXXVIII на предполагаемом месте Тайницкого ключа // АОТ – 2000. - Казань, 2001. - С. 30-33. *Хузин Ф.Ш., Шарифуллин Р.Ф., Хлебникова Т.А., Набиуллин Н.Г., Ситдиков А.Г.* Древняя Казань: некоторые итоги и перспективы археологических исследований. - Казань, 1995. - 35 с. *Шарифуллин Р.Ф.* Исследования в северо-восточном конце Казанского Кремля (раскоп XIX) // АОТ – 2000. - Казань, 2001. - С. 16-18. *Chuzin F.* Stara Kazan v obdobi od 10. do pocatku 13. Stoleti // NL. - 1999. - № 4. - S. 101-105. *Haskova J.* Pocatku ceskeho micovani ve vypovedi nalezu z Kazane // NL. - 1999. - № 4. - S.106-111. *Palkoskova-Bohmova O.* Lingvisticky rosbor textu VACLAV// CNIZ – P/ACA// VITA // NL. - 1999. - № 4. - S. 120-121. *Paukert J.* Epigraficka poznamka k olovenemu predmetu z Kazane // NL. - 1999. - № 4. - S. 118-119. *Slama Jiri.* Na okraj zajimaveho numismatckeho nalezu v Kazani // NL. - 1999. - № 4. - S. 97-100. *Sowlem Adel Abd El-Monem.* Dating and attribution of Samanid Dirham from Kazan Kremlin excavation on the light of Samanid Dirhams collection in Cairo // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы Международной научной конференции. -

Казань: Мастер-Лайн, 2000. - С. 79-102. *Trestik D. Poznamky k «denaru» z Kazane // NL.* - 1999. № 4. - S. 114-117.

За основу библиографии средневековой Казани и Казанского ханства взят библ. ук.: *Хузин Ф.Ш., Ситдиков А.Г. Средневековая Казань. Краткий библиографический указатель.* – Казань: РИЦ «Школа», 2002. – 152 с.

² В результате того, что Кремль продолжает рассматриваться властями в первую очередь как политico-административный, а не историко-культурный комплекс, теряются памятники как исторического окружения Кремля (например, летом 2000 г. был полностью снесен квартал зданий под западными стенами), так и расположенные непосредственно на его территории. В рамках реставрации (?) кремлевского комплекса здесь были срезаны до материковых пород целые археологически не исследованные участки культурного слоя (мечеть Кул Шарифа, «Пушечный двор» и др.). На сегодняшний день сохранилось не более 10-20% культурного слоя памятника.

³ Заложен как продолжение раскопа XIII 1997-1998 гг. (исследователи Ф.Ш.Хузин, Р.Ф.Шарифуллин).

⁴ Благодарю А.Г.Мухамадиева и Д.Г.Мухаметшина за определения монет.

⁵ Древняя Казань глазами современников... - С. 131. Материалы по истории Татарской АССР. Писцовые книги города Казани 1565-68 гг. и 1646 г. // Труды историко-археографического института. Материалы по истории народов СССР. – М., 1932 – Вып. 2. – С. 2-8. Калинин Н. Где был дворец казанских ханов // ВНОТ. – 1927. - №7. - С. 81-96. Ситдиков А.Г. Некоторые аспекты... - С. 173-177.

⁶ Материалы по истории... - С. 8. См. также: Ситдиков А.Г. Некоторые аспекты... – С. 176-177.

⁷ На этапе полевых исследований мы не исключали, что для постройки основания фонтана могли быть использованы не только строительные материалы от более ранних сооружений, но и непосредственно их конструкции (*Хузин Ф., Набиуллин Н. Казанский Кремль // ДИНА.* – 2001. - № 8. - С. 4-5). В ходе обработки материалов эти предположения не подтвердились.

Рис. 1. Раскоп XIII 1999-2000 гг. Остатки жилой деревянной постройки.

Рис. 2. Общий вид на объекты раскопа XIII.

Рис. 3. Фрагмент сруба.

Рис. 4. Кожаный колчан для лука из слоя Казанского ханства раскопа XIII (справа – реконструкция Н.Кумысниковой).

Рис. 5. Остатки монументальной постройки раскопа XLVIII 2001 г.

Рис. 6. Общий вид на раскоп XLVIII (снимок сделан с крыши Президентского дворца)

Рис. 7. Фрагмент монументальной постройки.

Нина Кокорина
**Керамика Камаевского городища конца XIV –
первой половины XVI вв.
(по материалам раскопок 1972–1988 гг.)**

Археологические работы, проводившиеся археологической экспедицией ИЯЛИ КФАН во главе с Н.Ф.Калининым на территории Казани и Иски Казани (Русско-Урматское селище и Камаевское городище), дали основание исследователю рассматривать их в исторической взаимосвязи (Калинин, 1955, 1957; Калинин, Халиков, 1954). По совокупности полученных (но не опубликованных) материалов Камаевское городище отнесено им к позднезолотоордынскому времени и эпохе Казанского ханства. В результате исследований Иски-Казанской археологической экспедиции, руководимой Р.Г.Фахрутдиновым, в 1972–1991 гг. на территории городища и селища получен новый богатейший многотысячный материал, который хорошо снабжен датирующими предметами и проходит большей частью из закрытых комплексов.

Публикация этих материалов является одной из насущных задач булгаро-татарской археологии. В настоящей статье автором предпринята попытка систематизации и типологии керамики из датированных объектов Камаевского городища.

Коллекция керамики состоит из более 7,5 тыс. фрагментов и отличается разнообразием культурных традиций. В состав выделенных археолого-этнических групп (АЭГ) керамики (Хлебникова, 1984, 1988; Кокорина, 1991, 1991а, 2002) входят I–1–3; XIV–1; XVI–1,3; XX–1,2; XXI–1,2; XXII–1–4. Все группы в связи с этнической пестротой населения данного памятника получили дополнительные подразделения на подгруппы.

I. Группы традиционной керамики.

1. XIV группа керамики (древнерусская) выявлена в 1–2 штыках в единичных экземплярах. Содержит примеси песка и дресвы, а в одном случае еще и раковины; черепок серого цвета. По венчикам реконструируется пять типов горшков (Рис. 1, 1, 2, 4, 5, 14):

1) блоковидный, Д – 18 см (Рис. 1, 1); 2) утолщенный низкий, Д – 24 см (Рис. 1, 2); 3) прямой, сапожковидный, Д – 24 см (Рис. 1, 5); 4) отогнутый наружу с закруглением вовнутрь, Д – 18 см (Рис. 1, 4); 5) округлый без утолщения, Д – 22 см (Рис. 1, 14). Сосуды типа 1 аналогичны сосудам из Болгара (тип IX, по классификации М.Д. Полубояриновой) из слоя второй половины XIV в. (Полубояринова, 1992, с. 133). Венчики типов 2, 3 имеют близкие аналоги на Еманаевском IV и Грековском селищах XIII–XIV вв. (Макаров, 1994, рис. 3, 8, 9, 36, 37); типов 4 и 6 – среди посуды с примесью дресвы, песка и раковины Мало-Сундырского городища XIV–XV вв. (Хлебникова, 1967, рис. 7–8). Раковина, органика появляются в этой группе керамики в Волго-Вятском районе в XIII

в. (Никитина, 1994, с. 77). Эти местные – традиционные для финно-угорского населения – примеси постепенно становятся более заметными в XIV в., если судить по материалам Русско-Урматского селища. Наиболее представительная здесь посуда группы XVI–1 («славяноидная») с толченой раковиной в тесте. Она выполнялась по образцам древнерусской, но с учетом традиции местной круглодонной посуды (Кокорина, 1994, с. 191–192). Примечательно, что на Камаевском городище найдены лишь ее единичные фрагменты (Рис. 1, 11). Но есть близкая ей горшковидная посуда, выделенная в группу XVI–3.

2. XVI–3 группа содержит примеси песка, дресвы (известняка), шамота; черепок коричнево-бурого до черного цвета; форма – плоскодонные горшки без бортика на дне. Они отличаются более толстым черепком, формами венчиков, а также некоторыми донцами с пережитками округлодонности (Рис. 1, 7–10, 12, 13). Этими признаками керамика группы XVI–3 отличается от группы XVI–2 – красноглиняной горшковидной в основном посуды с добавлением раковины и известняка, с отогнутым прямо срезанным краем из верхнего горизонта мастерской «дома гончара». XVI–3 группа представлена горшками пяти типов венчиков: 1) в виде знака вопроса, Д – 14, 17 см (Рис. 1, 12, 13); 2) утолщенный высокий, Н до 4 см, Д – 16,5 см (Рис. 1, 8); 3) с головкой, высокий, Д – 20, 22 см (Рис. 1, 9, 10); 4) прямой округленный, Д – 14 см (Рис. 1, 7); 5) прямой подвернутый вовнутрь, Д – 12 см (Рис. 1, 3, 6).

Все эти признаки (примеси, цвет черепка, форма венчиков, отсутствие орнамента) характерны для посуды Марийского Поволжья, особенно Мало-Сундырского городища (Хлебникова, 1967, рис. 8, с. 164–168). Венчики типов 1 и 4 известны, кроме того, на Юльяльском селище XIV– начала XV в. (Никитина, 1991, рис. 5, 6; 6, 3). Сосуды типов 6–8 единично встречались на городищах Чаллыинском, Болгарском и «Казанский Кремль» в слоях позднезолотоордынского времени и эпохи Казанского ханства. Судя по ареалу, эта поздняя группа керамики тяготеет к районам Волго-Вятского междуречья и может быть увязана с марийским населением луговой группы Заволжья (Хлебникова, 1967, с. 168).

3. XX группа керамики – плоскодонные горшки из теста с грубыми примесями крупнозернистого песка, мелких частиц шамота, известняка, дресвы, изредка органики, дробленого шлака; цвет от серого до буро-серого, буро-красный, красный; поверхность бугристая, но местами заглаженная, иногда со следами выравнивания ножом; орнамент – волнистые линии и в одном случае – прямые рифленые (Рис. 2). Эти признаки выделены для этой группы посуды Т.А.Хлебниковой по материалам верхнего горизонта позднезолотоордынского слоя Болгара (Хлебникова, 1988, с. 49–52). На Камаевском городище (р. IX 1981 г.) она составляет в нижнем горизонте 10,9%, в верхнем – 0,9%, встречаясь также на X–XIII, XVI раскопах (Табл. I). В сооружениях р. X, как и в других объектах ремес-

ленного назначения, эта керамика найдена вместе с остатками производства панцирей, доспехов, предметов вооружения. Этническая принадлежность этой керамики из Болгара остается неясной. Хлебникова отметила ее близость с XIII (джукетау) и XIV группами керамики по ряду признаков. Керамика с такими же признаками, но с несколько иными формами и орнаментом выделяется и на Камаевском городище. По составу примесей, цвету, формам и отделке эта группа делится на две подгруппы.

ХХ-1 (Рис. 2, 1, 4, 7–14) содержит крупный и мелкий песок, органику, дресву, изредка шамот; черепок преимущественно буро-серого, буро-коричневого, иногда красного цвета до черного в изломе; состоит из горшков ($D - 14, 16$ см) и чашек ($D - 13–16$ см); не орнаментирована, кроме фрагмента чаши (Рис. 2, 10).

ХХ-2 (Рис. 2, 2, 3, 5, 6) имеет примесь крупно- и мелкозернистого песка; серо-желтый, серый до черного черепок; состоит из горшков ($D - 12–16$ см). Орнамент двух видов: фестончатая волна и узор в виде прочерченных широким зубцом и прокатанных колесиком линий. Эти узоры, свойственные древнерусской посуде (Рис. 2, 5, 6), присутствуют также на керамике домонгольского Хулаша (Каховский, Смирнов, 1972, рис. 27), Чебоксар XV–XVI вв. (Краснов, Каховский, 1978, рис. 32, 34) и др.

По форме венчиков и плечиков выделяется десять типов горшкообразных: 1) овальный утолщенный внутри, низкие плечи, $D - 14$ см (Рис. 2, 1); 2) в виде знака вопроса, высокие плечи, $D - 14, 16$ см (Рис. 2, 3, 6); 3) утолщенный с желобком, низкие плечи, $D - 14$ см (Рис. 2, 3); 4) скошенный вовнутрь, $D - 20$ см (Рис. 2, 4); 5) подвернутый вовнутрь, плечи низкие, $D - 16$ см (Рис. 2, 5); 6) приостренно-овальный с тонким основанием, плечики высокие, $D - 14$ см (рис. 2, 7); 7) притупленный сверху, округлые плечи, $D - 16$ см (Рис. 2, 8); 8) овальный с тонким основанием, низкие плечи, $D - 15,5$ см (Рис. 2, 12); 9) с широким скосом вовнутрь, высокие плечи, $D - 15,5$ см (Рис. 2, 14); 10) с широким скосом вовнутрь, высокие плечи, $D - 12$ см (Рис. 2, 13).

Чашки имеют два типа венчиков и тулона: 1) округлый, слегка отогнутый край, низкое тулоно, $D - 12, 5$ см (Рис. 2, 9); 2) блоковидный, высокое тулоно, $D - 10$ см (рис. 2, 11).

Типы 1,4, 6–8 с отогнутыми наружу венчиками передают традиции форм болгарских горшков с ямочным узором салтовских истоков (Хлебникова, 1988, рис. 49, 7–9). Горшки аналогичной формы, но с более выраженной отогнутостью венчиков известны на Больше-Янгильдинском поселении в Чувашии (Смирнов, Каховский, 1963, рис. 19). Плечики янгильдинских горшков, как пологие, так и с подчеркнутым выступом-плечом (Рис. 2, 7), и орнамент, из разреженной волны в несколько рядов по тулону, характерны для болгарской серии горшков этой группы (Смирнов, Каховский, 1963, с. 21).

Посуда типов 2, 3, 5 имеет сходство с древнерусскими и «славяноидными» горшками XV в. Но венчики аналогичной формы есть также в

Чувашии среди посуды Убеевского поселения (Каховский, 1983, рис. 7, 11, 18, 20; 12, 1). Появление в этой группе мелких горшков с широким устьем и скошенным вовнутрь венчиком (Рис. 2, 13, 14), напоминающих горшки из Болгара, отделанных волной типа «джукетау» (Хлебникова, 1988, рис. 32, к), вероятно, отражает наиболее распространившиеся в городах золотоордынского Поволжья орнаментальные традиции болгар и кипчаков, и вряд ли их форма, напоминающая древнерусские горшки, могла отражать традиции круглодонных горшков XIII группы, как полагала Т.А.-Хлебникова. Характерный для серии этих горшков из Болгара узор из острой разреженной волны в несколько рядов по тулову, как и архаично-приземистые формы, передают черты салтовских горшков Подонья. Примером такого наследия в Среднем Поволжье могла быть керамика поселений типа Криушинского (Тухтина, 1960, с. 150, рис. 4), Мало-Пальцинского (Хлебникова, 1962, рис. 14, 2, 7), Кайбельского (Хлебникова, 1962, рис. 17, 4, 6, 7), Муромского (Хлебникова, 1962, рис. 24, 8, 11). Известно, что орнаментальные традиции салтовцев и славян Подонья были сильно смешанными, что отражало основной процесс сложения этого населения еще в раннеболгарское время, при последующем влиянии древнерусского гончарства в Поволжье. Итак, сосуды XX-1 группы отражают булгарские традиции, XX-2 – древнерусские. Горшки с широким краем и волнистым узором, судя по всему, являются симбиозным типом. Они принадлежали, вероятно, не только чувашскому, но и марийскому населению.

4. XXI группа керамики – крупнопесочная посуда с примесью известняка, мелкого шамота, с прочным черепком красно-розового, оранжево-красного, черно-серого цвета, плоскодонных форм, ленточной техники (Рис. 3, 4). Ранее она была выделена в Камаеве (Фахрутдинов, 1984, с. 142) как гончарная посуда джукетауского типа. Несомненное сходство плоскодонной посуды этой группы с XIII (круглодонной), преобладающих в районе Джукетау, воспринималось исследователями как подражание гончарной булгарской круглодонной прикамской посуде XIII группы (Хлебникова, 1984, с. 169). Но как показало ее изучение по материалам Билярского и Камаевского городищ, а затем ретроспективное выделение этой группы керамики в материалах памятников золотоордынского и домонгольского периодов (Джукетау, округа Биляра, Болгар, Чаллыинское, Сюкеевское и др.), она имеет свои более глубокие генетические корни, нежели посуда XIII группы (Кокорина, 1991).

О генезисе и истоках посуды XXI группы и связях ее с XIII и другими группами керамики Прикамья и Приуралья уже приходилось писать (Кокорина, Хлебникова, 1993; Кокорина, Останина, 1999; Кокорина, 2000). Я связываю ее с собственно кипчакским компонентом в составе болгар-сакетимов (саксинов) – тюркоязычного населения юго-восточных областей Прикамья и Приуралья, прослеживаемого по материалам керамики с X в.

XXI группа представлена кувшинами, хумами, горшками. Встречаются также фрагменты блюдце, чашек, кружек, светильников, чернильниц(?) и напрясел (Рис. 3, 4). Поверхность части посуды носит следы заглаживания травой (горшки), а на кувшинообразных имеется тонкое полосчатое редкое или сплошное лощение, выполненное галькой. Украшена, как правило, волной «джукетау», а также отпечатками гребенки, фестонами, резными линиями, наколами треугольной, семечковидной и круглой формы в несколько рядов по горлу.

По раскопам городища количество ее колеблется от 2,7% на IX (первая половина XV в.) до 39% на XVIa (вторая четверть XV в.) в слое и до 56,6% в поздних ямах; в объектах второй четверти – середины XVI в. (кузница с каменными котлами, «монетный двор», помещение для стражи) – 5, 5% в нижнем горизонте и 21, 4% – в верхнем (Табл. I, III). Таким образом, на центральных раскопах ее присутствие значительно.

В комплексах городища середины XV в. появляется разновидность посуды, по своим признакам близкая посуде XIII и XXI групп, выделенная мною при описании в подгруппу XXI–2. Ей свойственны добавления известняка и шамота в запесоченное тесто, ленточная техника изготовления; толстый прочный черепок; заглаженная поверхность; цвет от желтого, коричневого, малиново-красного до темно-серого, почти черного; желтый ангоб; формы – массивные горшки, сосуды с сосцами, миниатюрные сосуды с ушками, котел, блюдо, чашка, чернильница; есть прядица и ручки от кувшинов; орнамент из ямок, широких прямых, зигзагообразных, волнистых линий, отпечатков «гребенки» и «расчесов» (Рис. 4).

Она обрабатывалась ранее как керамика XXI группы и расценивалась как новое включение родственного кипчакского компонента. В этих же объектах городища, в основном в верхнем горизонте (до 5%, по Р.Г.Фахрутдинову), встречалась гончарная посуда нижневолжского производства (хумы, кувшины) желтого, светло-розового цвета с желтым ангобом и очень тонким зонным орнаментом. Р.Г.Фахрутдинов ранее (Фахрутдинов, 1984, с. 142) опубликовал ее как нижневолжскую, связывая ее появление в Иски Казани с включением этнических элементов южного, собственно золотоордынского типа*. Накопленный ныне керамический материал Камаевского городища позволяет конкретизировать этнические корни этих двух подгрупп посуды.

XXI–1 подгруппа состоит из кувшинов трех типов и размеров, кружек – двух, горшков – девяти, хумов – одного, котлов – одного, корчаг – двух типов, светильников или сосудов с ушками и напрясел. Типология этой посуды приведена в таблице V.

* Указанный процент нижневолжской керамики в слоях Камаевского городища возраст по мере расширения площади раскопов к северо-восточной части городища – наиболее богатого района в отношении остатков интересных объектов, большой массы керамических и вещевых находок. – Ред.

Кувшинообразные представлены широкогорлыми столовыми сосудами с горловиной в виде раstrуба, цилиндра и закрытой формы крупного размера. Кувшины типов 1 и 3 отделаны отпечатками шнура или имитацией шнуровых отпечатков по горлу и плечикам, причем оттиснутых не по всей окружности. Поверхность их подлощена галькой. Ручки имеют овально-уплощенную форму или с заметным выступом вдоль внутренней стороны, прямоугольную, круглую в сечении или с ложбинкой посередине. Кувшины типов 1 и 3, а также горшки типа 8 формами и отделкой по нижней части горловины и плечику (в виде отдельных оттисков шнура или его имитации) передают традиции отделки сосудов VII группы (угорской тюркизированной) золотоордынской эпохи (Казаков, 1978, рис. 46, 2, 3, 5). Прототипы форм кувшинов типов 1 и 3 известны среди лепных кувшинов Танкеевского могильника (Казаков, 1992, рис. 42, 92, 1, 2). Кувшины типов 2 и 3 есть на Чаллынском городище (Кокорина, Останина, 1999, рис. 15, 1, 4, 6). Хумовидные кувшины типа 3 характерны для посуды кипчаков Центрального – поселение Милькудык (Маргулан, 1973, рис. 14, 2; 1978, рис. 12, 15), Западного Казахстана – Сарайчик (раскопки Л.Л. Галкина, 1995 г.). Кувшины типа 2 с зигзагообразной волной по низкой широкой горловине (хумы) имеют прототипы в посуде Джукетау домонгольского и золотоордынского периодов и у кипчаков Нижнего Узбоя в XIV–XV вв. (Юсупов, 1975, рис. 8, 1).

Кружкам характерна грушевидная форма; горло – зауженное с рифлением или слегка раstrубом вверху, подчеркнутое поясом мелких резных линий; ниже по тулову идет подлощенный вертикальный фасчатый орнамент или прерывисто-фестончатый (Рис. 3, 18, 19). Целые формы кружек встречались в комплексе XI в. раскопа XVII Биярского городища (Кокорина, Хлебникова, 1993, рис. 4, 13–15), а также в Болгаре (Хлебникова, 1988, рис. 43, 21; 65).

Горшки типов 1–3, 8 (Табл. IV, 9-11, 15) и корчаги типов 1 и 2 (Табл. IV, 20-24) имеют параллели в Сарайчике (раскопки Л.Л. Галкина). Цилиндрические горшки с утоньшенным краем с отделкой по краю гребенкой и мелкой волной в несколько ярусов по горловине (тип 6; рис. 3, 24) передают традиции кушнаренковских горшков Больше-Тиганского могильника (Халиков, 1976, рис. 5, 23, 13, 4) и ряда приуральских (Мажитов, 1977, табл. XXI, 14; XXII, 6 и др.). Оригинальны горшки братичнообразной формы (Рис. 3, 32) с отделкой из нескольких поясов зигзагообразной волны, резных линий и отпечатков гребенки. Орнамент покрывает горловину и верх туловища, что характерно и для отделки посуды XXI группы. Близок по форме камаевским лишь сосуд из кирпичного здания XIV в. на Селистренном городище (раскопки Э.Д. Зиливинской, 1998 г.).

Хум с округлым уплощенным венчиком и отделкой из многозонного неровного волнистого узора и гребенки по валику у основания горловины, возможно, подражает гончарным болгарским, но очень своеобразно (Рис. 3, 11).

Сосуды с ушками – редкая, но характерная для слоя XV в. находка – имеют биконическую форму и ушки-выступы для подвешивания (Рис. 3, 28, 31); черепок желтовато-серый и темно-серый. Миниатюрная форма ($D = 10$ см), возможно, указывает на их принадлежность к светильникам.

Пряслице – буро-серого цвета, подтрапециевидного сечения с неровной нижней поверхностью (Рис. 4, 8). Его асимметричная форма вряд ли связана с неремесленным изготовлением. Пряслице найдено вместе с гончарной посудой малиново-красного черепка с ангобом, а значит относится к середине XV в. Асимметричные «пряслица» подобного типа и формы известны в могильнике Такталачук наряду с находками песочной черной и красно-желтой керамики чиялийского типа (Казаков, 1978, рис. 35, 3) и глиняных поделок культового назначения.

XXI–2 подгруппа состоит из единичных сосудов кухонного назначения, т.н. парадных, специальных и ритуальных форм. Среди них – горшки (Рис. 4, 6), братинообразные сосуды с «сосцами» (Рис. 4, 2, 3, 5), с ушками (Рис. 4, 4), котлообразный с роговидными ушками (Рис. 4, 16), горшочек с роговидными выступами (Рис. 4, 1), носик и ручки от кувшинов-кумганов (Рис. 4, 7, 9, 11), блюдце, биконический сосудик (светильник?) (Рис. 4, 14, 15), пряслице, фрагмент донца кувшина с остатками клейма и стенки с кружковым орнаментом (Рис. 4, 10, 13). Часть этих форм повторяет известные подгруппы XXI–1: сосуды с ушками, цилиндрошайбные горшки (Рис. 4, 4, 6).

Горшочек с прямо отогнутым и срезанным наружу краем – единственный экземпляр и, судя по «точеным» формам сохранившейся части, принадлежал биконическим сосудам с ушками-рожками (Рис. 4, 1). Подобные известны в позднезолотоордынском слое Болгара. Аналогии им Т.А.Хлебникова (1978, рис. 53, 8, 9) указала в нижневолжских ордынских центрах, но в отличие от болгарских на камаевском, как и на южных образцах, нет лощения.

Самобытны по исполнению братинообразные сосуды с «сосцами» – налепами и носиком, украшенные по валикам верхней части треугольными и семечковидными вдавлениями. Однако их роскошные прототипы встречаются среди поливных изделий из кашина и красной глины золотоордынских городов на позднем этапе (Вактурская, 1959, рис. 35, 5; Федоров-Давыдов, 1994, рис. 26). Отделка «сосцами», треугольными и семечковидными вдавлениями – символами плодородия – характерна для керамики скотоводов Казахстана, в особенности, центральных и западных районов (Маргулан, 1978, рис. 11, 12). А.Х.Маргулан, в частности, считал посуду Аяккамыра сходной с керамикой западных кипчаков (половцев – Н.К.) и печенегов Хазарии.

Сосуды с рожками и «сосцами», вероятно, являлись культовыми и связаны с культом женского плодородия у племен кимако-кипчакского объединения (Ахинжанов, 1978, с. 77–79). Поливной сосуд с Билярского 3 селища, как некоторые образцы из золотоордынских южных центров, име-

ет эпиграфический орнамент – надпись («успех») – и назван сосудом для розовой воды (Валиуллина, 1997, с. 52–53). Отличие их от красноглиняных, более архаичных образцов, вероятно, отражает как культовое, так и этническое различие в среде кипчаков. Характерные признаки культа плодородия сохранялись, по-видимому, у восточных кипчаков с печенежским компонентом. В отличие от кипчаков-шаров (восточных, «светлых»), мусульманизированных значительно раньше, нижневолжские кипчаки дольше сохраняли свои языческие культовые традиции

Сосудик биконической формы (светильник) с узором в виде многолучевой звезды, черепком черного цвета (Рис. 4, 15) отражает традиции населения Северо-Западного Казахстана и Южного Приуралья. Близкий по форме и стилю сосудик происходит из слоя XV в. Чебоксар (Краснов, Каходский, 1978, рис. 39, 5).

Пряслице – серого черепка, овального сечения, с орнаментом, который смотрится сверху как многолучевая звезда, а по окружности боковой стороны разделен на четыре сектора с косым крестом в каждом (Рис. 3, 3). На Камаевском городище найдено еще одно пряслице аналогичного сечения со звездообразным знаком и концентрическими линиями по бокам, но из кости. Аналогичное пряслице из кости с Бикбуловского селища (Казаков, 1984, рис. 12, 2) сопровождалось песочной керамикой окислительного обжига, стилистически и по формам подобной XXI–I группе.

Крестообразные косые знаки наряду ямочным и гребенчатым узорами входят в орнаментацию толстостенной круглодонной и плоскодонной посуды кимакских курганов Казахстанского Прииртышья (Арсланова, 1980, рис. 1–5). В составе теста этой посуды есть шамот, известняк, песок (кувшины). Благодаря архаичности, свойственной посудеnomадов, можно сузить круг поисков традиций и этнических истоков посуды группы XXI–2 низовьями Волги. Тесная взаимосвязь носителей этих двух подгрупп керамики, вероятно, сложилась в Казахстанском Прииртышье в VII–VIII вв., а продолжилась в Приаралье, Северном Прикаспии и на Южном Урале в среде, вероятно, башкирских племен (бурджен?) (Кузеев, 1974, с. 186–187).

На одном из донцев сосуда XXI–I группы сохранились остатки клейма в виде окружности со спицей (?) внутри (Рис. 4, 13). Поскольку посуда этой группы появляется на поселениях Волжской Булгарии в X – первой половине XI в., надо полагать, что оно относилось к одной из булгарских групп населения, впоследствии вошедших в состав населения Булгарского княжества и Казанского ханства. Наиболее распространенными были тамги в виде окружности с перекрестьем («мотовило») у табынцев, а также у северо-восточных башкир племени айыу (медведь) (Кузеев, 1984, с. 190, табл. 6). По мнению Р.Г.Кузеева, айнинцы – племя центральноазиатского корня, обитавшее затем в Приаралье и в пограничье зауральской степи и лесостепи в контакте с уграми.

Айнинцы дали башкирам в X–XIII вв. второе имя «иштяк» (Кузеев, 1974, с. 288–290, табл. 1, 2). Основной территорией их бытования в золотоордынский период и эпоху Казанского ханства было, по мнению Е.П.Казакова, Восточное Закамье: памятники этого района принадлежали булгаризованным уграм (Казаков, 1977, с. 38–39, 47–49). Как показывает анализ керамики данной группы, действительно можно говорить о тюркизации угров, начавшейся, вероятно, еще до сложения Булгарского государства.

5. XXII группа – примитивно-круговые и отчасти лепные очагового обжига, с грубыми примесями и бугристой поверхностью плоскодонные горшки, банки, миски, чашки, изредка украшенные волной, отпечатками гребенки – была выделена и описана одним из авторов по материалам прежде всего Камаевского городища. Ее распространение на памятниках Предволжья и Предкамья определило название группы «поворолжско-финская» (Кокорина, 1991). Связана она с восточно-финским в своей основе населением, испытавшим воздействие тюркоязычного, особенно в Заказанье (см. подробнее: Кокорина, 1994, 2002).

XXII группа составляет в Камаеве заметный процент на раскопе IX (первая половина XV в.) – 20% в верхнем горизонте, на раскопе XIII (первая половина XV–XVI в.) – 16, 5% в нижнем горизонте, а в ямных объектах ремесленного назначения, особенно позднего этапа, содержание ее значительно выше (Табл. I, III).

Изучение керамики с признаками XXII группы из поселений Заказанья и Предволжья позволяет выделить в ней четыре подгруппы (Табл. V).

XXII–1 – бурая, почти черная; с примесью крупного шамота, известняка, реже песка, раковины; лепная; с бугристой, но заглаженной местами поверхностью, ручной лепки и очагового обжига; плоскодонные горшки, банки, миски, чашки (Рис. 5). Типология форм приведена в таблице V.

Горшки – небольших размеров и высоты, с широким устьем, четырех типов. Наиболее часто встречаются банкообразные формы с подцилиндрической горловиной (тип 1) или с широкой отогнутой наружу (тип 4). Эти типы известны на Мало-Сундырском городище (Хлебникова, 1967, табл. III, с. 166–168), Юльяльском селище (Никитина, 1991, рис. 5, 7, 15; 6, 1, 22). Горшки типов 2–4 с отогнутым и срезанным наружу краем (Рис. 5, 7, 8, 9) по пропорциям и деталям формы также напоминают древнемарийские IX–XI вв. (Архипов, 1973, рис. 75, 3–4).

Миски – трех форм: раструбом (Рис. 5, 5) приземисто-горшковидные (Рис. 5, 6), конические (Рис. 5, 4). Аналоги им также известны среди древнемарийской посуды (Архипов, 1973, рис. 74, 3; 75, 6, 7).

Чашки для питья – с подцилиндрическим подвернутым вовнутрь острым краем (Рис. 5, 1) и горшкообразной формы с отогнутым краем (Рис. 5, 6). В камаевских горшках этой подгруппы заметны традиции раннесредневекового городецкого гончарства, а в чащевидных и мисках – в целом финно-угорского населения Среднего Поволжья.

Судя по формам и грубым примесям (с заметными добавками известняка), керамика этой подгруппы относится главным образом к XV–XVI вв., обнаруживая наибольшую близость с посудой Мало-Сундырского городища XIV–XVI вв. Посуда подгруппы XXII–1 с Русско-Урматского селища более качественна и разнообразна и ближе по составу и формам керамике Юльяльского селища, вещевые комплексы которого датируются в основном XIV в. В сравнении с более ранней посудой XIII–XIV вв. с Русско-Урматского селища, эту керамику с Камаевского городища можно связать с присутствие здесь горно-мариийской группы населения. Некоторые образцы этой подгруппы из Русско-Урматского селища XIV в. близки формам посуды тюркоязычного населения (Кокорина, 1994, рис. 14, 2, 6, 8, 10, 11), угорского (Кокорина, 1994, рис. 14, 5, 9), а также удмуртов (Кокорина, 1994, рис. 14, 1, 4, 13–20).

XXII–2 – серые, темно-серые, бурые и черные круговые сосуды с крупным песком, дресвой и шамотом, представленные горшками, чашками, корчагами, блюдом(?) (Рис. 6). Состав посуды и формы разнообразнее, чем у подгруппы XXII–1, хотя количественно она ей заметно уступает.

Горшки – четырех форм. Тип 1 – приземистое туло, низкие плечики и блоковидная горловина (Рис. 6, 3); тип 2 – яйцевидное туло с выделенным плечом, горло раструбом, венчик у основания уточненный (Рис. 6, 2); тип 3 – подшаровидное туло с широкой раструбом горловиной (Рис. 6, 10); тип 4 – высокие плечики, подцилиндрическое горло, край с утолщением внутри (рис. 6, 3). Горшки в основном крупных размеров и с широкими горловинами (20–22 см).

Корчаги представлены низкими широкогорлыми сосудами четырех типов, выделенных по форме горловины и венчика. Преобладают экземпляры с закрытой горловиной (реже раструбом) (рис. 6, 4, 13, 14–16).

Среди мисок и чашек наиболее распространены формы с горловиной раструбом и сильно отогнутым краем (Рис. 6, 11, 12). Специфичны экземпляры с подвернутым вовнутрь краем, слабо профилированные чаши, встречающиеся в слоях XV–XVI вв. (Рис. 6, 6; табл. V – типы 2, 3).

Близкие аналогии этой посуде есть среди керамики чувашских поселений. Горшки с выделенным плечом (тип 2), чашки и миски с широко раструбленным краем (тип 2) присутствуют в материалах Больше-Янгильдинского селища (Смирнов, Каховский, 1961, рис. 19). Крупные корчагообразные сосуды с закрытым краем, напоминающие деревянные братинообразные сосуды для пива, столь характерные для чувашей, имеют параллели наряду с горшками типов 1, 3, 4 в посуде Чебоксар XV–XVI вв. типов 3, 5–8, по классификации Ю.А.Краснова и В.Ф. Каховского (1978, рис. 31; 38; 43, 1).

XXII–3 – буро-черная с шамотом, иногда с добавлением дресвы, лепная или подправленная на круге посуда из горшков, мисок, горшковидных питьевых сосудов и банок. Есть сосуд для специй и ручка от чашки в виде полуовала (Рис. 7).

Типология этой посуды приводится в табл. V. Полные аналогии этой посуде нам не известны. Обратимся к анализу ее форм. Это высокие и низкие горшки (23–24 и 15–18 см) с широкими устьями (20 и 18 см). Стеники прочные, толстые; днища устойчивые, со следами подсыпки песка, т.е. стандартные формы горшков оседлого населения. Наличие характерных прямых и отогнутых под углом горловин подцилиндрической и конической формы у горшков, приземистых с приостренным краем и слабофицированных мисок с уточненным краем, банкообразных горшков с ручкой-выступом, пропорции, примесь шамота свойственны посуде мордовского населения (Гришаков, 1994, рис. 3, 7, 10; Беляев, 1981, табл. VIII, 2, 5; IX, 1). Однако сосуды Ахунского городища и Старо-Бадиковского могильника различны по формам, и камаевской посуде по пропорциям ближе формы из упомянутого могильника XIV в. Но и среди них нет ряда камаевских банок и мисок, менее совершенны и ее формы.

На поселениях тюркоязычного населения Нижнего Прикамья (Чакма и др.) встречаются сосуды темно-серого цвета с необычным резко отогнутым прямым краем, не характерным для округлодонных форм поздней посуды XVIII группы (Старостин, Казаков, 1992, рис. 8, 8). Такого рода примеры можно видеть и на Алексеевском и соседнем с ним поселении и могильнике «У дамбы» (Руденко, 1994, рис. 6, 10, с. 127). На поселении (наряду с округло- и уплощеннодонной керамикой XVIII группы, которая есть и на Русско-Урматском селище) встречались плоскодонные горшки с шамотом с аналогичными горловинами и скошенным вовнутрь краем, как и у камаевских горшков (Руденко, 1994, рис. 6, 10, с. 127).

В могильнике «У дамбы» (вторая половина XIV в.) выявлен выразительный материал, характерный для памятников половецко-мордовского населения Западного Поволжья (в пределах нынешних Саратовской и Пензенской областей). Наряду с сюльгамами мордовского типа в захоронениях была найдена лепная банка с шамотом, сильно отогнутым тупым краем, украшенным небрежной волной и отпечатками гребенки. Аналогичные формы, характерные прежде всего для культуры половцев (Плетнева, 1981, рис. 82, 103, 104) распространены в Верхнем Посурье в X – первой половине XI в. (Ахуновское городище), предшествуя здесь памятникам юловско-золотаревского типа. Подобные банки с приостренным краем (Рис. 7, 4), органичные в XXII-3 группе керамики, распространяются в данный период и в посуде шамотного теста из Казани, относимой Т.А.Хлебниковой к поволжско-финскому населению. Однако не все формы шамотной посуды, и тем более баночных форм, из Казани и других памятников золотоордынского времени и эпохи Казанского ханства связаны с этим населением, как это видно на примере могильника «У дамбы» в Нижнем Прикамье. Как известно, поволжско-финской посуде не свойственна орнаментация, и это позволяет с большой уверенностью относить XXII-3 группу именно к поволжско-финской, а точнее – связывать ее с мордвой. Вероятно, взаимопроникновение

ние традиций форм древнемордовской и посуды тюркоязычного населения Поволжья и Нижнего Прикамья (XVIII, XIII, XXI–3) началось на предшествующем этапе и продолжилось в XV–XVI вв., что и нашло отражение в посуде группы XXII–3 Камаевского городища.

XXII–4 (рис. 8) – серо-желтого и светло-коричневого цвета сосуды с плотным черепком, мелкими примесями раковины, песка, шамота, известняка, горшковидных и чаще чашевидных форм приземистых с плоским дном и подсыпкой (у горшков – песка), с подложеной заглаживанием травой и кожей поверхностью, без орнамента. Содержание ее в коллекции невелико: по 1-2 экземпляра на большинстве раскопов (I, VIII, IX, X, XII, XIII, XV, XVI) в разных частях небольшой площадки городища.

Типология этой посуды приведена в табл. V. Высокие баночного типа горшки (тип 1) встречаются в слоях Камаевского городища и сопоставимы с формами Мало-Сундырского (Хлебникова, 1967, с. 164–168, рис. 8) и Пайгусовского городища (Никитина, 1994, рис. 6, 7, 13), отличаясь, однако, более широким горлом и расположением максимального диаметра ниже середины тулов от горшков марийского населения. Аналогии со судам типов 1 и 2 известны на городище XIV в. Шудъякар (раскопки В.А.Кананина, 1974–1976 гг.; УдМАКУ, № 426–490). Горшки типа 2 выделяются необычной примесью толченого шлака. Они найдены в сооружениях, связанных с кузнецким ремеслом, и, вероятнее всего, являлись технической посудой.

Преобладание среди форм группы XXI–4 чашек и мисок приземистых пропорций, а также венчиков с клювовидным краем (Рис. 8, 3, 8–10), прямо отогнутым и срезанным наружу у чашечек (Рис. 8, 5–6), приостренным наружу (Рис. 8, 2, 4), а также скошенным вовнутрь (Рис. 8, 1), сапожковидным (Рис. 8, 11) свойственно посуде удмуртского населения Прикамья.

Миски типа 2 имеют аналоги на Староигринском городище, оставленным чепецко-permскими группами населения (Останина, 1985, рис. 6, 1, 9). Миски типов 1–2 и чашки типов 2 и 4 есть среди посуды Иднакара (Иванова, 1985, рис. 15, типы IA, II, III), на вятском Еманаевском городище (Лещинская, 1988, рис. 2, 1; 3, 7, 10). Близки камаевским чаши Чаллынского городища (VI–1–3). Эта посуда выявлена на ряде других поселений Заказанья (Шутова, 1987, табл. 5; Кокорина, 1994, рис. 1). Посуда подгруппы VI–3 Русско-Урматского селища содержит примесь раковины и органики. Камаевская группа XXII–4 отличается от русско-урматской более грубыми примесями и менее приземистыми формами. Она относится в основном к сооружениям позднезолотоордынского периода (первая четверть XV в.) и слоя Казанского ханства. Это подтверждают и находки керамики в ямах, в основном связанных с кузнецким ремеслом и изготовлением предметов вооружения.

Как показывает анализ выделенных подгрупп посуды поволжско-финского населения, ряд ее форм имеют сходство. Это, например, миски с

блоковидной отогнутой горловиной слабопрофилированной формы (тип 1, табл. V), которые встречаются во всех подгруппах, но профилировка в деталях и толщина стенок различны, аналогичная картина и с мисками типа 2 – с более профилированной формой, с подчеркнутой горловиной и выступающей «грудкой» (Табл. V). В то же время миски типов 3-4 специфичны в каждой подгруппе. Однако, несмотря на различие в деталях профилировки, миски типа 1 группы XXII–1 (мари) более близки XXII–2 (чуваши), что, по-видимому, отражает их общие традиции или этнические компоненты. Больше своеобразия проявляют формы горшков, чашек для питья, посуда специального назначения. Воздействие посуды тюркоязычных соседей сказалось в наборе посуды XXII группы. Появляются различные чашечки для питья и сосуды для специй. Но выделение общих и частных форм, а также влияние иноэтнической культуры должны изучаться на более широком материале и не только керамики Заказанья.

2. Гончарная керамика (I группа).

1. Керамика гончарного производства – неполивная и поливная – составляет I группу, претерпевшую в изучаемый период значительные изменения. Поскольку статистические наблюдения за изменением ее цвета, лощения, обжига по обычной в булгароведении схеме для стратифицированных памятников оказались невозможными в связи с тонким и часто разрушенным культурным слоем, они были сделаны по хорошо датированным комплексам трех хронологических отрезков: 1) первая треть XV в.; 2) середина – вторая половина XV в. и 3) первая половина XVI в. При статистических наблюдениях (Табл. III) учитывалось соотношение неполивной, поливной, гончарной (I группа) с сопровождающими ее группами т.н. традиционной посуды (Кокорина, 1995, с. 28–32).

Для первой половины XV в. показательны наблюдения по раскопу IX 1981 г. Для первой трети XV в. раннего горизонта характерно соотношение: в 1–2 штыках – 316 фр.; преобладает красно-коричневая (21,5%), желто-коричневая с лощением и без лощения (29%), появляется черная (7%), бурая (3%), грязно-серая (1,4%), желто-красная (0,9%), последние четыре типа характерны для объектов Казанского ханства. Ко второй четверти – середине XV в. относится комплекс раскопа XVIIa 1988 г. (812 фр.); красно-коричневая составляет 20/39%*, желто-коричневая – 18/39%, черная – 0,3/6,9%, желто-красная – 2/4,6%, бурая – 2,3/14%, грязно-серая – 0,6/12% (Табл. I). Налицо динамика сокращения количества керамики позднезолотоордынского периода – красно-коричневой и желто-коричневой – и значительное увеличение черной, бурой, грязно-серой, желто-красной. Часть керамики этого времени содержит примесь известняковой крошки, что свойственно керамике верхнего горизонта гончарной мастерской Русско-Урматского селища (раскоп 6). Здесь же

* Первая цифра здесь и далее – процент керамики в верхнем горизонте, вторая – в нижнем.

есть соответствия некоторым видам поливной (зеленая красноглиняная и полихромная на сером кашине).

Особенностью керамики эпохи Казанского ханства является присутствие черной (задымленной) керамики, особенно в объектах второй половины XV – первой половины XVI в. (Р. I – 2,9%, II – 3,4%, III – 4,7%). Показательно соотношение керамики этого периода на раскопе XIII 1983 г. («военная казарма», «монетный двор») (Кокорина, 1995, с. 30–31). По данным Р.Г.Фахрутдинова, гончарная ремесленная посуда составляет 98%, только 2% приходится на другие АЭГ. В нижнем горизонте этих объектов (108 фр.) неполивная булгаро-татарская керамика составляет 52,5%; местная поливная зеленого и беловатого цветов – 14,5% (отсутствуют импорты, присущие верхнему горизонту); остальные АЭГ – 33% (Табл. I, III). В верхнем горизонте этих объектов (1002 фр.) распределение иное: I группа – 69%, поливная – 0,9%, остальные АЭГ – 30,1%.

Для части булгаро-татарской посуды юго-восточных истоков XV – начала XVI в. характерны малиновый оттенок для красной и коричневой, а также желто-красный, грязно-серый, бурый, черный цвета. Почти вся керамика с прослойкой некачественного, порой печного обжига и ангобом. Она содержит большое количество грубых примесей (песок, дресва, шамот, органика).

В верхнем горизонте XIII и некоторых других раскопов встречается желтая и светло-розовая с желтым ангобом керамика (кувшинчики, корчаги) с тончайшим зонным линейно-волнистым орнаментом. По данным Р.Г.Фахрутдинова, она составляет 4–5%. Мы связываем ее с присутствием нижневолжского золотоордынского компонента.

Наряду с булгарской кирпично-красной, коричневой, желтой, серой (I–1), иногда с белым ангобом, лощеной и нелощеной, в нижнем и верхнем горизонтах встречается нелощеная и отчасти лощеная малиново-красная, бурая, с обилием мелкого песка ангобированная керамика, выполненная в традициях юго-восточных истоков (I–2). В статистических таблицах она не выделялась, но по отдельным раскопам (6, 8–12, XVIa) наблюдается преобладание кирпично-красной в верхнем слое селища, а на городище – нeloщеной (I–2), но буро-серых и желтых тонов. Для керамики городища, особенно середины XV в., можно отметить (как и на раскопе VI 1983 г. Русско-Урматского селища) большое разнообразие в приемах обработки поверхности, прежде всего лощение широкими вертикальными (I–1 группа) (в среднем горизонте), вертикальными узкими (I–2 группа) и горизонтальными узкими полосами (в верхнем горизонте слоя) (I–3 группа).

В завершении слоя встречается черная, примитивно-круговая керамика с дресвой и шамотом, лощеная и нелощеная, приземисто-горшковидных и чашевидных форм (I–3) (Рис. 15, 1-7).

Таким образом, гончарная керамика XV – начала XVI в. представлена тремя подгруппами, которые различаются по своим технологичес-

ким, морфологическим и декоративным признакам, а также этническим истокам.

I-1 (Рис. 9, 11) – булгарская мелкопесочная гончарная (более запечеченная нежели в XIV в.) керамика кирично-красного, коричневого, желтого, серого тонов, лощеная и нелощеная, иногда с белым и красным ангобом, преимущественно столовых и тарных форм.

I-2 (Рис. 10, 12, 13) – раннеказанская со звонким черепком керамика чаше среднего печного обжига, как правило, нелощеная, иногда с узкими (10–11 см) лощеными полосами; малиново-красного, желтого, буро-серого тонов; с ангобами серо-малиновых цветов; всех форм, выполненных в традициях огузо-кипчакского населения Волжской Булгарии и Золотой Орды, особенно распространенная у населения Поволжья золотоордынского времени.

I-3 (рис. 15, 1-7) – черная примитивно-круговая печного обжига керамика с грубыми примесями шамота, дресвы; преимущественно приземистых чашевидных и мисковидных форм, лощеная (по горизонтали) и не лощеная, характерная для эпохи Казанского ханства и отражающая, вероятно, процесс формирования посуды казанских татар в период общего упадка гончарного производства.

В конце XV в. наблюдается сокращение и упадок в изготовлении гончарной посуды I-1 и I-2 подгрупп. Как правило, в верхнем слое Камаевского городища ее сопровождает керамика финно-угорского и некоторых групп пришлого тюркоязычного населения (I-3, XXI-1-2 и др.).

2. Посуда I группы не всегда поддается реконструкции ввиду малочисленности, сильной фрагментированности и окатанности фрагментов. Обратимся к анализу ее форм (кувшины, горшки, корчажки, миски, блюда, чашки, сосуды специального назначения, пряслица).

Кувшины – двух подгрупп: 1) булгаро-огузских традиций домонгольской Булгарии; 2) булгаро-кипчакских традиций, известных среди форм домонгольского и золотоордынского периодов. Первая подгруппа соответствует признакам керамики группы I-1, вторая отражает черты огузо-кипчакской группы I-2. Среди них по формам горловины и аналогиям целых форм выделяются следующие типы.

Подгруппа 1 (рис. 9). Тип 1 – узкое горло раструбом, с округлым тонким краем и едва заметным валиком под ним (Рис. 9, 1-3). Тип 2 – горло широкое, суженное вверху и воронкообразное открытое (у поздних), венчик припухлый или склоненной формы, в отделке – пояс мелких редких линий (Рис. 9, 4, 5). Тип 5 – широкое подцилиндрическое горло, венчик овального сечения, без отделки (Рис. 9, 7, 8). Тип 9 – широкое зауженное горло с валиком по верху и карнизообразного профиля (Рис. 9, 6), с округлым (Рис. 9, 2), уплощенным сверху (Рис. 9, 10), округло загнутым вовнутрь (Рис. 9, 11). Разновидностью (подтип Г) этого типа кувшинов является сосуд желто-красного цвета с ангобом, клювообразно-

го профиля с небольшим вздутием на месте валика, в отделке – мелкое рифление под венчиком и у основания горловины (Рис. 16, 18). Тип 16 – широкое зауженное вверх горло, с карнизообразным краем и валиком под ним от сосудов амфоровидного типа (Рис. 9, 6).

Все типы сосудов традиционны для городской посуды домонгольского и золотоордынского периодов. Им дана нумерация типологии, предложенной ранее одним из авторов (Кокорина, 1991).

Кувшины типа 1 по тонкости черепка, изяществу исполнения и отделке каннелюрами легко узнаваемы даже в более поздних вариация (Рис. 9, 2, 3). Аналогичный тип кувшинов из Биляра имеет А-образную тамгу правящего в домонгольской Булгарии рода. Сосуды этого типа несут в оформлении болгаро-аланские традиции и печать влияния более ранних античных форм. Они сохраняются на протяжении всех периодов истории Волжской Булгарии. Однако в золотоордынский период кувшины типа 1 утрачивают черты, присущие аланской посуде, вместо каннелюр и лощения появляется валик-утолщение под венчиком, ангоб, т.е. черты, характерные для такой же формы кувшинов с истоками в отраско-каратуской культуре (Левина, 1971, рис. 63; 58, 120, 122).

Кувшины типа 2 также традиционны и восходят к сосудам Дагестанской Хазарии, носителями которых были булгары Танкеевского могильника (Казаков, 1992, рис. 9, 2, 3, 4; Кокорина, 1997, рис. 3 – тип 2). Линия развития этой традиции продолжается в Биляре, Суваре, (Хлебникова, 1984, рис. 53, 3, 5), Болгаре ((Хлебникова, 1988, рис. 36, 2; 37, 1), Русском Урмате (Рис. 6, 2; 8, 18, 24) и Казани XV–XVI вв.

Кувшины типа 5 (Рис. 9, 7, 8) имеют зернисто-песочное тесто, желто-коричневый или розоватый черепок, как у посуды XIII и XXI групп. Аналогии им есть в позднезолотоордынском слое Чаллынского городища (Кокорина, Останина, 1999, рис. 11, 3), среди кувшинов XXI группы Джукетау, на памятниках восточных районов Нижнего Прикамья, где особенно заметно присутствие огузо-кипчакского населения, в том числе и на Иднакаре (Кокорина, 1995, рис. 4, 9). Прототип этих кувшинов известен в посуде могильника «Девичий городок» раннебулгарского периода в устье Камы (Казаков, 1992, рис. 78, Б, 1).

Кувшины типа 9 (Рис. 9, 9–11) – в формах и отделке (малиновый, белый, серый ангоб) аналогичны сосудам Биляра и Болгара и имеют юго-восточные источники (Хлебникова, 1984, рис. 54, 4, с. 139–141). Один из авторов (Кокорина, 2002) связывает этот тип с гузским компонентом в составе булгар, поскольку традиция красноангобированной посуды наиболее присуща культурам Приаралья и Хорезма VII–IX вв. (Ерзакович, 1970, с. 64–67; Левина, 1971, рис. 63, 59).

Среди керамики отраско-каратуской культуры (Левина, 1971, рис. 63, 11, 60) можно видеть прототипы кувшинов с карнизообразным венчиком и валиком под ним. Они известны в Биляре, где выполнены в

болгарско-аланских традициях с А-образными клеймами, на Русско-Урматском селище и Камаевском городище (Кокорина, 1997, рис. 3, 16). Однако в конце позднезолотоордынского периода эти сосуды приобретают более «жесткую» форму венчика, ангоб, свойственные в большей мере керамике присырдарыинских областей.

Кувшины подгруппы 2 отличаются более толстым серым и, реже, красным черепком, более грубой выделкой теста и ленточной техникой формовки и без лощения. Среди них появляются новые для булгарских кувшинов формы. К традиционным относятся лишь две: с карнизообразным краем и валиком на горле (Рис. 10, 7) и слегка раструбленным горлом с припухлым краем и широким рифлением (Рис. 10, 5). Оба типа присутствуют и в верхнем горизонте «дома гончара» Русско-Урматского селища и могут быть датированы эпохой Казанского ханства.

Тип 15 (рис. 10, 1, 9) – с вытянутым грушевидным корпусом со вздутием на горловине, уступчатым краем и каблучным донцем; у основания горловины валик, украшенный отпечатками тонкой гребенки, а по тулову – три ряда асимметричного волнистого узора, напоминающего стиль отделки керамики XXI группы. Этот тип в деталях передает форму металлических кувшинов эпохи Казанского ханства. Его великолепно декорированный образец середины XVI в. имеется в коллекции НМРТ (Валеева-Сулайманова, Шагеева, 1990, с. 26). Второй известный нам глиняный кувшинчик этой формы с Камаевского городища имел отделку из фасок, коcых отпечатков по валику и волют, образующих жгут. Два экземпляра (горлышки) имели бледно-зеленую поливу (Рис. 16, 1, 2). Если первый образец, судя по декору и имитации металлических прототипов, можно датировать второй половиной XV – первой половиной XVI в., как и поливные кувшинчики этого типа, то экземпляр с фасками и волютами близок стилю оформления булгарской посуды первой трети XV в.

Тип 32 (Рис. 10, 2) – подцилиндрическое горло с сильно отогнутым плоским краем, высокие плечи, горловина в средней части несколько раздута и отделана широкими рифами и между ними тремя рядами ямкообразных отпечатков. Эта форма, судя по ее жесткой конфигурации, вероятно, также возникает под влиянием металлических форм. Отмеченные признаки оформления свойственны кувшинам джетыасарской и оттарско-каратауской культур VIII-IX вв. (Левина, 1971, рис. 62, 77, 88, 98).

Тип 33 (Рис. 10, 3) – подцилиндрическое раструбом горло, овальный в сечении венчик, в отделке – мелкие резные линии от края до середины высоты.

Тип 34 (Рис. 10, 8, 12) – с зауженной или подцилиндрической горловинами, украшенные глубокими и широкими рифами и ямочным узором. Эти кувшины хумовидных форм характерны для Северо-Восточного Прикаспия (Сарайчик, раскопки и сборы Л.Л.Галкина). Однако от последних камаевские отличаются большей массивностью и в формах, и в отделке: рифление более крупное и вместо ямок отпечатки гребенки.

Тип 35 (Рис. 10, 13) – зауженная широкая горловина с отогнутым в виде сапожка краем и ямочным узором.

Вероятно, кувшинам этой подгруппы XVI раскопа Камаевского го-родища принадлежат фрагменты стенок с крестообразным знаком (Рис. 18, 1, 3–6).

Кувшины подгруппы 2 не имеют аналогов среди булгарских форм. Архаичностью форм и приемами отделки они перекликаются с посудой XXI и особенно XXI–2 групп с истоками в Центральном и Западном Казахстане. Но и в тех областях нет аналогичной посуды, близкой камаевской по времени. Однако формы кувшинов, желобчатое и рифленое оформление горловин, ямочный узор, ручки с ложками, уплощенные и круглые в сечении, использование ангобов присущи посуде джетыасарской и отарско-каратауской культур (Левина, 1971, рис. 11, 19–20, 32; 39; 40; 62–64; 66; 77 и др.). На памятниках этих культур встречаются и аналогичные сосуды с «сосцами», роговидными выступами и ушками, миниатюрных форм.

Эти же сосуды XXI группы в сочетании с волнистым, гребенчатым и ямочным орнаментом (с «потеками») на хумовидных формах присутствуют и в керамике Каунчи 3 VII–VIII вв. (Левина, 1971, рис. 28, 20, 35; 36, 63, 66; 32, 1; 37, 49, 51). Эти же формы кувшинов и крестообразные знаки свойственны комплексам отарско-каратауской культуры VIII–IX вв., продолжавшей традиции Джетыасара и Каунчи (Левина, 1971, рис. 62, 24, 25, 28, 56, 77, 79, 83; 63; 64, 59, 60, 99, 110). В памятниках данной культуры отмечаются и ямочные вдавления по валику. Подобный орнамент появляется на Нижней Сырдарье (Джетыасар III) в VII–VIII вв. (Левина, 1971, с.215–217).

Формы и декор этих кувшинов достаточно архаичны. Аналоги, близкие им по времени, нам не известны. Однако по цвету черепка, песочной фактуре, желобчатому оформлению горловин, ямочному узору они полностью соответствуют посуде группы XXI–2. Взаимно дополняя друг друга по формам, кувшины подгруппы 2 и сосуды группы XXI–2 имеют истоки в джетыасарской культуре (Левина, 1971, рис. 11, 18–20, 38–40, 66, 68, 77; 12, 70; 13, 38). Здесь, на поселении Ак-тобе 2, в керамике первой группы встречаются горшкообразные с роговидными выступами (Левина, 1971, рис. 33, 15, 16, 51) и «сосцами» (Левина, 1971, рис. 34, 19), линейно-волнистый зонный орнамент, крестообразные знаки (узор?) на ручках и стенках (Левина, 1971, рис. 42, 6; 50, 10, 38–42). Вероятно, с расселением нижнесырдарьинского населения в низовьях Волги и в Северном Прикаспии эти формы продолжают свое развитие в комплексе посуды Сарайчика: это кувшины с потеками, горшки с линейно-волнистым узором, хумовидные кувшины с желобчатым орнаментом.

Однако среди керамики Северо-Восточного Прикаспия, и Сарайчика в частности, все-таки не встречаются кувшины и сосуды группы XXI–2 столь архаичной выделки. Чем можно объяснить подобный возврат к

архаике? Возможно, часть форм кувшинообразных имеет прототипы в металлической посуде, характерной для быта скотоводов-кочевников. Воспроизведение их в керамике, распространение этих традиций на запад, в Нижнее Поволжье и Северный Прикаспий, происходит, вероятно, с перемещением в пределах Хазарии печенегов. Первый их приток наблюдается на булгарских памятниках X–XI вв. в составе ранних булгар (Матвеева, 1997, рис. 126, 2, 35; 128; Хлебникова, 1962, рис. 11, 3, 4, 19, 20; 14; 15; 17, 1, 4, 6, 9–14). Возвращение к архаичным формам могло произойти на новых территориях после распада золотоордынских владений и утраты металлической посуды, которой это южное население пользовалось до переселения.

Кувшины, как и керамика группы XXI–2, найдены в одних и тех же объектах Камаевского городища середины XV в. и последующего периода Казанского ханства.

Горшки (Рис. 11–13) представлены тремя подгруппами.

Подгруппа 1. Тип 1 (Рис. 11, 1) – слегка приоткрытый притупленный край, шаровидное тулово, глубокая резная линия по плечику. Тип 2А (Рис. 11, 2, 6) – отогнутый и утолщенный край, яйцевидная форма туловса, широкие плечики, линейно-желобчатый узор. Тип 2Б (рис. 13, 7) – корчажкообразный горшок со скошенным краем и валиком под ним, аналогичный урматским. У последних, правда, значительно большие размеры горловин. Тип 3 – отогнутый и приостренный край, подшаровидное тулово, асимметричный волнистый узор в стиле XXI группы в верхней части (Рис. 11, 5; 12, 1; 13, 5). Тип 8 (Рис. 11, 3) – отогнутый и уточненный край, толстые стенки, не орнаментирован; напоминает раннебулгарские горшки Поволжья. Тип 10А (Рис. 11, 4) – прямой венчик с утолщенной головкой, тулово коническое. Тип 10Б – подцилиндрическое горло с подвернутым краем и округлым туловом (Рис. 12, 3, 6, 8; 13, 1, 3, 8; 15, 8–10).

Горшки типов 1–3 традиционны и бытовали у булгар в X–XIV вв. Однако в XV–XVI вв. они утратили орнаментацию, и формы их стали более архаичными, чем в XIV в. Сосуды с нависающим краем (Рис. 11, 6) отделаны обычно вдавлениями в виде «проросшего зерна» (Остоловово, Биляр; Кокорина, 1977, рис. 99), ямочками, фестонами и рифлением (Болгар, Сувар; Хлебникова, 1984, рис. 57, 94; 1988, рис. 49). Появляются и вариации орнамента, например, «проросшее зерно», нанесенного скользящей гребенкой в три зубца. Украшены и сосуды типа 3 с приостренным краем, являющиеся новой формой (Рис. 11, 5). Сама форма и отделка близки горшкам XIII и XXI групп Джукетау и нижневолжским.

Сосуды с венчиком в виде утолщенной головки и коническим туловом (рис. 11, 4) и подвернутым вовнутрь краем и округлым туловом (Рис. 12, 3, 6, 8; 13, 1, 3, 8) аналогичны русским горшкам XIV и «славяноидным» XVI групп из материалов Русско-Урматского селища и слоя XV–XVI вв. городища «Казанский кремль».

Тип 4А (Рис. 12, 2; 13, 2, 6) – корчагообразные горшки с зауженным горлом и округлым туловом, традиционны для булгарских групп посуды, но в отличие от более ранних форм не имеют орнамента.

Тип 4Б (Рис. 12, 4, 7, 10; 13, 4, 9) – с отогнутой горловиной и биконическим туловом, в отделке – рифление по плечикам, валики, отпечатки гребенки и в одном случае неглубокая каннелюра и полуовальный налеп.

Тип 6 (Рис. 12, 5) – цилиндрический со скошенным краем и линейно-волнистым врезным узором. Посуда этого типа изредка встречается в слое XIII–XIV вв. Последние два типа отражают традиции населения юго-восточных истоков (XXI–1,2). Сосуды типов 4 и 6 известны в ремесленной мастерской (р. 3 1977 г.) Русско-Урматского селища. На Камаевском городище они, вероятно, связаны с пребыванием представителей XXI группы.

Обращает на себя внимание то, что сосуды типа 4 биконической формы, редкие для комплексов предшествующих периодов, представлены среди немногочисленной посуды Камаевского городища восемью экземплярами; все разных вариантов оформления (Рис. 12, 10; 13, 4, 8, 9). Эта столовая форма горшков (известная и в булгарской посуде) всегда имела пышную тщательную отделку, порою с налепами зооморфной формы и предназначалась для кисломолочных напитков (Кочкина, 1986, рис. 8, 2). Большая часть сосудов Камаевского городища стилистически близка сосудам XXI–2 группы и имеет общие с ними истоки. Один из сосудов – с широкой зауженной горловиной, подчеркнутой желобком (Рис. 13, 1) – имеет параллели в оформлении горшков XXI–1 группы.

Заметным является число сосудов с подвернутым краем (тип 10), предназначенных для русского и финно-угорского («славяноидного») населения Вятской земли, и среди них крупные, до 24–26 см в диаметре, сосуды (Рис. 15, 8, 10). Последние встречаются в слое Казанского ханства и нередко содержат дресву и известняк.

Миски – четырех типов. Тип 1 – плавно отогнутый уточненный край, биконическое туло, в отделке – волнистые и прямые линии и отпечатки гребенки (Рис. 14, 7–9). Эти миски характерны для золотоордынского периода. В Камаеве они относятся ко времени Казанского ханства (середина XV в.). Две из них выделяются более грубой выделкой теста и формой. Тип 2 (Рис. 15, 4) – слабопрофицированные, приземистой формы, без орнамента. Близки мискам финно-угорского населения VI (удмурты) и XXII групп. Тип 3 (Рис. 15, 1) – низкий прямой венчик, раздутые бока, без орнамента. Также близок по форме мискам удмуртского населения Восточного Закамья (Чаллыинское городище). Тип 4 (Рис. 15, 3, 5, 7) – прямой притупленный венчик, выпукло-приземистое туло, как правило, бурого, почти черного цвета, возможно ручной лепки, но с центрированной подправкой и очень тщательно заглажены. Аналогичные чащевидные миски встречаются в слоях эпохи Казанского ханства городища «Казанский кремль». Близки по форме мискообразным, относимым Т.А.Хлебни-

ковой к поволжско-финской группе посуды, что кажется нам ошибочным. Скорее всего, эта форма появилась в подражание металлическим чашам иранского производства, бытовавшим у золотоордынской знати (Иванов, 1972, рис. 1). Металлические экземпляры таких чаш для омовения перед молитвой имеются в собрании НМРТ. Возможно, и сосуды типа 4 – того же назначения, хотя и выглядят они вполне заурядно.

Блюдообразные (Рис. 14, 5, 6) представлены единичными традиционными плошкообразными формами. Единичны и чашевидные – двух типов. Тип 1 (рис. 14, 4) – с воротничковым утолщенным краем и призматической формой. Тип 2 (Рис. 15, 2) – с подвернутым вовнутрь краем, подшаровидной формы. Близки чашкам финно-угорского населения Поволжья (Табл. V).

Поливная керамика конца XIV – первой трети XV в. охарактеризована в таблице VII; наиболее распространенной является: 1) светло-зеленая полива, светло-коричневый черепок, в тесте – красно-коричневая крошка (дресва); 2) светло-болотного цвета полива, кирпично-красный черепок, кирпичная (?) крошка в тесте. Датирована по материалам ямы 6 раскопа XII 1981 г. (цилиндрический замок типа В до середины XV в.). Ее статистическое распределение в комплексах Камаева по трем периодам подтверждает бытование этих видов в позднезолотоордынский период.

Для второго периода (середина – вторая половина XV в.) характерно появление кувшинов коричнево-розового плотного черепка с тонким тестом мелко-мучнистой консистенции и примесью известняка и с росписью белым ангобом. Бесцветная полива или с добавлением медных окислов давала белые и светло-зеленые тона. Малиново-коричневый ангоб придавал этой поливе вишневый, бордовый и красноватый оттенки. Встречается также двойное покрытие: верх – светло-оливкового тона, а низ – бордового. Варьируя цвета ангобных основ и поливы, мастера получали разнообразные сочетания оттенков. Кроме покрытия всей поверхности использовалась частичная роспись ангобом с дополнительным покрытием поливой (Рис. 16, 4, 10). В сочетании с прорезным «гравированным» узором, лощением, отделкой поверхности рифами, валиками создавался своеобразный декор столовой посуды в присущей для казанских татар цветовой гамме и орнаментике.

Среди форм поливной керамики присутствуют кувшинообразные и чашевидные.

Кувшины по форме горловины, стенок, ручек и донцов представлены пятью типами. Тип 1 (рис. 16, 5) – горло раstrубом. Тип 2 (рис. 16, 6) – подцилиндрическое, с загнутым вовнутрь краем. Тип 15 (Рис. 16, 1, 2) – со вздутием, от грушевидного кувшина. Тип 36 (Рис. 16, 15) – носик и фрагмент конической формы поддона от кумгана. Целая форма известна из ханского слоя Казанского кремля.

Встречаются фрагменты кувшинчиков миниатюрных размеров (рис. 16, 9, 13), кружкообразных (рис. 16, 17). Последний сосуд с округло-

коническим приземистым туловом, слегка отогнутым краем и резными широкими линиями под горловиной. Полива у него двусторонняя, желто-зеленого пятнистого цвета, с вкраплениями песка в глазурь. Этот вид глазурей в Болгаре, согласно Н.М.Булатову, относится примерно к середине XV в. Камаевский сосуд – и по декору, и по формам – датируются эпохой Казанского ханства.

Чашевидные – пяти форм. Тип 1 (Рис. 16, 11) – пиала пологой формы с уплощенным краем. Тип 2 (рис. 16, 12) – чаша растробом, с рифлением. Тип 3 (Рис. 16, 8) – фрагмент плоского донца от широкогорлой чаши с растительным прорезным орнаментом, аналогичные которому, но с белым ангобом, есть в верхнем горизонте «дома гончара» Русско-Урматского селища (Кокорина, 1999, рис. 5, 14). Реконструируемая форма известна в комплексе XXI группы из Биляра. Тип 4 (рис. 16, 14) – чаша приземисто-закрытой формы с головкообразным краем. Тип 5 (рис. 16, 16) – фрагмент трипода с граненым туловом.

Цветовая гамма поливной посуды Камаевского городища укладывается в рамки конца XIV – XV в., отличаясь от русско-урматской (раскоп VI) лишь появлением белой, беловато-оливковой, зелено-серой гаммы полив. А.П.Смирнов обратил внимание именно на поздний облик глазурированной посуды Камаева (XIV–XV вв.) (Смирнов. 1962, с. 25–28). Два ее вида – зелено-желто-серая с грязным оттенком и подглазурной росписью черной краской с серым черепком, глазурь с мелким и крупным песком (от кувшина) и бирюзовая на красном черепке; а также бирюзового цвета на сером кашине тимуридского времени (XIV – середины XV в.) повторяют экземпляры Болгара. Последний вид был обнаружен также на Русском Урмате в горне XIV в., предназначенном как раз для поливной посуды (Фахрутдинов, 1984, с. 99–103, рис.6).

Все формы поливной посуды повторяют неполивную гончарную I-2 группы. Анализ визуальных признаков показывает, что мастера, сочettая известные им издавна приемы под влиянием опыта золотоордынского гончарства, по образцам богато декорированной привозной посуды из керамики и металлов создают своеобразную посуду булгаро-татарского населения (Валеев, 1984, с. 174). В ней заметен опыт гончаров Хорезма, Отрака и южных центров Золотой Орды, где происходило обобщение этого опыта (Ерзакович, 1970, с. 66–67).

Вероятно, изготовление чаш с гравированным цветочным узором (Рис. 14, 14; 18, 1–4; 26, 8) относится к середине XV в. Фрагмент чаши с изображением цветка в этом же стиле известен из раскопок Казани (сооп. 1, р. 2 1966 г., № К-96-II-985). Для них характерно сочетание росписи по коричневому ангобу, желто-зелено-серой поливы по верхней поверхности и глазури бордово-коричневого цвета на светло-коричневом черепке – на нижней.

Остатки горнов с воронкообразным сообщением камер для поливной посуды, исследованных А.Г.Мухамадиевым на Русско-Урматском селище в 1976 г. (Фахрутдинов, 1984, рис. 6), не оставляют сомнения в ее производстве на этом памятнике. Внутри горнов выявлены многослойные потеки поливы голубовато-белых и зеленовато-белых тонов.

Пряслица по форме шести типов (рис. 17, 1–18): 1 – биконические (рис. 17, 6, 9, 14, 15); 2 – выпукло-биконические (рис. 17, 2, 7, 10, 11, 13); 3 – биконические с вдавлением около отверстия (брак?) (рис. 17, 1, 3, 4, 17); 4 – овальные в сечении с орнаментом (рис. 17, 12); 5 – острогранные (рис. 17, 5, 8); 6 – асимметричные (рис. 17, 16).

Пряслица первого периода изготовлены более тщательно, цвет их серый, коричневый, подобно экземплярам из «дома гончара» первой половины XV в. Пряслица из объектов середины XV – первой половины XVI в. сформованы из теста грубого помеса, с неровностями и вмятицами, имеют черный цвет (рис. 17, 1–6, 9, 10, 13–15). Последний признак примечателен. В захоронении кипчака (раскоп II 1972 г.) также найдено пряслице черного цвета, но лепное. Четыре экземпляра найдены в скоплении в яме (р. I, траншея А). Пряслице острореберной формы миниатюрных размеров (рис. 17, 8) отличалось покрытием – поливой зеленого цвета. Биконическое – выделяется более простой уплощенной формой и тупыми гранями, напоминая не традиционные булгарские, а именьковские. Асимметричное – найдено в помещении с каменным фундаментом, которое, судя по анализу материалов, связано с пребыванием закамского населения. Пряслице с орнаментом, как уже отмечалось, аналогично по форме костяным, характерным для кочевников Заволжья. Его крестообразный орнамент напоминает знаки на стенках сосудов с XVI раскопа.

3. Знаки на керамике (рис. 18, 1–6).

Из шести экземпляров пять – в виде косого креста; выполнены: 1) вдавлением щепкой по сырой глине (рис. 18, 1); 2) граффити на подсушенной поверхности (рис. 18, 3); 3) вдавлением по сырой глине (рис. 18, 4); 4) граффити по сырой глине (рис. 18, 5, 6). Все пять фрагментов – вероятно, от стенок кувшинов – найдены в разных квадратах раскопа XVIa. Как и пряслице с крестообразным знаком, эти граффити нужно связывать с пребыванием в Камаеве кипчаков. Аналогичные знаки встречались в Биляре (Кочкина, 1989, рис. 2, 16, 19, 20) и Болгаре на кувшинах с запесоченным тестом желто-красного цвета с линейно-арочным орнаментом. Этот знак М.Д.Полубояринова отмечала впоследствии на территориях, завоеванных татаро-монголами. Он распространился в тех образованиях, на которые распалась позднее Золотая Орда. Аналогия со знаком на единственном и оригинальном по форме и узору пряслице (Рис. 17, 12) подтверждает принадлежность этого знака представителю кипчакской среды. Второй знак фрагментарен и представляет собой клеймо на донце (Рис. 18, 2). Графика передает часть окружности и,

возможно, спицу внутри нее. Тесто фрагмента не отличается от рассмотренных выше с крестообразным знаком. Можно предполагать, что это разновидность знака «косой крест». Этот знак называется у башкир «мотушка» и является, по Р.Г.Кузееву, разновидностью тамги в виде круга с перекрестьем.

Для песочной посуды I–2 группы не характерно клеймение днищ, имеющих всегда ровную поверхность без закраин. Ей свойственны знаки-граффити. Как известно, для булгарской посуды (группа I–1) домонгольского и раннезолотоордынского периодов (Полубояринова, 1980, с. 180), и в том числе из Иски Казани, было характерно клеймение посуды своими тамгами в государственных мастерских (Кокорина, 1980, с. 93). Эта традиция после завоевания Волжской Булгарии монголо-татарами стала угасать, бытуя лишь в начале и конце золотоордынского периода (Болгар, Казань и др.) (Кокорина, 1991, с. 21–23). Следует отметить, что тамги на донцах керамики XV в. являются редкостью.

Подведя итоги, необходимо сказать следующее.

Керамика Камаевского городища относится к двум периодам: конец XIV – первая половина XV в. и середина XV в. – первая половина XVI в. Здесь выявлен следующий состав археолого-этнических групп: I–1 – булгарская; I–2 – раннеказанская (гузо-кипчакская); I–3 – казанско-татарская; XIV – древнерусская; XVI–1 – «славяноидная»; XVI–2 – марийские луговые; XX–1 – булгаро-чувашская; XX–2 – русско-болгарская; XXI–1 – башкиро-кипчакская; XXI–2 – кипчако-ногайская; XXII – поволжско-финская; XXII–1 – марийская; XXII–2 – чувашская; XXII–3 – мордовская; XXII–4 – удмуртская. На протяжении этого времени археолого-этнические группы керамики претерпевают изменения как по составу самих групп, так и в количественном отношении (Табл. III).

Для начала XV в. неполивная группа керамики (I) составляет около 70%; поливная – 11–12% (в том числе привозная поливная – 0,5–0,9%); остальные АЭГ – 17–23%. Среди них заметны: XX (10,9%), XVI (3,6%), XXI–1 (2,7%); реже встречаются VI–2 и VII. Для второй четверти – середины XV в. заметны: XXII (20%), XIV (1,9%), XX (0,9%). Для середины XV в. и последующего периода Казанского ханства характерно следующее соотношение АЭГ (табл. VIII–4) на раскопах XV (кузница с тиглями, каменными котлами) и XVIa (каменный фундамент дома, стена из известняковой кладки): XXII – 2,3–3,2% (несколько больше на р. XVIb – 6–9%); XXI–1,2 (3,9–22,3%); XX (59%); XXII (0,7%); I (18%) – нижний горизонт культурного слоя р. XV; на раскопе XVIa наблюдается близкое соотношение и по верхнему и по нижнему горизонтам: I – 91–97%; XX – 3, 9%; XXII – 2,3–3,2%; поливная – 0,2%. В ямах этого раскопа: I – 42,5%; XX – 55,2%; XXII – 0,9%. На раскопе XVIb заметен процент поливной – 6,7% – в верхнем и 1,2% – в нижнем горизонтах.

Значительно содержание XXI (кипчакской) группы на раскопах I (1–5%) и III (4,3%). Своеобразно соотношение АЭГ на XIII раскопе первой

половины XV в. («военная казарма», «монетный двор»): для периода Казанского ханства неполивная – 52,5%; местная поливная светло-зеленого, беловатого и других тонов – 14,5%; отсутствует поливная золотоордынских видов и кашинная тимуридская; остальные АЭГ – 33% (XXII – 16,5%, XVI – 6,3%, XXI–2 – 5,5%, XIV – 0,9%); для конца XV – начала XVI в. неполивная – 69%, поливная – 0,9%, остальные АЭГ – 30,1% (XXI – 1,2–1,4%, XXII–1,3,4 – 4,1%, XVI – 1,7%).

Как видно из статистики, соотношение групп зависело от времени и в немалой степени от назначения сооружений. Какие же изменения происходят в это время с керамикой I группы – неполивной и поливной? Для раннего горизонта Камаевского городища (раскоп IX) свойственны желто-коричневая с лощением и без лощения (29%) и красно-коричневая (21,5%), есть также буро-черная и коричневая. В верхнем горизонте появляются характерные для эпохи Казанского ханства черная (7%), бурая (3%), грязно-серая (1,4%), желто-красная (0,9%) и поливная (11–12%), среди последней – зеленая и желто-зеленая местная и привозная двух видов: белая с кобальтового цвета росписью и серовато-стальная. Но среди керамики I группы второй четверти XV в. происходят изменения в цветовой гамме: появляется коричневая и малиново-красная с ангобом (1–2) (преобладающие со второй половины XV в.), а также кирпично-красная (изредка с ангобом). Их сопровождают серая лощеная, бурая, а также поливная желто-зеленая и светло-зеленая с дресвой.

Для второй половины XV в. сохраняется коричневая и желто-красная (1–1) ангобированная (часто с прослойкой среднего обжига), малиново-красная ангобированная (1–2), черная круговая (1–3), малиново-коричневая лощеная. Встречается также светло-розовая с желтым ангобом и желтая круговая грубоштатная с песком и ангобом, которые составляют 3–5%, по данным Р.Г.Фахрутдинова, определившего ее как ордынскую нижневолжскую. С включением нижневолжского и прикаспийского кипчакского компонента связано значительное разнообразие в ассортименте поливной: 1) серо-стальной; 2) зеленою двухсторонней, светло-зеленою с внешней поливой по ангобу и болотного (без ангоба) цвета – с внутренней (в красном тесте примесь известняковой дресвы); 3) с зеленою поливой с внешней стороны; 4) зелено-болотной двухсторонней без ангоба; 5) желто-зеленою с дресвой в тесте; 6) оливковой (под цвет селадона); 7) бордово-вишневой. Эти разновидности сохраняются и в последующий период.

В конце XV – первой половине XVI в. в Камаеве наблюдается резкий спад в производстве местной гончарной посуды. Она заменяется лепной и примитивно-круговой, повторяющей формы булгарских ранних и поздних горшков, а также русских типов. Та же картина наблюдается в Русском Урмате – среди горшковидных верхнего горизонта. Стагнация местного гончарства, вероятно, связана с политикой ограничения торговли и конку-

ренцией со стороны керамических изделий русского производства в эпоху протектората (1487–1521 гг.) (Худяков, 1991, с. 50–52).

В первой половине XVI в. в Иски Казани изменяется состав керамики и на городище и на селище (раскоп VI 1983 г.). Эти поздние виды керамики не поддаются этническому определению вследствие ее фрагментированности и окатанности. В условиях полиэтнического состава воинского гарнизона и небольшого количества ремесленников в Камаеве последнего периода этнокультурные признаки оказываются неразличимыми. Вот состав посуды XVI раскопа первой половины XVI в.: 1) круговые горшки с дресвой и большим количеством песка и кирпичной крошки (булгаро-татарская?), часть их с задымленной поверхностью при красном черепке; 2) XXI–1 – примитивно-круговая с песком и дресвой, коричневая, нелощеная, горшки, сосуды с ушками, кувшины, чашечки; 3) XXI–2 – буро-серая примитивно-круговая с заметным песком разных форм; 4) примитивно-круговая с шамотом и дресвой (известняк, тальк); горшки; 5) круговая с раковиной светло-желтого черепка; 6) примитивно-круговая черная с раковиной толстостенная.

После разорения городов Поволжья и Предкавказья, нарушения старых торговых путей в конце XIV в., относительного запустения Болгара, торговля некоторое время продолжалась на Ага-Базаре. В Казани предпринимается попытка восстановить государственность. Ядром консолидации становится плотно и этнически пестро заселенное Заказанье. В Иски Казани растет гончарное производство, включившее различные традиции и опыт ремесленников из разоренных городов Поволжья и Дагестана.

Традиции хазарского времени возрождаются под воздействием южных поволжских и прикаспийских центров, Хорезма, Мавераннахра. Особенно активными были связи со стороны кипчакских групп населения Иски Казани. Судя по материалам верхнего горизонта «дома гончара» (вторая четверть XV в.), традиции этого населения преобладали (Кокорина, Фахрутдинов, 1999).

Новый этап объединения групп тюркоязычного населения Волго-Камья отмечается с началом эпохи Казанского ханства. Наряду с керамикой кипчакских групп (XXI–1,2) растет количество I–2 (гузо-кипчакской или раннеказанской), I–3 (казанско-татарской), а также групп поволжско-финского населения: XXII–1 (мары), XXII–2 (чуваши), XXII–3 (мордва), XXII–4 (удмурты).

Заметное преобладание с середины XV в. керамики группы I–2, расцвет ее признаков, распространение наряду с лощеной и нелошеной столовой посуды свидетельствует об активизации генетического процесса с преобладанием кипчакского населения. Традиционные черты группы I–2 свойственны также для посуды бургасов Пензенской группы памятников (Полесских, 1971, с. 208–215). После разорения Болгара и нарушения торговых путей часть этого населения могла пополнить население Предкамья. На это указывают находки красно-коричневой керамики с красным

ангобом, подобной группе I–2, на городищах Заказанья (Чаллынское, Камаевское, Чакма). В Камаеве ее сопровождает группа XXII–3, аналогичная мордовской посуде Посурья (Старо-Бадиковский могильник XIV в.), Самарского Поволжья (могильник Шелехметь), принадлежащей мордве-мокше (Иванов, 1975, рис. 3, 5). Для поволжско-финских групп посуды в XV в. свойственны добавления, наряду с шамотом, известняка и общая форма питьевых сосудов в виде горшочков и банок с загнутым вовнутрь краем. Эти общие признаки, вероятно, вызваны единными условиями проживания в Камаеве. Значительная часть этой посуды наряду с группами I–2, XXI–1,2 найдена на раскопе XIII («военная казарма»). Значительное присутствие ее на городище и, в частности, в данном объекте связано с размещением военно-служилого сословия. Это предположение согласуется со специальным исследованием А.Н.Орлова (1992, с. 12–15) и подтверждается находками предметов вооружения на данном раскопе и бляхой с барельефным изображением знатного военачальника. (Фахрутдинов, Кокорина, 1985, с. 181). Исследователи татар-мишарей Р.Г.Мухамедова, Л.Т.Махмутова, А.Х.Халиков, Р.Г.Фахрутдинов в сложении этой группы татар признают, наряду с булгарским (огузо-кипчакским – Н.К.), монгольским и поволжско-финским, ногайский компонент (Фахрутдинов, 1984, с. 173–178).

Кипчакский компонент присутствует в носителях I–2 и XXI групп посуды. Им присущи общие примеси известняка и орнаментация. Группа XX (булгаро-русско-чувашская) также имеет примесь известняка наряду с традиционными примесями и почти не орнаментирована. Группа XXII содержит примесь известняка и совсем не орнаментирована. Возможно, последние две группы могли принадлежать подчиненному населению Иски Казани.

Заметно количество керамики кипчакской группы (XXI), поволжско-финской (XXII–1–4) в объектах, связанных с кузнецким (изготовление вооружения) и гончарным делом последнего периода Казанского ханства (раскопы III, XV, XVI). В этот период преобладает примитивно-круговая керамика буро-серого, темно-серого и черного цветов, Большое содержание песка нивелирует ее признаки. Формы горшков и мисок отражают основные группы тюркоязычного населения Казанского ханства (татары, чуваши, башкиры). Некоторое количество примитивно-круговой и лепной керамики верхнекамско-приуральских истоков, судя по примесям раковины, талька, слюды, дресвы в объектах конца эпохи Казанского ханства (типы 4, 5, 6 – XVI раскоп), связаны с выходцами из Сибирского ханства. Границы последнего проходили за Пермью, по реке Чусовой (Сафаргалеев, 1960, с. 224). Она аналогична посуде III слоя Казанского кремля. Остальные АЭГ принадлежат этнографически известным группам населения Казанского ханства, выделенным по данным керамики Иски Казани и других памятников Поволжья (XVI–2,3 – луговые, XXII–1 – горные мары, XX–1,2, XXII–2 – чуваши, XXII–3 –

мордва (мокша?), VI–2, XXII–4 – южные и северные удмурты, XVI–1 – и частично XIV – древнерусское).

Литература:

- Арсланова Ф.Х.* Керамика раннесредневековых курганов Казахстанского Прииртышья / / Средневековые древности евразийских степей. М.: Наука, 1980.
- Архипов Г.А.* Марийцы IX–XI вв.; (К вопросу о происхождении народа). Йошкар-Ола: кн. изд-во, 1973.
- Ахинжанов С.М.* Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алма-Ата: Наука КазССР, 1978.
- Беляев Я.В.* Погребальный памятник XI–XIV вв. у с. Стар. Бадиково (раскопки 1981–1982 гг.) // ТМордНИИ. 1981. Вып. 85.
- Вактурская Н.Н.* Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX–XVII вв.) // ТХАЭЭ. 1959. Т. IV.
- Валеев Ф.Х.* Народное декоративное искусство Татарстана. Казань: Тат. кн. изд-во, 1984.
- Валеева-Сулейманова Г.Ф., Шагеева Р.Г.* Декоративно-прикладное искусство казанских татар. М.: Сов. художник, 1990.
- Валиуллина С.И.* Парадная посуда золотоордынского Биляра (по результатам раскопок Билярского III селища) // Гуманитарные науки: Проблемы и аспекты изучения: Матер. итог. конфер. ТГГИ за 1996 год. Казань: ТГГИ, 1997.
- Гришиakov В.В.* О времени средневекового слоя Ахуновского городища в Верхнем Посурье // АЭМК. 1994. Вып. 23.
- Ерзакович Л.Б.* О южноказахстанском компоненте в материальной культуре городов Золотой Орды // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата: Наука КазССР, 1970.
- Иванов А.А.* Бронзовый тазик середины XIV в. // Средня Азия и Иран: Сб. статей. Л.: Гос. Эрмитаж, 1972.
- Иванов В.А.* Мордовский могильник у с. Шелехметь // Самарская Лука в древности. Куйбышев: Куйб. Кн. изд-во, 1975.
- Иванова М.Г.* Городище Идна-кар: (Результаты исследований 1975–1977 гг.) // Материалы... 1985.
- Казаков Е.П.* Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М.: Наука, 1978.
- Казаков Е.П.* Культура ранней Волжской Болгарии (этапы этнокультурной истории). М.: Наука, 1992.
- Калинин Н.Ф., Халиков А.Х.* Итоги археологических работ за 1945–1952 гг. Казань: Таткнигоиздат, 1954.
- Калинин Н.Ф.* Казань: Исторический очерк (2-е, исправ. и дополн. изд.). Казань: Таткнигоиздат, 1955.
- Калинин Н.Ф.* К итогам археологической экспедиции КФАН СССР 1955 года // Известия Казанского филиала АН СССР. Сер. гуманит. наук. 1957. Вып. 2.
- Каховский В.Ф., Смирнов А.П.* Хулаш // Городище Хулаш и памятники средневековья Чувашского Поволжья. Чебоксары: ЧувНИИ, 1972.
- Каховский В.Ф.* Исследование археологических памятников Чувашии в 1981 и 1982 годах // Новые исследования по археологии и этнографии Чувашии. Чебоксары: ЧувНИИ, 1983.
- Кокорина Н.А.* Лепная и близкая к ней керамика Билярского городища (по материалам 1967–1971 гг.) // Исследования Великого города. М.: Наука, 1976.
- Кокорина Н.А.* Об одной группе знаков на керамике Волжской Булгарии // Ранние болгары в Восточной Европе. Казань: ИЯЛИ КФАН, 1989.
- Кокорина Н.А.* Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV вв.: (К проблеме преемственности булгарской и булгаро-татарской культур): Автореф. дис-

- с...канд ист. наук. М., 1991.
- Кокорина Н.А.* К методике выделения археолого-этнического типа в булгарской посуде / / Керамика как исторический источник (подходы и методы изучения): Тез. докл. Куйбышев, 1991а.
- Кокорина Н.А., Хлебникова Т.А.* Керамика тюркоязычного населения Волжской Булгарии X-XIII вв. // Археология Волжской Булгарии: Проблемы, поиски, решения. Казань: ИЯЛИ АНТ, 1993.
- Кокорина Н.А.* Керамика Камаевского городища (культурно-хронологическое соотношение) // Заказанье: Проблемы истории и культуры. Казань: Заман, 1995.
- Кокорина Н.А.* Основные тенденции развития культуры Волжской Булгарии в золотоордынский период (по данным керамики) // ТА. 1997. № 1.
- Кокорина Н.А., Фахрутдинов Р.Г.* Гончарный комплекс золотоордынского периода из Иски Казани // ТА. № 1-2 (4-5). 1999.
- Кокорина Н.А.* Керамика усадьбы гончара из Иски Казани // ТА. № 1-2 (4-5). 1999.
- Кокорина Н.А., Останина Т.А.* Исследования Чаллынского городка (раскопки 1983, 1989 гг.) // Древние Чаллы. Борынги Чаллы, Казань: Мастер Лайн, 2000.
- Кокорина Н.А.* Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV вв.: (К проблеме преемственности булгарской и булгаро-татарской культур). Казань: Институт истории АН РТ, 2002.
- Кочкина А.Ф.* Гончарная посуда // Посуда Биляра. Казань: ИЯЛИ КФАН, 1986.
- Кочкина А.Ф.* Знаки и рисунки на керамике Биляра // Ранние булгары в Восточной Европе. Казань: ИЯЛИ КФАН, 1989.
- Краснов Ю.А., Каховский В.Ф.* Средневековые Чебоксары: (Материалы Чебоксарской экспедиции 1969-1973 гг.). М.: Наука, 1978.
- Кузеев Р.Г.* Происхождение башкирского народа: (Этнический состав, история расселения). М.: Наука, 1974.
- Левина Л.М.* Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тысячелетии н.э. // ТХАЭЭ. 1971. Т. VII.
- Лещинская Н.А.* Исследование Еманаевского городища // Новые археологические памятники Камско-Вятского междуречья. Ижевск: УдмГУ, 1988.
- Мажитов Н.А.* Южный Урал в VII-XIV вв. М.: Наука, 1977.
- Макаров Л.Д.* Древнерусские памятники среднего течения реки Пижмы // АЭМК. 1994. Вып. 23.
- Маргулан А.Х.* Джезказган – древний металлургический центр (Городище Милькудук) / / Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата: Наука КазССР, 1973.
- Маргулан А.Х.* Остатки оседлых поселений в Центральном Казахстане // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата: Наука КазССР, 1978.
- Матвеева Г.И.* Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара: Изд-во «Самар. уч-т», 1997.
- Никитина Т.Б.* Юрьевское селище (к вопросу о марийско-русских связях в эпоху средневековья) // АЭМК. 1991. Вып. 20.
- Никитина Т.Б.* Средневековые городища Волго-Вятского междуречья (проблемы и перспективы изучения) // АЭМК. 1994. Вып. 23.
- Орлов А.М.* Мещера, мещеряки, мишаре. Казань: Тат. кн. изд-во, 1992.
- Останина Т.И.* Городище-убежище раннего средневековья у д. Старая Игра // Материалы средневековых памятников Удмуртии. Устинов: УдМИИЯЛ, 1985.
- Плетнева С.А.* Печенеги, торки, половцы // Степи Евразии в эпоху средневековья: Археология СССР. М.: Наука, 1981.
- Полесских М.Р.* Исследование памятников типа Золотаревского городища // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань: ИЯЛИ КФАН, 1971.
- Полубояринова М.Д.* Знаки на золотоордынской керамике // Средневековые древности евразийских степей. М.: Наука, 1980.
- Полубояринова М.Д.* Древнерусская керамика Болгара // Древнерусская керамика. М.:

- Институт археологии, 1992.
- Руденко К.А.* Алексеевское селище и могильник «У дамбы» в Татарии // АЭМК. 1994. Вып. 23.
- Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1969.
- Смирнов А.П.* Работы Поволжской экспедиции в 1960 г. // КСИА. 1962. Вып. 90.
- Смирнов А.П. Каховский В.Ф.* Булгарское селище близ деревни Большое Янгильдино в Чувашской АССР // УЗЧувНИИ. 1964. Вып. XXV.
- Старостин П.Н., Казаков Е.П.* Булгарское поселение в урочище «Чакма» // АЭМК. 1992. Вып. 21.
- Тухтина Н.В.* Раскопки 1957 года близ села Криуши Ульяновской области // МИА. 1960. № 80.
- Фахрутдинов Р.Г.* Очерки по истории Волжской Булгарии. М.: Наука, 1984.
- Фахрутдинов Р.Г., Кокорина Н.А.* Исследования Старой Казани // АО-1983. М.: Наука, 1985.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Золотоордынские города Поволжья. М.: Изд-во МГУ, 1994.
- Халиков А.Х.* О времени, месте возникновения и названии города Казани // Из истории культуры и быта татарского народа и его предков. Казань: ИЯЛИ КФАН, 1976.
- Хлебникова Т.А.* Гончарное производство волжских болгар X – начала XIII вв. // МИА. 1962. № 111.
- Хлебникова Т.А.* Результаты исследования Мало-Сундырского городища в 1958 и 1964 гг. // ТМарНИИ. 1967. Вып. XXII.
- Хлебникова Т.А.* Керамика памятников Волжской Булгарии: (К вопросу об этнокультурном составе населения). М.: Наука, 1984.
- Хлебникова Т.А.* Неполивная керамика Болгара // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. М.: Наука, 1988.
- Худяков М.Г.* Очерки по истории Казанского ханства. М.: Инсан, 1991.
- Шутова Н.И.* К вопросу о расселении аров в конце I – первой половины II тысячелетия н.э. // Проблемы изучения древней истории Удмуртии. Ижевск: УдМИИЯЛ, 1987.
- Юсупов Х.Ю.* Приузбийские туркменские племена XIV-XV вв. Ашхабад: Илым, 1975.

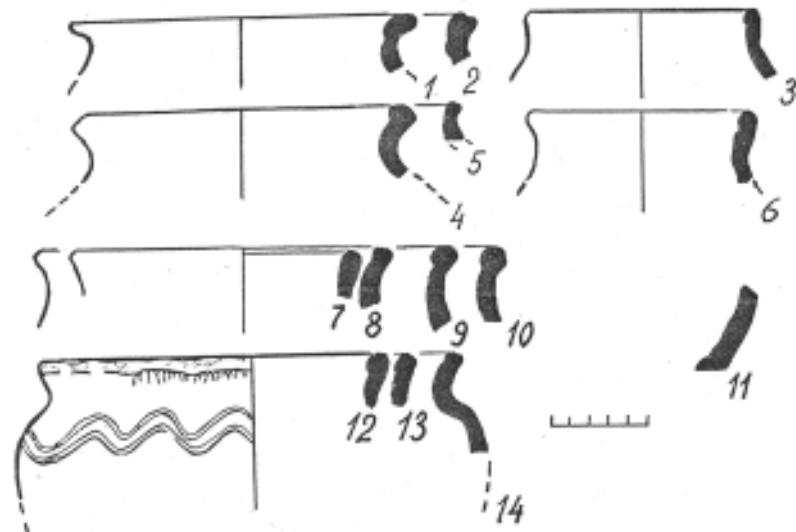

Рис.1. Керамика XIV (2-6) и XVI – 1,3 (1, 7-14) групп; 1-р. XVIa, кв.Б-3, шт.1;2 – р.XIII, кв.А-8, шт.1;3 – р.V;4 – тр. Б, кв.10, шт. 1;5 – Р.XIII, кв.К – 1, шт.1; 6,10,11 – р.XVIb, кв.Д – 2, шт.1; 7,9 – р. X, кв. Д – 4, шт. 2; 14 – р. IX.

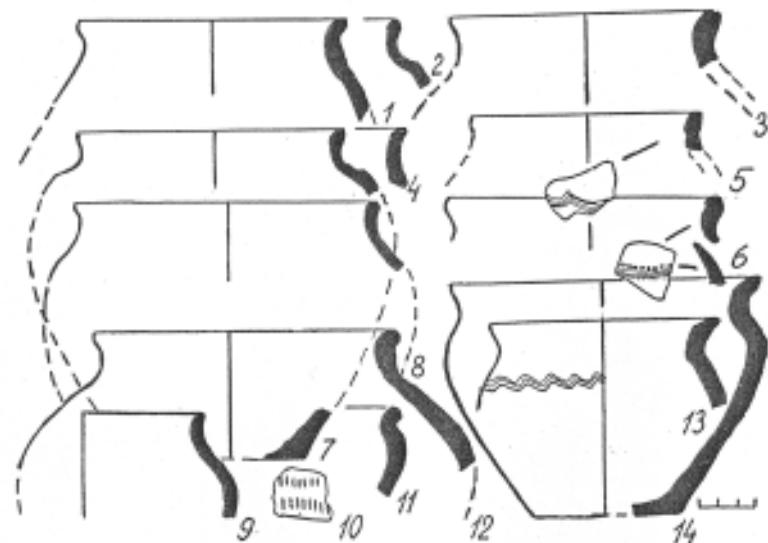

Рис.2. Керамика XX – 1(1,2,4,7 - 14) и XX – 2 (3,5,6) групп; 1 - XII, яма 3; 2 – р. IX, кв.3-5, шт. 1; 3 – р. X, кв. А-3, шт.1;4 – р. XIII, кв. Г- 6, шт.1; 5,6 – р.Х, кв. А-3, шт. 1;7 – р.IX, кв. 3-5, шт.1; 8 – р.XI, кв.А-3, шт. 1; 9 – р.Х, яма 3; 10,11 – р.IX, кв.Г-4, шт.1; 12 – р.XVIa, яма 2;13 – р.XVI b, кв.В-3; 14 – ? (Кам-72, № 30).

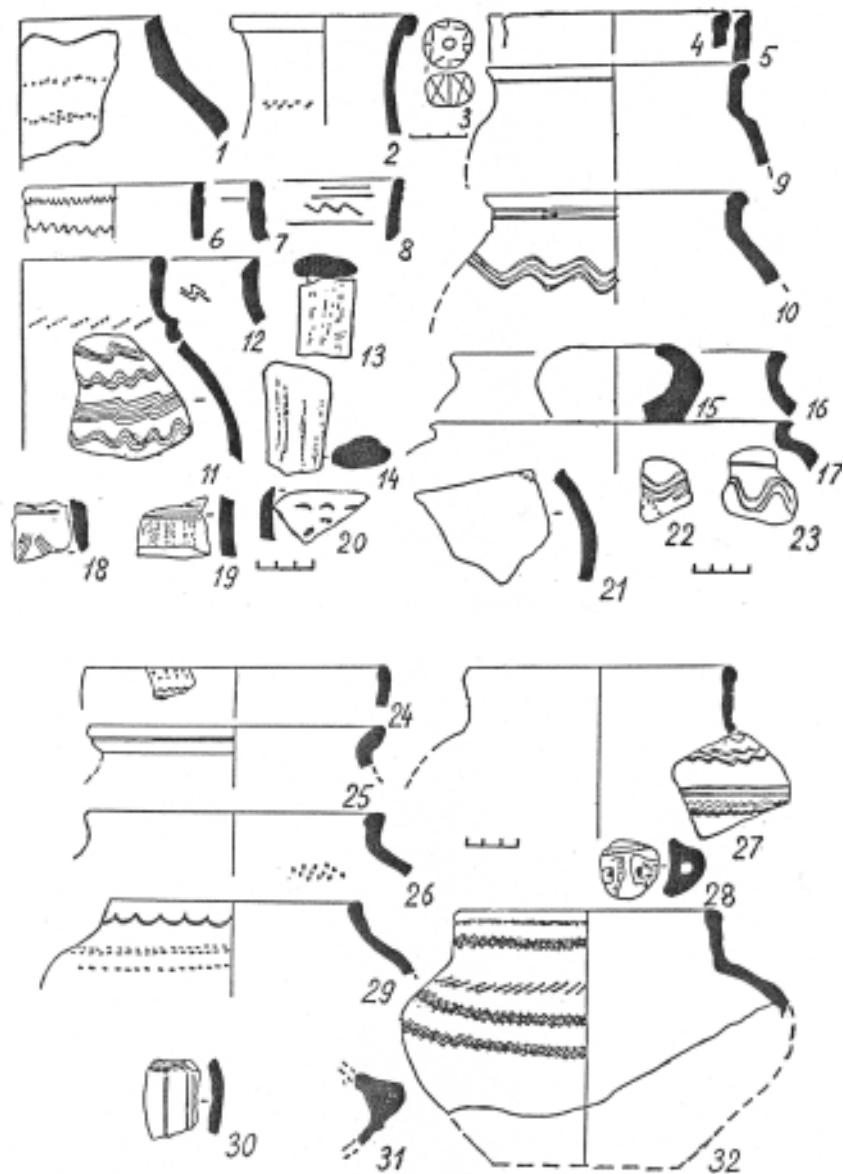

Рис.3. Керамика XXI – 1 группы; 1 – п.XVIв, кв. Г – 3; 2 – п.XVIв, кв. В – 3, шт. 1; 3, 10, 15, 17 – п.X, соор. 1; 4 – п. X, Д – 1, шт. 1; 5 – п.Х, яма 11; 6 – п. XII; 7 – п. XIII, кв. И-2, шт. 1; 8 – п. IX, кв. Б-2, шт. 1; 9 – п. XVIв; 11, 12 - ? (Кам-72, № 22); 13 – п. VI, кв. А-3, шт. 1; 14 – п. III, кв. Е-7, шт.2; 16 – п. XIII, кв. Б-6, шт. 1; 17 – п. X, соор. 2; 18-20 – п. III, кв.Д-1, шт.1; 21 – п. XII, кв.Е-5, шт.1; 22 – п. X, кв. А-14, шт. 1; 23 – п. X, кв. А-11, шт.1; 24- п. XII, кв.3 – 3, шт.1; 25 – п.XVIв; 30 – п. XIII, кв. А-2, шт. 1; 31 – п.XII; 32 – п. XIII, погребение.

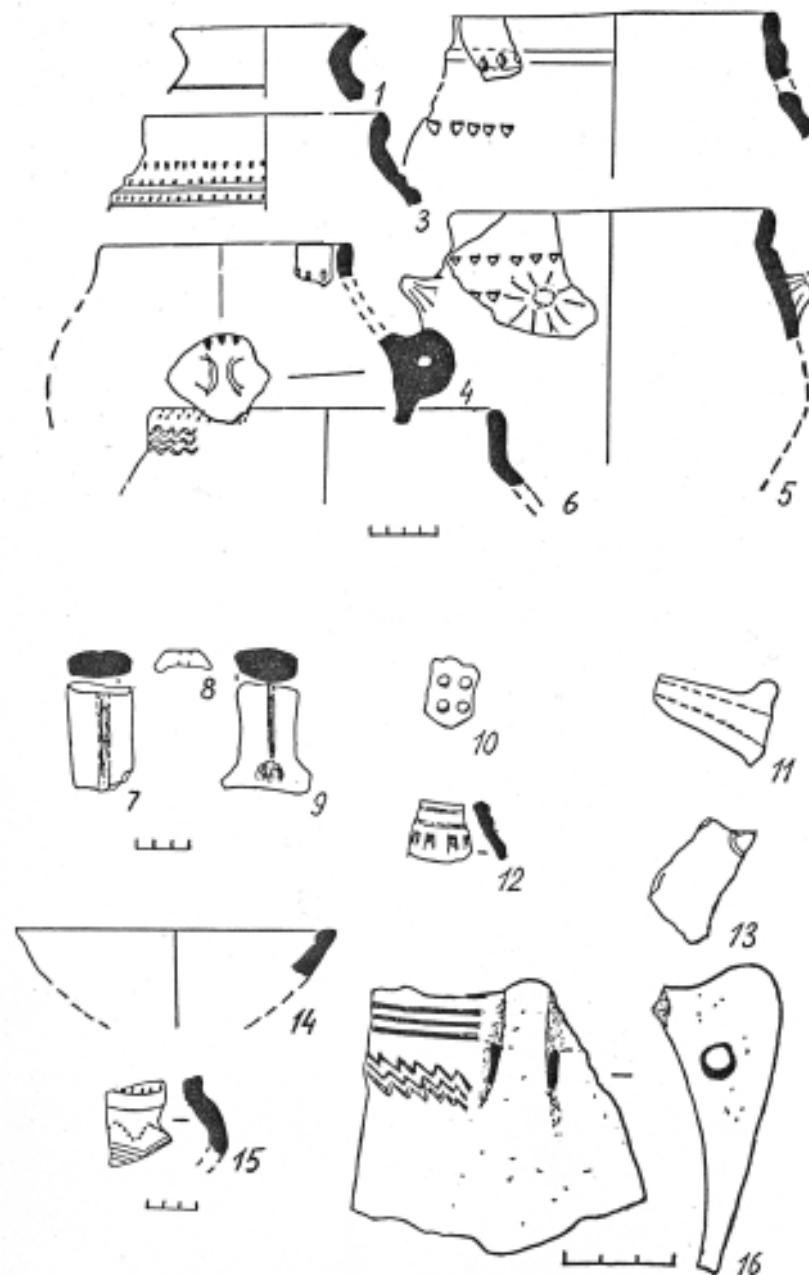

Рис.4. Керамика XXI – 2 группы; 1 – р. V, кв. Д-4, шт.1; 2 – р. XVIa, яма 2; 3 – р. V, кв.Д-4, шт.1; 4 – р.XVIб, шт.1; 5 – р. XVIб, яма 7; 6 – р.XVIб, кв. А-6, шт.1; 7 – р. XIII, кв.3-4, шт.1; 8 – р. IX, шт.1; 9 – р.VIII, кв. Б-2, шт.1; 10 – р. XVIб, кв. А-5, шт.1; 11, 12 – р. XIII, 13 – р. XVIб, кв. А-4, шт.1; 14 – тр. Б, кв. 76, шт.1; 15 – р. X, соор.2; 16 – сборы 1983 г.

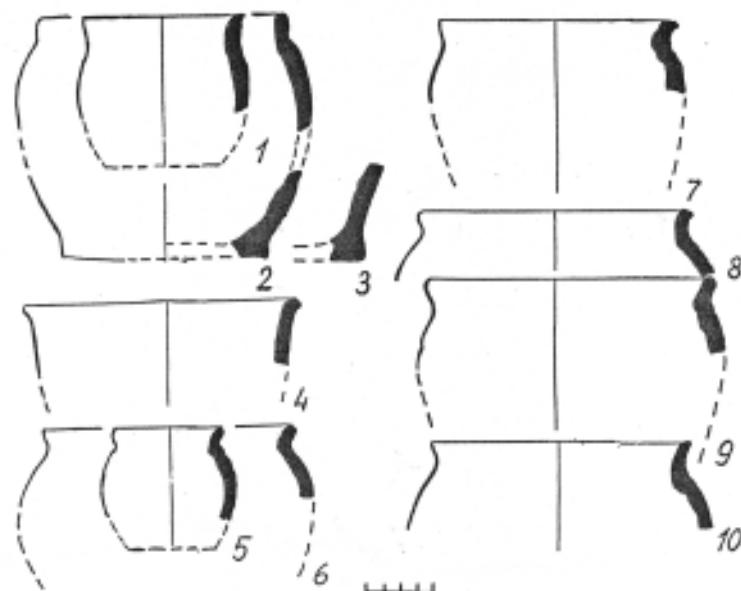

Рис.5. Керамика XXII-1 группы; 1 – р. XVIa, кв.П-10, шт.2; 2-4 – р. XVIa, яма 1; 5 – р.XII, кв.И-2, шт.1; 6-10 – р.V, кв.А-2, шт.1.

Рис.6. керамика XXII-2 группы; 1, 2, 9, - р. XIII, кв.Б-6, шт. 1; 3,4,10 – р. XVIa, яма 1; 5 – тр. А, кв.79а, шт.4; 6 – р. XIII, кв.И-2, шт. 1; 7,8 -р. X, кв.В-8, шт.1; 11, 12 – р.IX; 13 – р.V, кв.А-2, шт. 1; 14 – р. XIII, кв.К-6, шт.1; 15 – р. XIII; 16 – р. XIII, яма 25.

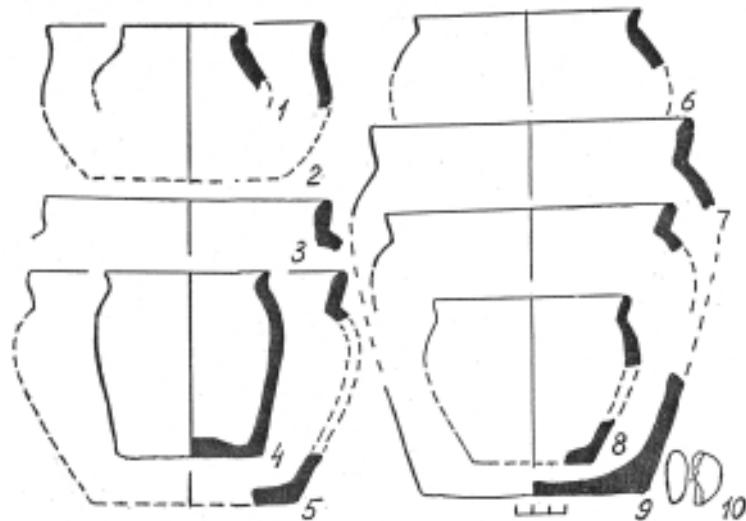

Рис.7. Керамика XXII-3 группы; 1, 2 – р. XIII, кв. Д-7, шт. 1; 3 – р.Х, кв.В-6, шт.1; 4 -?(Кам-72, № 54); 5 – р. X, кв.В-6, шт.1; 6 – р. XIII, зачистка канала; 7, 9 – р. X, соор. 1; 8, 10 – р. XIII, яма 25.

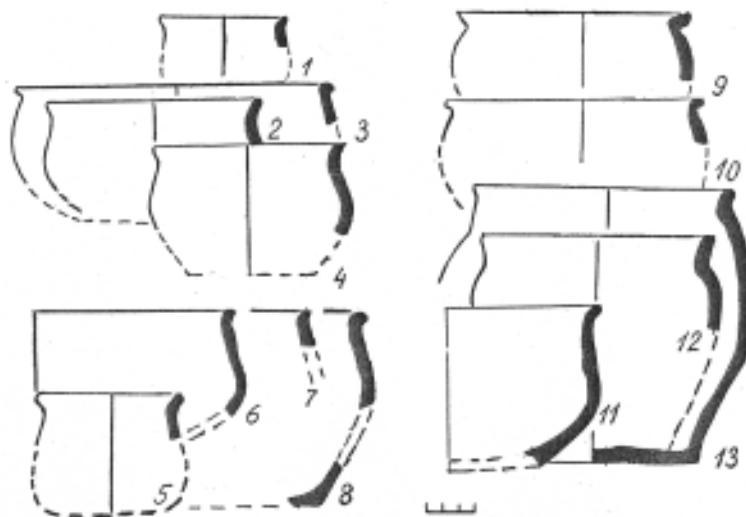

Рис.8. Керамика XXII-4 группы; 1 – р.VIII, кв. А'-5, шт.1; 2 – р. XII, яма 1; 3 – р. IX, кв.3-3, шт.1; 4 – р. XV; 5,6,8 – р. XIII, яма 25; 7 – р. XII, кв.Д-3, шт. 1; 9 – р. IX; кв.3-3, шт.1; 10 – р. X, яма 8; 11 – тр. А, кв.47, шт.1; 12 - р. XIII, яма 4; 13 - р. XVIa, яма 1.

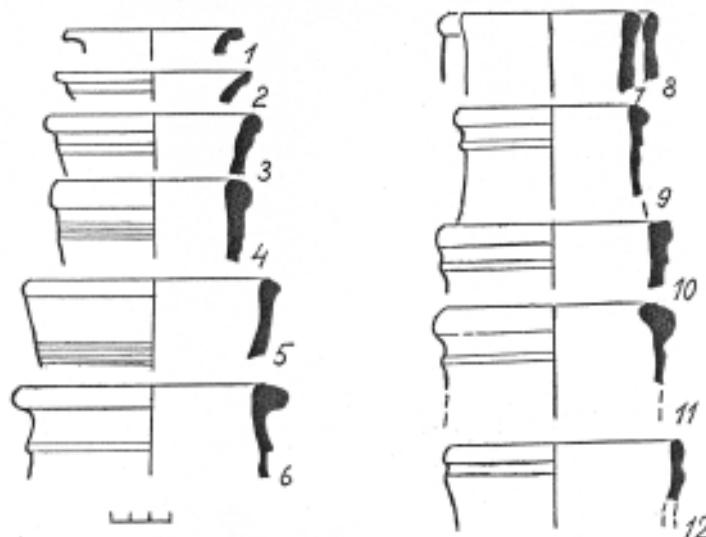

Рис.9. Керамика I-1 группы. Кувшины XV в.; 1 – р. V, кв.Д-4, шт.1; 2 – тр. Б 1972 г.; 3 – р. XII, кв.Е-4, шт. 1-4 – р. XII; 5 – р. XII, кв.И-10, шт. 1; 6 – р. XIII, яма 7; 7,8 – р. XII, кв.Е-4, шт.1; 9 – р. XVIa, яма 2; 10 – р. XVIa, кв.И-2; 11 - р. XVIa, кв.Л-5, шт.1; 12 – р. XVIa, кв.З-3, шт.1.

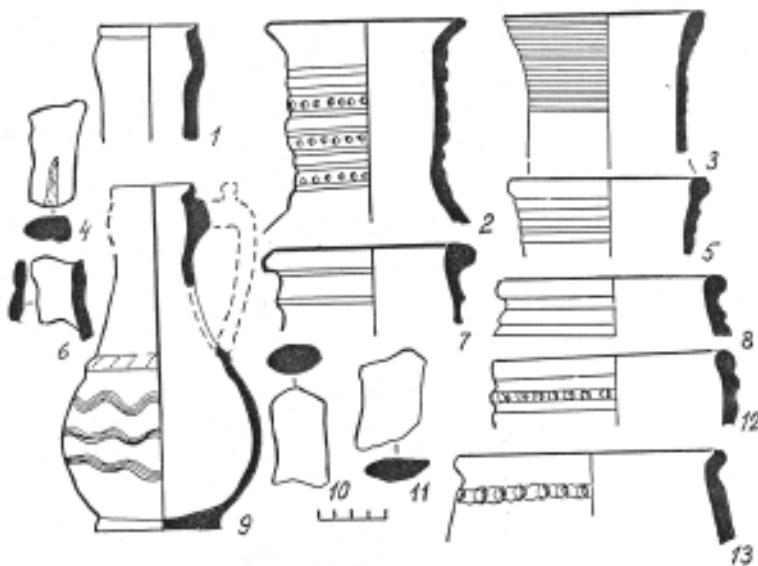

Рис.10. Керамика I-2 группы. Кувшины второй половины XV – первой половины XVI в.; 1 – тр.А, кв.43а, яма; 2 – тр.А, кв.79; 3 – р. XIII, кв.И-3, шт.1; 4,6 – тр. А, кв.А-3, шт.1; 5 – р. XIII, канал; 7 – р. XIII, яма 7; 8 – р. XIII, кв.К-8, шт. 1; 9 – тр.А, кв. 44а; 10, 11 – тр.А, сборы; 12, 13 – р. XIII, кв.Д-4, шт.1.

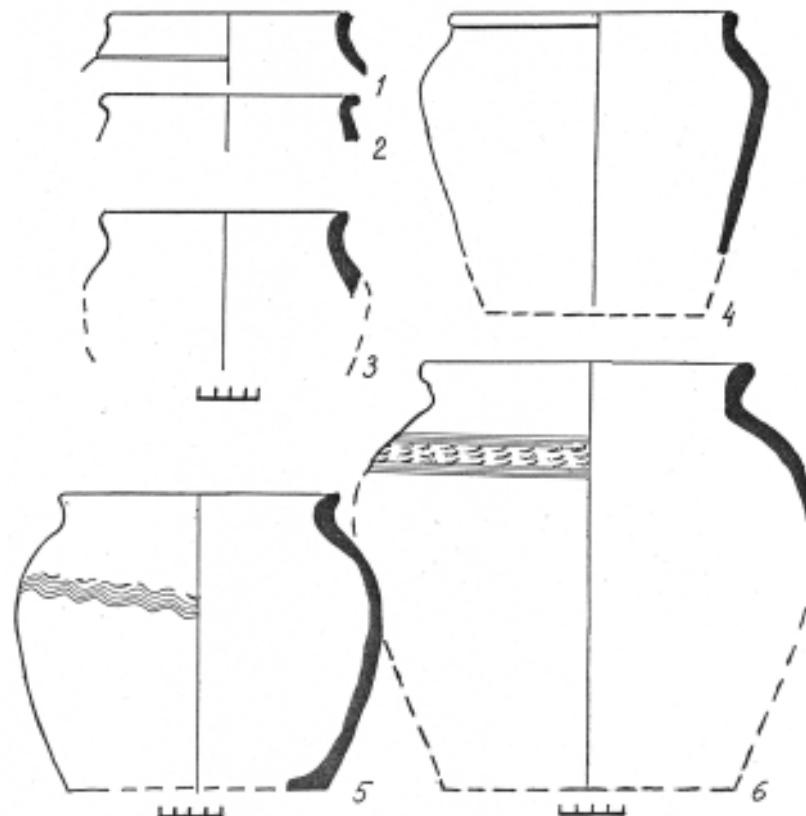

Рис.11. Керамика I-2 группы. Горшки конца XIV – первой половины XVв.; 1 – р. XI, кв. А-3, шт.1; 2 – р.XVIв, кв.Д-2, шт.1; 3 –р. XII, яма 8; 4 – р. XVI в; 5 – тр.А, кв. 12-13, яма; 6 – р. V, кв.Д-2, шт.1.

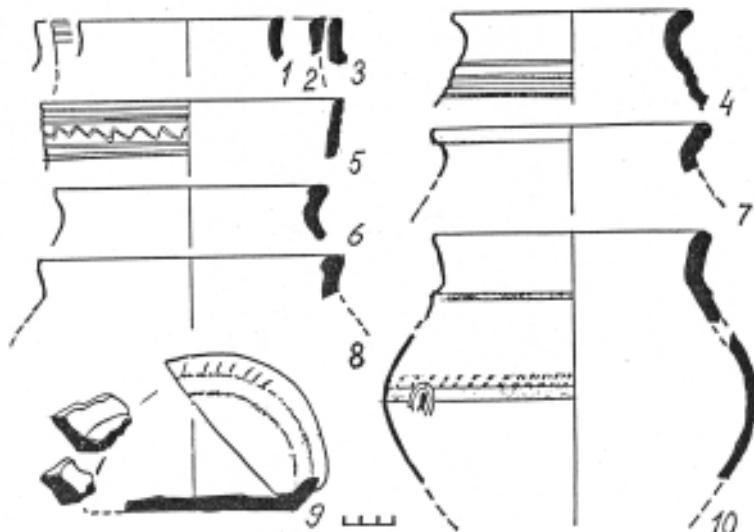

Рис.12. Керамика I-2 группы. Горшки XV в.; 1 – р. XII, кв.Ж-3, шт.1; 2-р. XII, сборы; 3 – р. XII, яма 11; 4 – р.V, кв.Б-3, шт.1; 5 – р. IX, кв.Б-2, шт. 1; 6 – р. V, кв.Г-1, шт.1; 7 – р. XIII, кв. 3-7, шт. 1;8 – р. XIII, кв.В-2, шт.1;9 – р. XIII, кв.Л-3, шт.1; 10 – р.VI, кв.Г-3, шт.1.

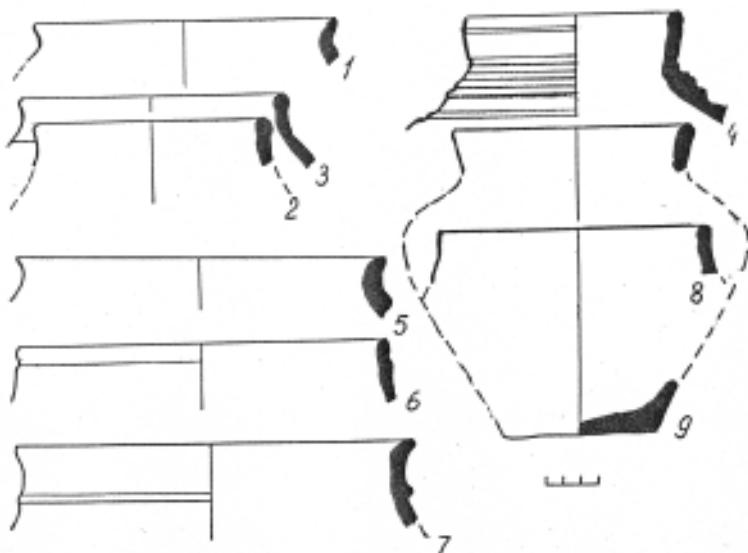

Рис.13. Керамика I-2 группы. Горшки середины XV – первой половины XVI в.; 1- р. XIII, кв.Л-3, шт.1; 2 – р. VI, кв.А" – 15, шт.1; 3-р. X, кв.Г-6, шт.1; 4 - р. XVIa, кв.3-3, шт.1; 5 – р. XVIa, кв.3-3, шт.1; 6 – р. XIII, канал; 7 – р. XVIa, кв.Л-5, шт.1; 8 – р.X, кв.Б-2, шт.1; 9 – р.IX, кв.А-3, шт.1.

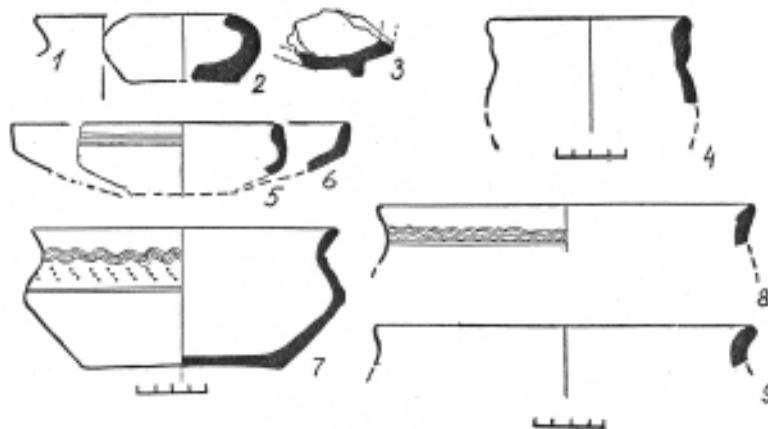

Рис.14. Керамика I-1 группы. Чашки, миски, плошки конца XIV – первой половины XV в.; 1 – р.X, кв.А'-11, шт. 1; 2 – р.X, кв.А'-4, шт.2; 3 – р.V, кв.А-3, шт.2; 4 – р. XVIг, шт.1; 5 – р. XVIа, яма 1; 6 – р.IX, кв.3-5, шт.2; 7 – р.IV, кв.Г-4, шт.1; 8-р. XI, кв.Г-4, шт.1; 9-р. XI, кв.В-5, шт.1.

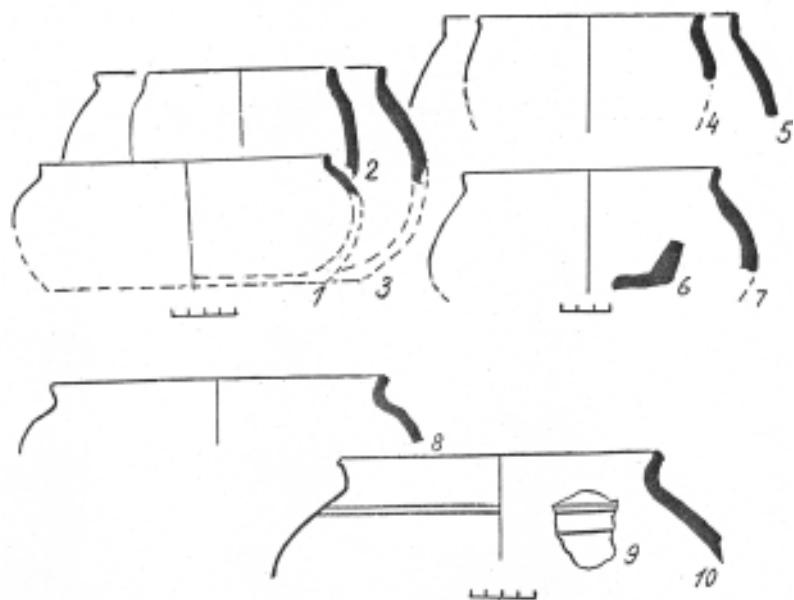

Рис.15. Керамика I-3 группы (1-7) и в традициях XIV и XVI групп (8-10). Горшки и миски второй половины XV-первой половины XVI в.; 1- р. X, кв.Д-4, шт.1; 2 – тр. Б, кв.Б-6, шт.1; 3 – р.ІІ, кв.В-9, шт. 1; 4 – р.IX, кв.В-3, шт.1; 5 – тр.Б, кв.75, шт.1; 6, 7 – тр.А, кв. 44а, яма; 8 – р. VIII, кв.А-3, шт. 1; 9, 10 – р. XII, кв.В-6, шт.1.

Рис.16. Поливная и ангобированная посуда XV – первой половины XVI в.; 1 – тр.А, кв.44а, яма; 2 – тр.А, кв.43а, яма; 3 – р.IV, кв.Г-1, яма; 4 – р.IV, кв.Д-4, яма; 5 – тр.А, кв. 24, шт. 3; 6 – тр.А, кв.32, шт. 1; 7 – р. IV, кв.А – 3, шт. 1; 8 – тр.А, кв.43а, яма; 9 – тр.Б, кв. 3, шт. 1; 10 – тр.А, кв. 45, шт.1; 11 – тр.Б, кв.2, шт. 1; 12 – тр.А, кв.52, яма; 13 – кв.А-6; шт.2; 14 – р.IX, кв. Б-1, шт. 1; 15 – тр.А, кв.15, шт. 1; 16 – р.V, кв.А-3, шт. 2; 17 – р.I (№ 58); 18 – р.VIII, кв.А" – 9.

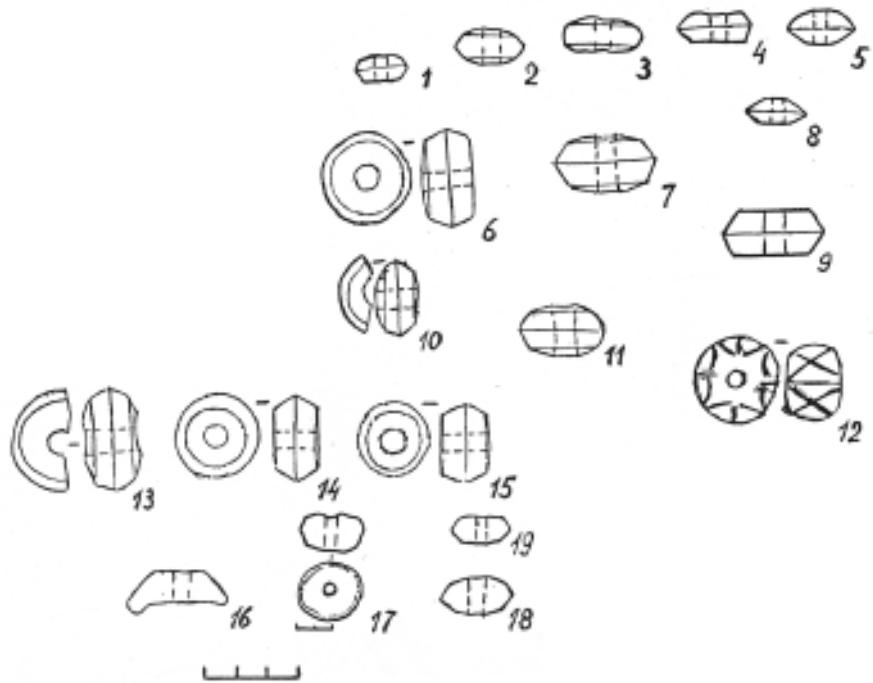

Рис.17. Пряслица первой половины XVв. (1-12) и второй половины XV – первой половины XVI в. (13-19); 1 – р. XVIa, яма 8; 2 – р.XV, кв.Е-3, яма 2 (5 экз.); 3 – р.XVIa, кв.И-10, шт.1; 4 – р. XVIa, сооружение; 5, 18 – р. XVI в, кв.Д-6, шт.1; 6 – р. XIII, кв.К-8, шт.1; 7 – р. XII, яма 6; 8 – р. X, яма 11; 9 – р. X, яма 5; 10, 13-15 – тр.А, яма; 11 – р. XVIa, яма 11; 12 – р. X, соор. 1; 16 – р. IX, шт.1; 17, 19 – р. XVI в, яма 11.

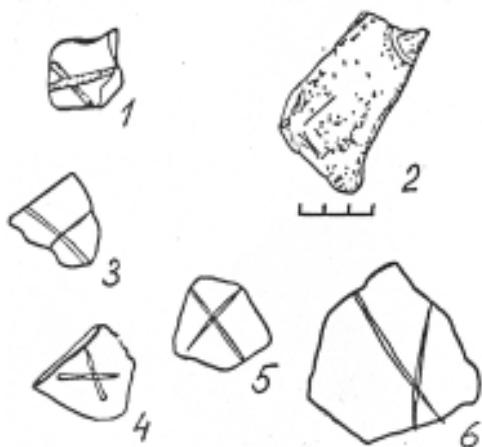

Рис.18. Знаки на керамике; 1- р. XVIa, кв.Д-1, шт.1; 2 – р.XVIб, кв.А-4, шт.1; 3 – р. XVIa, кв.А-4, шт. 1; 4 – р. XVIa, кв.И-1, шт.2; 5 – р. XVIa, кв.В-10, шт.1; 6 – р. XVIa, кв. Е-6, шт.1.

Таблица I. Керамика Камаевского городища: общие статистические данные (техника, примеси, АЭГ).

Раскоп	Техника	Круго-вая	Примитивно-круговая комбинированная				Лепная	Поливная местная и привозная	Итого
	Примеси	1-3	4	5-6	7-8	9-10	11-14		
	АЭГ	I	XIV	XVI	XX	XXI	XXII		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
I	1 штык %	572 79,2	2 0,3	5 0,7	3 0,4	9 1,2	88 12,7	40 5,2	719
	2 штык %	276 73,0	1 0,26		1 0,26	19 5,0	43 11,35	34 10,0	374
II	1 штык %	516 84,5	2 0,3	2 0,3	17 2,8	21 3,43	53 8,7	2 0,32	613
	2 штык %	93 73,2			16 12,7		14 11,0	4 3,1	127
III	1 штык %	236 85,8				12 3,15	26 6,8	1 0,26	275
	2 штык %	18 77,7					2 22,2		20
IX	1 штык %	140 63,7	4 1,95		2 0,97		42 20,4	27 13,0	215
	2 штык %	57 64,0		4 4,5	12 13,5	3 3,4		13 11,7	89
X	1 штык, яма 7 %	221 51,2	3 0,55	1 0,25		29 5,4	17 3,1	177 39,5	448
	2 штык %								
XII	1 штык %	215 55,0	4 1,6	1 0,4		9 3,8		7 3,2	236
	2 штык %	100 82,6		1 0,9		7 5,8	9 7,4	4 3,3	121
	ямы %	183 62,0			10 34,0			2 2,0	195
XIII	%	707 70,5	2 0,1	5 0,5	11 1,0	138 13,8	91 9,0	48 4,8	1002
XV	1 штык %	7 100,0							7
	2 штык %	25 18,6			79 58,9	30 22,3	1 0,7		135

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
XVI а	1 штык %	332 90,6			17 3,9		14 3,2	1 0,2	364
	2 штык %	42 96,9					1 2,3		43
	ямы %	144 42,5			186 55,2		8 0,88		338
XVI б	1 штык %	128 86,8			1 0,6	1 0,6	9 6,0	10 6,7	149
	ямы %	128 79,5				17 10,5	14 8,7	2 1,25	161

Примечание: 1 - мелкий песок, органика; 2 - крупный песок + известняк; 3 - заметный мелкий песок; 4 - дресва, песок; 5 - песок, известняк, раковина; 6 - шамот; 7 - мелкий шамот, галечная дресва, органика; 8 - песок, мелкий шамот; 9 - заметный песок; 10 - заметный песок + известняк + шамот; 11 - крупный шамот, песок, известняк, раковина; 12 - мелкий шамот + крупный песок + известняк; 13 - шамот + известняк; 14 - крупный шамот + известняк, шлак, раковина, органика.

Таблица II-1. Керамика Камаевского городища: общая характеристика АЭГ (примеси, техника, формы, орнамент, лощение, ангоб, обжиг).

АЭГ	Примеси	Техника	Формы	Орнамент	Лощение	Ангоб	Обжиг (цвет)	
							окислительный	восстановительный
I-1	мелкий песок, органика	круговая (ножной круг)	кувшины, кружки, горшки, корчажки, хумы, блюда, миски, трубы, пряслице	линейно-зонный, волнистый, гребенчатый, фаски, ямки	частые широкие линии	белый	кирпично-красный, коричневый, желтый	серый, черный
I-2	крупный песок, известняк	круговая заглаженная	кувшины, кружки, горшки, корчажки, хумы, блюда, миски, пряслица	рифление, гребенчатый, волнисто-зонный, ямки		малиново-красный, серый, желтый	малиново-красный, малиново-коричневый	серый
I-3	мелкий песок	примитивно-круговая	горшки, миски, банки, чаши		горизонтальные сплошные линии			черный, смоленый
XXI-1	заметный песок	комбинированная	кувшины, кружки, горшки, хумы, биконический сосуд, пряслице	гребенчатый, волнистый, волна "джекетау", фаски, рифление, волнисто-зонный, имитация шнура, гирлянда	заглаженность галькой сплошная или тонкими полосами		коричневый	темно-серый
XXI-2	заметный песок, шамот, известняк	ленточная	кувшины, горшки, блюда, котлы, биконический сосуд, светильник, сосудики с ушками, пряслице	гребенчатый, рифление, фаски, ямки, треугольники, "семечки"		желтый, серый	коричневый	буро-серый

Таблица II-2.

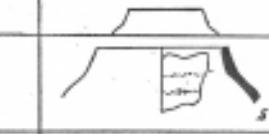
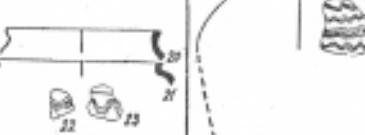
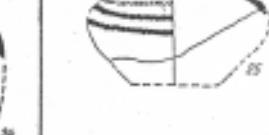
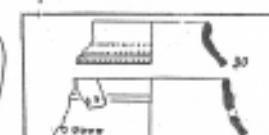
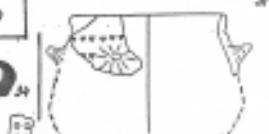
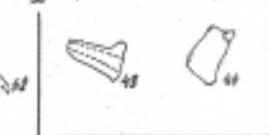
Примечание: ВК - волгокамская; ПУ - приуральская.

АЭГ	Примеси	Техника	Формы	Орнамент	Обжиг	Цвет	Обработка поверхности
XIV	песок, дресна	круговая	горшки, миски	волнистый, линейный	печной восстано- вительный	темно-серый	
XVI-1	ракушка	круговая	горшки, миски	волнистый, линейный	печной восстано- вительный	серый	
XVI-2	песок, известняк, ракушка	круговая	горшки, миски		печной	коричневый	
XVI-3	песок, известняк, шамот	круговая	горшки		печной восстано- вительный	бурый, корич-невый, черный	
XX-1	мелкий шамот, дресва-тальк, органника	круговая	горшки, миски		печной восстано- вительный	буро-серый, серый	заглаженность
XX-2	песок, мелкий шамот	круговая	горшки, чашечки	линейный, "семечки," волна "джукетай", гребенчатый, гирлянда	печной восстано- вительный	бурый, коричневый	
XXII-1	крупный шамот, песок, известняк, ракушка	прimitивно- круговая	горшки, блюда, миски, чашечки		печной	бурый, черный	заглаженность щепкой, травой
XXII-2	мелкий шамот, крупный песок, известник	прimitивно- круговая	горшки, корнажки, блюда, миски, чашечки		печной	черный	заглаженность
XXII-3	шамот, известник	прimitивно- круговая	горшки, корнажки, миски, банки, чашечки		печной	бурый, черный	заглаженность
XXII-4	крупный шамот, шлак, известник, ракушка	прimitивно- круговая	горшки, корнажки, миски, чаши, чашечки		печной	желто-серый	заглаженность
ВК	песок, тальк	лепная	?		очажный	желто-серый	окатанность
ПУ	ракушка	лепная	?		очажный	темно-серый	окатанность

Таблица III. Хронологическое распределение АЭГ керамики Камаевского городища по раскопкам и комплексам.

Раскоп	Год	Период	Втор. пол., кон. XIV в.	Перв. пол. XV в.	Втор. пол. XV в.	Перв. пол. XVI в.
		Комплекс				
I - Тр.А	1972				1-2, XVI-2, XXI-1, XXII-4	
II -Тр.Б	1972	Захоронение кипчака			I-2,3; XXI-2, XXI-1, XXII-4	
III-IV	1972	Кузница с камен. котлами, жилище			I-2,3; XXI-2, XXI-1, XXII-4, поливн.	
V	1979			I-1-3; XVI-2, XXI-1,2; XXII-1-4		
VI	1979					
VII	1979					
VIII	1979	Дом с каменным полом, ворота и изгородь на каменном основании			I-2, XVI, XXI-1, XXII-1	
IX	1981				I-2,3; XIV, XVI-2, XX, XXI, XXII	
X	1981	Детали панцирей, доспехов и предметов вооружения			1-2,3; XIV, XVI-2, XX, XXI, XXII	
XI	1981				1-2,3; XVI-2, XX, XXI, XXII-2,3	
XII	1981				I, I-3; XVI-2, XX, XXI, XXII-2,4	
XIII	1983	"Военная казарма", "монетный двор"			XIV-1, XXI-1, XXII-4	
XIV	1985					
XV	1986				I, XX, XXI, XXII	
XVIa	1986	Кузница с тиглями, известняковая кладка фундамента дома				
XVIб	1987					
XVIa	1988				I-1, 3; XIV, XVI, XX-XXII	
XVIIб	1988				I-1,2; XVI-1,2, XXI?, XXII-4	

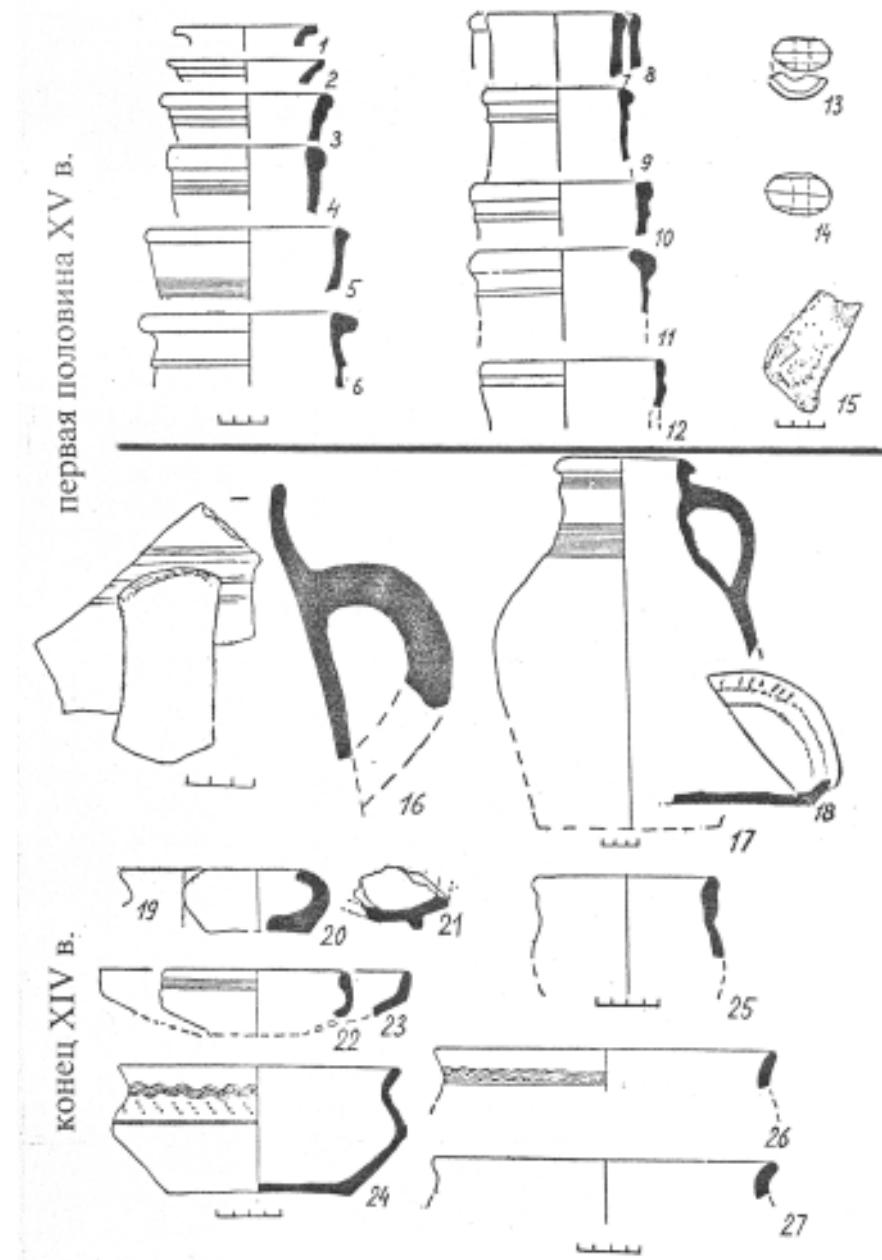
Таблица IV. Камаевское городище: систематизация форм керамики XXI группы.

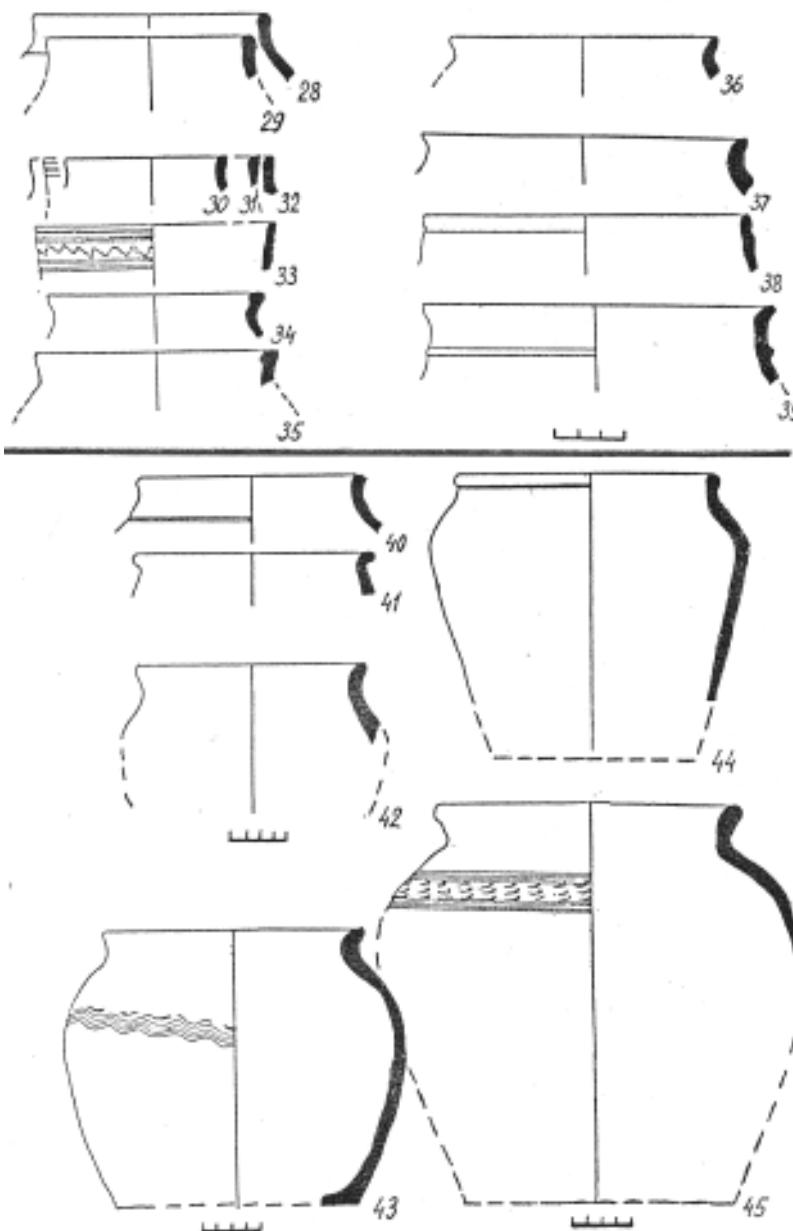
категория, отдел			
кувшины			
кружки			
горшки			
корчаги			
котлы светильники			
блюда чашки			

Таблица V. Камаевское городище: систематизация форм керамики XXII группы.

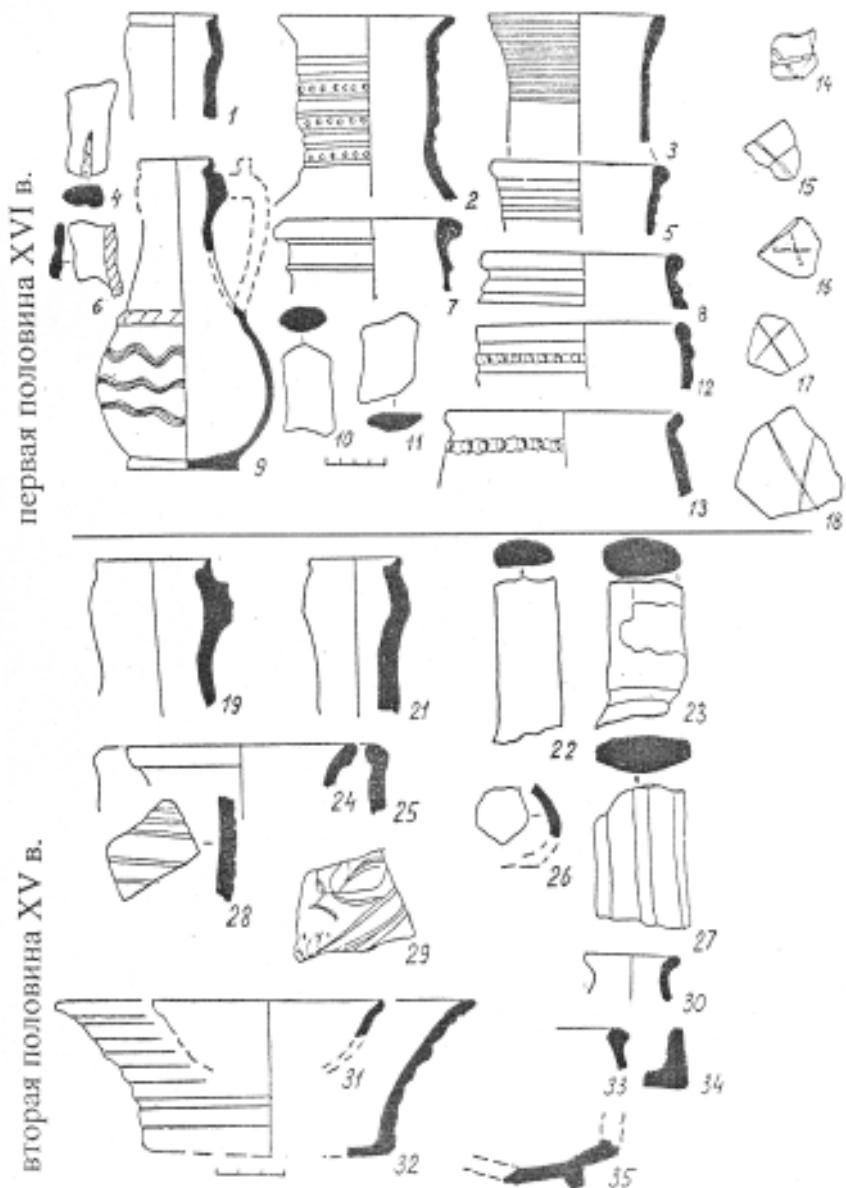
форма	ГОРШКИ				МИСКИ				ЧАШКИ				КОРЧАГИ (СПЕЦ. СОСУДЫ)				
группа	1-5	2-5	3-5	4-5	1-5	2-5	3-5	4-5	1-5	2-5	3-5	4-5	1-5	2-5	3-5	4-5	
XXII-1	15-17	20	15-18	20	20	16	17				8	7,5					
XXII-2	12,5	16	22	14	15	16	14	16	11	8			22	22	22	24	34
XXII-3	20	18	18	20	17	15		12	9	10						9	
XXII-4	18	16			26	18-20	20	25	8,18	12	10	15					

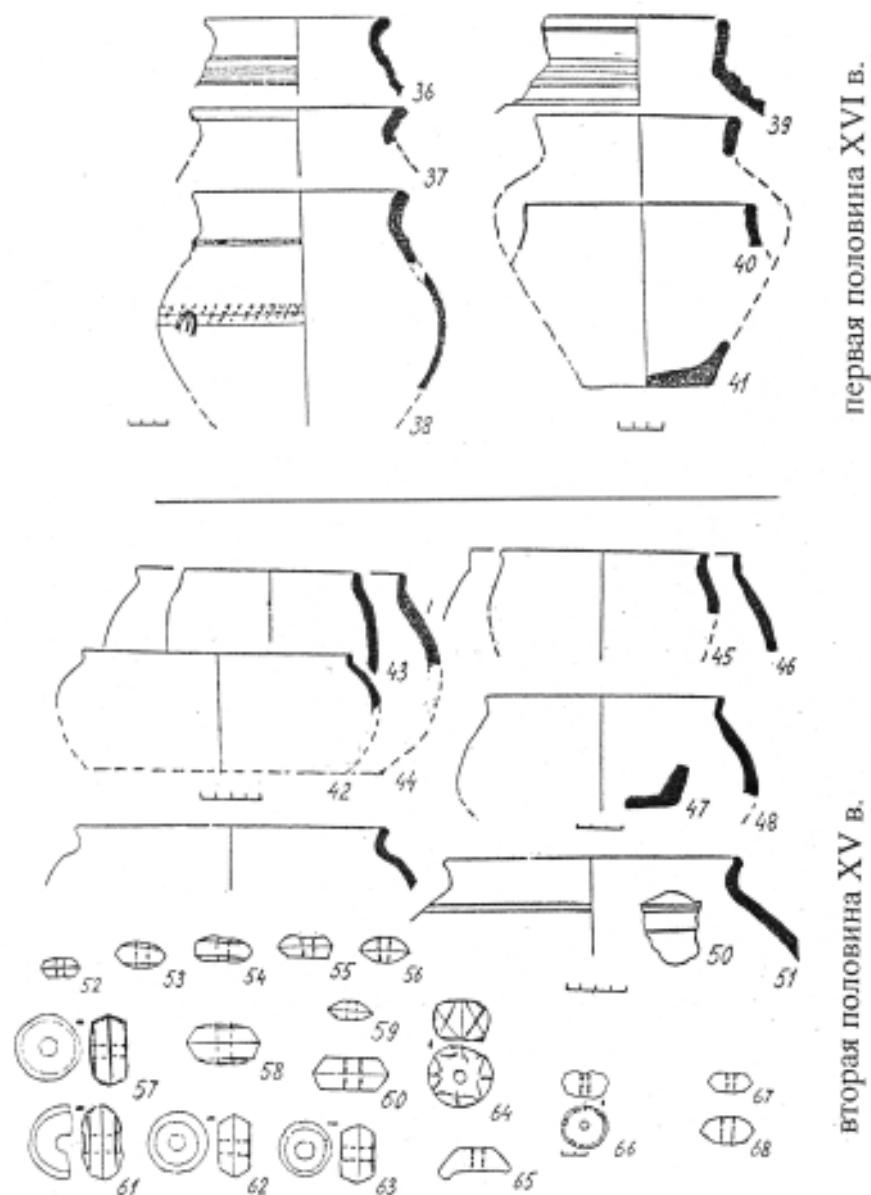
Таблица VI. Хронология керамических комплексов I группы Камаевского городища.

Таблица VI (продолжение).

Таблица VI (продолжение).

Таблица VI (продолжение).

Таблица VII. Статистический состав поливной посуды Камаевского городища и Русско-Урматского селища.

Гли-на		Памятник	Городище, раскопы								С-ще	Все-го	
			Тр. А	Тр. Б	III	IV	V	IX	X	п/м			
Красная	Красная	Без ангоба	Зелено-болотная	v/b	15	1		7	1	7			
			Желто-зеленая	v/-	1	2		4				7	
			Светло-зеленая	v/-		2			1	1	8	12	
			Светло-желтая	v/-	3			1				4	
		С ангобом серых тонов	Голубая бирюза		1	1						2	
			Темно-зеленая	-/v	1			1				2	
			Оливковая / бордовая	v/b						1		1	
			Бледно-зеленая	v/b	4	4		5				13	
			Бордовая	v/b	1			1	1			3	
			Ярко-зеленая	v/b	9			1				10	
			Серая	v/b	1				1			2	
			Белая	-/v				1				1	
		Двухсторонний белый ангоб						1	1		3	5	
Белая	Белая	Сине-красн. роспись по бел. фону			1							1	
		Белая			1							1	
		Серая			4							4	
Роз.-корич.		Темно-зеленая								1		1	
Сер. кашин	Сер. кашин	Бирюз.-син. роспись по бел. фону		2		1					1	4	
		Кобальт, роспись по белому фону		2				3				5	
		Бирюзовая								1	2	3	
		Полихромн. син.-зеленая роспись		1							1	2	
Всего				46	11	1	21	2	13	2	2	12	3
													113

Примечание: в/в - первое «в» внешнее покрытие, второе «в» - внутреннее покрытие.

Константин Руденко

**Материалы к археологической карте Казанского ханства
(по итогам работ в Западном Предкамье в 1995–1997 гг.)**

Остатки старины в Предкамье были известны еще с XVIII в., но собственно археологическое обследование этого региона началось только со второй половины XIX в. Члены Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете (с 1878 г.) совершали археологические экскурсии на памятники разных эпох, проводили учет эпиграфических объектов XIV–XVIII вв. Значительная часть собранных сведений была опубликована в периодических изданиях Общества. Был накоплен и раскопочный материал со стоянок эпохи камня из окрестностей Казани.

Активизация работ по археологическому исследованию Предкамья началась в середине XX в. В течение почти 10 лет (с 1945 г.) возглавлял работы Н.Ф.Калинин, а затем А.Х.Халиков. В конце 1950-х гг. учет и исследование эпиграфических памятников Предкамья проводил Г.В.Юсупов, возобновив работы в этом направлении, начатые в 20-30-х гг. комплексными экспедициями под руководством Али-Рахима¹ и Н.И.Воробьева², а в 40-50-х гг. ХХ в. Н.Ф.Калинина. В 1960-х – 1970-х гг. обследование центральных районов Предкамья проводил Р.Г.Фахрутдинов. Им же было продолжено стационарное широкомасштабное изучение Иски-Казани, начатое Н.Ф.Калинином в середине 1950-х гг.

В 1970-1980-х гг. восточные и центральные районы Предкамья были обследованы разведочно археологами Удмуртии. Ими же были проведены и раскопки ряда средневековых памятников (Чаллынского, Арского, Старозюринского городищ, удмуртских могильников XVII – XIX вв. и др.). Казанскими археологами в этот период были обследованы окрестности Казани и приустьевая часть правобережных притоков Камы. Работами Ф.Х.Хакимзянова и М.И.Ахметзянова было продолжено изучение эпиграфических памятников золотоордынского и в большей степени ханско-казанского периода. М.И.Ахметзяновым был собран и исследован комплекс шеджере Предкамья, изучение которого было начато еще на рубеже XIX – XX вв.

Итогом многолетних работ стал Свод средневековых памятников Р.Г.Фахрутдинова (куда также вошли археологические памятники Предкамья) и археологическая карта Предкамья³. Были намечены перспективные направления в исследованиях, обозначены узловые проблемы⁴. Интенсивно проводилось в Предкамье изучение памятников эпохи Золотой Орды и Казанского ханства археологической экспедицией ИЯЛИ КФАН СССР под руководством Р.Г.Фахрутдинова. Раскопки Р.Г.Фахрутдиновым остатков Старой Казани (Камаевского городища и Русско-Урматского селища; на раскопках селища в 1976 г. принимал участие А.Г.Мухамадиев) при активном участии Н.А.Кокориной позволили по-

ставить и в значительной степени решить целый ряд вопросов начальной истории Казани, ее исторической и социальной топографии, представить во всем многообразии богатейшую материальную культуру древнего города, в том числе и следы технических новинок того времени – огнестрельного оружия. Раскопки проводились с 1972 по 1992 гг. с некоторыми перерывами в 1970-х гг.⁵

Наметившийся в начале 1990-х гг. спад фундаментальных археологических исследований на некоторое время приостановил развитие исследований этой тематики. Своего рода возрождение археологических работ произошло во второй половине 1990-х гг. правда, достаточно хаотично и без определенного плана.

В 1995-1997 гг. археологической экспедицией Главного управления охраны и использования памятников истории и культуры Министерства культуры РТ⁶ проводились работы на территории республики по составлению и уточнению списка археологических памятников, стоящих на госохране, так и не учтенных⁷. В результате этих изысканий была повторно обследована территория от приусыевой части Казанки и до нижнего течения Вятки (рис. 1). Научные задачи экспедиции заключались в изучении системы поселений эпохи средневековья, закономерностей их размещения и характерных черт. Это было необходимо для анализа полученных материалов⁸ и использования их в других исследованиях⁹.

В данной статье делается попытка комплексного анализа средневековых археологических материалов,¹⁰ собранных в результате исследований 1995-1997 гг., их хронологическая дифференциация и выяснение динамики развития поселенческой структуры¹¹. Кроме того, в научный оборот вводятся новые данные и уточняются сведения по местоположению известных памятников.

Особенность археологической ситуации в Предкамье состоит в том, что значительное количество сегодняшних поселений существуют исстари и исследование древнейших слоев их культурного слоя затруднено перекопами и современной застройкой. Многие современные села соседствуют с древними селищами¹² и кладбищами, поэтому при фиксации археологических объектов мы стремились учитывать эти факторы.

Историография. Подробный историографический очерк дан в работах Р.Г.Фахрутдинова¹³. Эта тема в настоящее время требует отдельного исследования, поскольку в 1980-90-х гг. проводились как раскопки, так и разведки археологических объектов в Предкамье и выдвинуты новые версии их интерпретации.

Методика исследования. За основу работы над материалом были положены приемы исследования этнографо-археологических комплексов (ЭАК)¹⁴. При хронологическом анализе материала использовалась периодизация развития булгарской археологической культуры (*таблица 1*). Определение типов поселений проводилось по схеме, апробированной на материалах приусыевой части Закамья¹⁵. В данной работе мы

Таблица 1.

Даты	Название этапа	Основные памятники	Характеристика археологических комплексов
Середина VIII – вторая треть X в.: Ранний Болгарский (РБ) этап			
Сер VIII - 1 пол. IX	РБ-1	Могильники: Б.Тарханский, Б.Тиганский.	Комплексы салтовского и кушнаренковско-караякуповского типов.
2 пол. IX - 1 четверть X	РБ-2	Могильники: Танкеевский, Тетюшский. Поселения - поселок у М.Иерусалимского оврага на Болгарском городище.	Комплексы салтовского и прикамского типов.
2 и 3 четверть X	РБ-3	Могильники: Танкеевский, Измерский. Поселения – городища – Болгарское, Билярское, Суварское; селища: Семеновское, Измерское, М.Пальчинское.	Комплексы камско-булгарские, позднесалтовские, поволжско-финские
Конец X–первая половина XIII в.: Средний Болгарский (СБ) этап			
2 пол. X – начало XI	СБ-1	Могильники: II Билярский. Поселения – городища: Болгарское, Билярское, Суварское; селища: Остолоповское, Измерское.	Комплексы камско-булгарские, поволжско-финские. Восточно-иранский и хорasanский импорт.
2 пол. XI - 2 треть XII	СБ-2	Могильники: V Мурзихинский. Поселения – городища: Билярское, Суварское, Красносундюковское, Кашан I; селища: Измерское, VI Алексеевское, Мурзихинское, Остолоповское, Лайшевское.	Комплексы камско-булгарские, аскизские, прикамско-финские, русские.
Конец XII - 1 пол. XIII	СБ-3	Могильники: Бабий Бугор (Болгоры), на Болгарском городище. Поселения – городища: Билярское, Болгарское; селища: Рождественское, Лайшевское.	Комплексы камско-булгарские, поволжско-финские, русские.
Вторая половина XIII – первая половина XV в.: Поздний Болгарский (ПБ) этап*			
2 пол. XIII – начало XIV	ПБ-1	Могильники: III Балымерский. Поселения – городища: Болгарское, Билярское (II Билярское селище), Джукетау; селища: Песчаный остров, Сухореченское, Русско-Урматское.	Комплексы постбулгарские, пермско-финские, и раннеджучидские.
Середина XIV – начало XV	ПБ-2	Могильники: Иерусалимский (Болгары), V Рождественский, Песчаный остров. Поселения – городища: Болгарское, Билярское (II Билярское); селища: Лайшевское, Русско-Урматское.	Комплексы ордынско-булгарские, нижневолжско-ордынские, финские, русские, татарские (позднеджучидские)
Первая половина XV	ПБ-3	Могильники: Рождественский, Карташихинский. Поселения – городища: Болгарское, Камаевское, Билярское (Торецкое поселение); селища: Лайшевское., Бужинское.	Комплексы татарские (позднеджучидские), татарские (казанские), поволжско-финские, русские.

* В сущности, это золотоордынский этап, что видно и из характеристики самого автора археологических комплексов. - Ред.

Таблица 1 (продолжение).

<i>Даты</i>	<i>Название этапа</i>	<i>Основные памятники</i>	<i>Характеристика археологических комплексов</i>
<i>Вторая половина XV – вторая половина XVI в.: Казанский этап</i>			
Вторая половина XV	Ранний Казанский (РК)	Поселения – городища: Камаевское, Казанский Кремль; Селище: Лайшевское (?).	Комплексы татарские (казанские), поволжско-финские, русские.
Первая половина XVI	Средний Казанский (СК)	Поселения: Казанский Кремль Могильники: мавзолеи (Казанский Кремль).	Комплексы татарские (казанские), ногайские (?), крымские (?) поволжско-финские, русские.
Вторая половина XVI в.	Поздний Казанский (ПК)	Поселения: Свияжск, Казанский Кремль, Казань (центр).	Комплексы татарские (казанские), поволжско-финские, русские.
Примечание: в таблицу включены памятники, расположенные на территории РТ.			

систематизировали памятники в виде каталога по административно-территориальному делению территории республики. Цель этого – дать представление о состоянии исходного материала и источниковой базе, имевшейся в нашем распоряжении.

Далее археологические памятники систематизировались по природно-географическому признаку (по речной системе) и проводился внутренний анализ по разным параметрам (топография, типология, датировка и т.д.). Третья ступень работы – интерпретация материалов.

Датировка. Поскольку количество раскопанных и опубликованных материалов очень невелико, то основанием для датирования служат находки из подъемного материала. В основном это керамика. Датирующие признаки такого рода артефактов определены исследователями¹⁶.

Каталог¹⁷ археолого-эпиграфических памятников Заказанья (Высокогорский, Атнинский, Арский, Балтасинский районы РТ)¹⁸ (рис.1).

Надгробия на действующих кладбищах¹⁹. В Высокогорском районе на действующих кладбищах имеются надгробия XVI в. в селах Чувашли (из 5 сохранилось 4), Ибры (в обломках), Чемерцы, Токтамыш, Ямашурма, Чирши. В зоне застройки (в селе) находится Ташлы-Кованское надгробие²⁰.

В Атнинском районе на юго-восточной окраине современного кладбища с. Старый Узюм имеется 7 надгробных плит первой половины XVI и первой половины XVII в. (рис.2)

В Арском районе на действующих кладбищах зафиксированы надгробия в с. Наласы, Средняя Серда, Нижние Метески, Средние и Верхние Аты, Татарское Кодряково, Комгурзя.

Надгробия в зоне современной застройки. Высокогорский район.
На территории усадьбы Жантариха Низамеева и Альфии Хабибулиной в с. Айбаш находится надгробный камень первой половиной XVI в. На северо-восточной окраине с. Альдермышь находится надгробная плита того же времени (рис.3).

В Арском районе в южной части с. Наласы на проезжей части дороги в ограде сохранились два надгробия.

Надгробия вне пределов современной застройки. В 1 км к северу от с. Куркачи на ровной площадке надлуговой террасы расположены надгробные плиты первой половины XVI в.

В Атнинском районе в 2,28 км от с. Айшияз находятся надгробные плиты без надписей (рис.4). На северной окраине с. Малая Атня на месте древнего кладбища сохранилось 7 целых и в обломках плит XVI в. Площадь кладбища 14 000 кв.м (200x70 м) (рис.5). Две плиты, датированные первой половиной XVI в., расположены на южной окраине с. Верхняя Серда. У того же села, но в 1,5 км к юго-востоку известно место (4 800 кв.м.: 60x80 м) еще одного кладбища с 7 плитами (целыми и в обломках) первой половины XVI в. (рис.6).

В Арском районе в 0,8-1 км. к северу от с. Старый Кишит напротив западного края села зафиксировано 4 надгробия первой половины XVI в. на площади 2 250 кв.м (50 x 45 м) (рис.7). В 1,1 км к западу от с. Старый Ашит на мысу площадью 2 400 кв.м (80x30 м) отмечено 3 плиты (два в обломках) XVI (?) в. (рис.8). В 0,5 км к югу от него и в 0,8 км к юго-западу от села расположено второе кладбище (?) где в недавнем прошлом был надгробный камень (не сохранился). Местность называется «могила ханской дочери» (рис.9). В 100-150 м к югу от с. Средняя Серда сохранились два надгробных камня. В 1,2 км. к северу от с. Верхнее Казылино сохранилась обломки надгробной плиты и видны западины от могильных ям. Площадь кладбища около 7 000 кв. м. (70x100 м.) (рис.10).

В 1,5 км. к северо-северо-востоку от с. Старая Масра на площади около 22 050 кв.м. (225x98 м.) находятся 5 надгробных плит как целых, так и в обломках первой половины XVI в. (рис.11). На южной окраине этого села, напротив современного кладбища имеется еще одно надгробие того же периода.

Кладбища без надгробных памятников. В 1,5 км к северо-западу от села Альдермыш расположено место древнего кладбища без наземных знаков (рис.12). В 0,1 км к юго-западу от современного кладбища с. Татарский Урмат известно место старого кладбища (рис.13). В 0,9 км к западу от с. Большой Куюк огорожено место старого кладбища (ограда сделана Исхаковым сыном Майхетдином 23 июля 1986 г.). Здесь заметны западины могильных ям.

В Арском районе в 0,6 км к югу от д. Арняш исследовано удмуртское кладбище XVIII в. (рис.14). В 100 м. к северу от с. Нижние Аты исследовано 35 погребений удмуртского могильника XVII-XVIII вв. В 200 м.

к северу от с. Кутюк на площади 11 700 кв.м (130x90 м) видны западины от могильных ям (рис.15).

Надгробия вне пределов современной застройки на месте более раннего поселения. В 1 км к юго-востоку от д.Уньба в 0,6 км к югу от современного кладбища находятся обломки надгробных плит (2 экз.). Непосредственно у камней зафиксированы фрагменты круговой керамики (рис.16). В 1,2 км к северо-западу от с. Татарская Айша расположено селище площадью 19 200 (160x120 м) кв.м. (рис.17). На пашне собраны²¹ фрагменты круговой посуды бурого и темно-коричневого цвета (рис.32:1,2), а также фрагмент стенки лепного сосуда с примесью мелкого шамота и крупной толченой раковины (рис.32:3).

На юго-западном краю его поставлена железная ограда с современным памятником, свидетельствующим о местонахождении здесь захоронений Гайши-бике. Следов других захоронений не выявлено.

В Атнинском районе в 0,3 км к востоку от д. Турукляр напротив южного его края находится место древнего поселения, а в центре его огороженное место могилы святого (рис.19). В 0,7-0,8 км к югу от построек с. Старый Менгер на месте старого кладбища (площадь 8 455 кв.м.: 89x95 м) в 1996 г. отмечено 11 целых и в обломках плит первой половины XVI в. Территория обвалована. В северной ее части заметны западины от могильных ям (рис.19). Вокруг кладбища выявлен подъемный материал²². Это фрагменты круговой красно-оранжевой керамики (5 экз.) (рис.32:4), а также подправленной на круге посуды типа «джукетау» (рис.32:5). Выделяется фрагмент кашинского сосуда с росписью синей краской по белому глухому фону и покрытием прозрачной глазурью (рис.32:6). Так же встречены фрагменты керамики серо-стального цвета XVIII-XIX вв. найдены так же железные гвозди и части железных изделий неопределенного назначения. Площадь селища не менее 10 000 кв. м. (100x100 м). В 50 м к северу от кладбища вне пределов селища в деревянной ограде находится надгробный камень XVI в.

Поселения. В Высокогорском районе известно Чемерцинское селище, находящееся в 0,8 км к северо-востоку от села на мысу коренной террасы. Площадь 15 400 кв.м (110x140 м) (рис.20). Находки²³ представлены фрагментами круговой керамики красно-оранжевого цвета (5 экз.) и стенкой от сосуда типа «джукетау» (1 экз.). Крупнейшим памятником является Русско-Урматский-Камаевский (Иски Казанский) археологический комплекс, исследованный в 50-80-х гг. XX в. Н.Ф.Калининым и Р.Г.Фахрутдиновым²⁴.

Среднесердинское селище расположено в западной части с. Средняя Серда Арского района с северо-западной стороны от действующего кладбища. Площадь селища 50 000 кв.м. (250x200 м.) (рис.21). Материал²⁵ – фрагменты круговой керамики красно-оранжевого цвета (рис.32:7) в основном хорошего обжига (20 экз.). Единичными экземплярами представлены фрагменты круговой посуды коричневого, бурого, серого и

охристого цвета. На кладбище имеются надгробные плиты XV- XVI вв. К югу от села известны надгробия первой половины XVI в.

На огородах, в юго-западной части с. Чурилино расположено селище площадью 18 000 кв.м. (150x100-120 м.) (рис.22). Подъемный материал²⁶ представлен фрагментами круговых сосудов красно-кирпичного, бурого цвета (рис.32:8,10), а также единичными фрагментами серого и черного цвета. Один экземпляр от белоглинняного сосуда (рис.32:9). Также встречается материал относящийся к современному селу.

В центральной части с.Бужа известно поселение площадью 105 000 кв.м. (350x300 м.) (рис.23). На огородах собран подъемный материал,²⁷ представленный фрагментами круговой керамики красного цвета разных оттенков – от кирпично-красного до бурого. Встречены фрагменты лепной и подправленной на круге посуды с примесью толченой раковины и шамота (рис.24).

Мысовое городище, защищенное валом и рвом, находится в Арске²⁸.

Каталог археолого-эпиграфических памятников бассейна Меши (Пестречинский, Тюлячинский и Сабинский районы РТ) (рис.1).

Надгробия на действующих кладбищах. В Пестречинском районе на кладбище с. Татходяшево на обособленной территории, огороженной невысокой каменной оградкой и деревянным забором, находятся 10 надгробий из них 3 целых. Плиты поставлены на захоронениях XVI-XVIII вв.

В Тюлячинском районе на кладбище с. Верхние Кибы-Кози находятся надгробие первой половины XVI в.

В Сабинском районе на северо-западной части действующего кладбища в северной части с. Большой Шинар находятся надгробные плиты XVIII-XX вв. На восточной окраине с. Аккуль-Бигеней в восточной части действующего кладбища находится старое кладбище XVIII-XX вв.

Надгробия в зоне современной застройки. В Пестречинском районе в с. Татходяшево на площади усадьбы М.Валеевой недалеко от въезда в село с восточной стороны находится глубоко ушедший в землю надгробный камень. В центральной части с. Урывкино находится обломанный надгробный камень XV (?) в. На месте современного клуба в с. Янцевары находилось кладбище с надгробиями.

В Тюлячинском районе на северной окраине с. Старые Зюри в 65 м к северу от действующего кладбища находится надгробие первой половины XVI в.

В Сабинском районе в центре с. Малый Шинар на территории усадьбы Хамида Тимиршина находится надгробие первой половины XVI в.

Надгробия вне пределов современной застройки. В Пестречинском районе в 20 м к северу от западной окраины с. Татходяшево находится обломок надгробной плиты XVII-XVIII вв. В 50 м к юго-востоку от современного кладбища с. Пановка находится одиночное надгробие первой половины XVI в. В 0,7-0,8 км к юго-западу от с. Чита находится надгробие XV (?) в. (рис.28). Первоначальное местоположение камня

установить не удалось. Не исключено, что оно находилось на месте расположенного рядом селища. В 0,1-0,7 км к югу от с. Таутермень известно надгробие первой половины XIV в.

В Тюлячинском районе в 0,2 км к югу от фермы и у 70 м к западу от современного кладбища с. Шадки находятся 2 надгробия первой половины XVI в. В 80 м. к югу от современного кладбища с. Тымти Метески находятся надгробные плиты первой половины XVI в. В направлении к кладбищу заметны западины от котлованов могильных ям. В 0,3 км к северу от этого же села находится еще одно надгробие первой половины XVI в. Рядом на поле имеются выпаханные человеческие кости. В 1 км к западу от с. Большие Кибя-Кози и в 0,66 км к северо-востоку от с. Верхние Кибя-Кози находятся 3 надгробных плиты. Одна из них датирована первой половиной XIV в.

В Сабинском районе на восточной окраине с. Большой Шинар²⁹ в 20 м. от огородов на поле за железной оградой находится надгробная плита, стилистически относящаяся к первой половине XVI в. В 1,6 км к юго-западу от с. Измя находится 2 надгробия XIV-XVI вв. Ранее их было 4. Одно из них увезено в музей с. Большие Сабы. Первоначальное местонахождение камней установить не удалось.

Кладбища без надгробных памятников. В 2,6 км к северо-востоку от с. Утернясь и в 50 м от Утернясского селища находится заросшее ельником место старого кладбища. Его площадь 1 600 кв.м. (40x40 м) (рис.31). Не датировано.

Надгробия вне пределов современной застройки на месте более раннего поселения. В Тюлячинском районе на территории Большенырысинских селищ находятся два старых кладбища с надгробиями 1399, 1443 г. (I кладбище), 1472 г. (II кладбище) (рис.25). Надгробие первой половины XVI в находится на территории более раннего селища в 0,5 км к юго-востоку от д. Тымти (рис.27).

Поселения. В Пестречинском районе в 0,5 км к югу от с. Черемышево известно поселение площадью около 1200 кв.м. (30x40 м). В 1996 г. здесь был собран маловыразительный керамический материал, в основном XVIII – XX вв. Исследовалось раскопками в конце 1990-х гг. (М.Ш.Галимова). Результаты исследований не опубликованы. В 750 м к юго-западу от с. Чита расположено селище площадью 2100 кв.м. (70x30 м) (рис.28). Подъемный материал³⁰ представлен фрагментами круговой керамики красно-оранжевого цвета (17 экз.), красно-кирпичного и коричневого цвета (2 экз.) со следами лощения. Шесть фрагментов принаследуют подправленным на круге сосудам с примесью крупнозернистого песка в тесте (тип «джукетау») (рис.31-Б: 5,8,9).

В 0,8 км к западу от с. Верхние Казыли были отмечены находки фрагментов керамики позднего облика на площади 1 500 кв.м. (20x75 м).

В Тюлячинском районе в 1,2 км к юго-западу от с. Большие Нырысы расположен комплекс из 3 селищ. Площадь I селища 56 000 кв.м. (200x280

м), II селища 80 000 кв. м. (400x200 м). Площадь III селища не менее 35 000 кв.м. (50 x700 м) (рис.25-26). Найдены изделия из железа, бронзы (рис.26:1-5), камня (рис.26:6) и глины (пряслы). Из керамики отметим фрагменты от лепной посуды с примесью толченой раковины, орнаментированные веревочными отисками, гребенчатым штампом (рис.32:17,18); а также с примесью шамота, в том числе характерные лепные крышки с пестиковидными ручками (рис.32:11,12). Следы правки на круге носят сосуды с примесью крупнозернистого песка (тип «джукетау»), с характерным орнаментом в виде многорядной волны и «высокими» ручками (рис.32:13-16). Фрагменты круговых сосудов достаточно разнообразны и представлены частями от корчаг (рис.32:19), горшковидных сосудов (рис.32:20), кувшинов. Часть посуды хорошего обжига залощена (рис.32:22), часть орнаментирована (рис.32:21).

В 0,5 км к юго-востоку от д. Тямти двумя скоплениями зафиксирован подъемный материал³² на площади 300 кв. м. (30x10 м) и 3 200 кв. м. (80x40 м.) (рис.27). Это фрагменты круговых сосудов с вертикальным узким ложением (рис.31-Б:11), три фрагмента стенок лепных сосудов с примесью толченой раковины и стенки подправленных на круге сосудов с примесью крупнозернистого песка светло-коричневого, охристого цвета (тип «джукетау»).

В 1,25 км к юго-западу от с.Казаклар на краю высокой террасы на площади 2 300 кв.м. (70x34 м) собран подъемный материал. Культурный слой разрушен карьером (рис.29). В 0,1 км к северо-северо-западу от с. Большие Тюлязи на площади 2 400 кв.м. (40x60 м) собраны фрагменты круговой керамики.

В Сабинском районе в 2,3 км к северо-западу от с. Мингер на краю коренной террасы расположено селище площадью 3 325 кв. м. (65x45 м). В 50 м. к востоку-северо-востоку от ферм этого села на мысу надпойменной террасы расположено еще одно селище площадью 4 800 кв.м (70x80 м). В 1,5-2 км к северо-востоку от с. Утернясь на мысу коренной террасы расположено городище (рис.30). Площадка его площадью 3 300 кв.м. (110x20-40 м) распахана под посадки ели до материкового щебня. По данным 1925 г. городище имело два вала и ров между ними. В 1995 г. сохранились следы вала у обрыва в юго-западной и восточной части городища. Ширина сохранившейся части 1,7, высота 0,5 м. Ширина рва (?) с внутренней стороны 1,5, глубина 0,3 м. Подъемный материал в пахотном слое на площадке и за ее пределами не выявлен.

В 250 м к северу от городища на пашне собран подъемный материал³³ на площади 1 800 кв.м. (30x60 м.) вдоль края террасы (рис.31-Б). Он состоит из фрагментов круговой посуды серо-коричневого и красно-коричневого цвета (рис.31-Б: 3,4), часть которой, несомненно, относится к XIX – началу XX в., когда в этом уроцище находились дома села³⁴. К этнографическому времени относятся обломки тонкостенного чугунка (рис.31-

Б:1). Не датируется кусок лезвия топора (рис.31-Б:2). В 50 м к северу от селища находится место старого кладбища, засаженное ельником.

В 1,2 км к востоку от с. Мамалаево у старицы р. Меши на площади 900 кв.м. (20x45 м) собран подъемный материал, состоящий из круговой керамики и подправленной на круге типа «джукетау».

Археологические комплексы в бассейне Ашита и Казанки (Высокогорский, Атнинский, Арский, Балтасинский районы РТ).

Археологическая типология поселений. Преобладающим видом поселений являются прибрежные селища, расположенные на склоне или ровной площадке надпойменной террасы. Высота их над уровнем воды не более 3-5 м (например, Среднесердинское селище). Таким образом, преобладающим типом селищ является тип БVIa. Немногочисленны селища, расположенные на широких мысах, ограниченных поймой (тип БVIb); например, Татайшинское селище (рис.17). Классическим вариантом этого типа являются Чемерцинское (рис.20) селище, расположенное на краю высокого узкого мыса коренной террасы (тип ВIII). Также немного селищ, выявленных на местности при впадении в реку оврага (тип БVIb), как, например, Туруклярское селище (рис.18).

Археологические комплексы бассейна Меши (Пестречинский, Тюлячинский и Сабинский районы РТ).

Археологическая типология поселений. Характерной особенностью поселений здесь является приуроченность их к мелким притокам небольших речек, впадающих в Мешу (Черемышевское, Читинское, Мингерское, Тымтинское селища; Большенырысинский комплекс). Это, как правило, приречные террасы высотой не более 5 м. Преобладает здесь приречно-овражный тип поселений (тип BVa или BVIa). В одном случае можно рассматривать селище с напольной стороны городища (Утерняськое) (тип BVIId). В сущности, это наблюдается и в приустьевой части Меши (Рождественский археологический комплекс). К мысовому типу поселений относится Казакларское селище (тип BIVa).

Стоит отметить и тот факт, что все выявленные памятники относятся к периоду СБ-2,3 и возможно ПБ (Мингерское селище). Показательно и то, что территория этих поселений не использовалась в последующем и только в ряде случаев здесь совершались захоронения (например, селища у с. Большие Нырысы). Население близлежащих сел (казанские татары, татары-крышены, русские) не считает эти места первоначальным местом их села или деревни, хотя сам факт древнего местожительства здесь им известен.

Датировка археологических памятников. Основными датирующими моментами являются: 1) взаимное расположение различных памятников и относительная датировка;³⁵ 2) подъемный материал, как правило, керамика; 3) индивидуальные датирующие находки и монеты. Найденные, дающие хорошую дату, весьма редки. Это Большенырысинское II селище (рис.26). Здесь найдены шиферные пряслы, детали железной

уздечной гарнитуры, наконечник стрелы и бронзовый браслет с циркульным орнаментом. Кроме того, здесь была найдена пробитая серебряная монета ордынского времени (XIV в.). Датирующие комплексы изучены на Камаевском городище и Русскоурматском селище.

Основным датирующим материалом для разведочных исследований является керамика. Выделяется керамика круговая, подправленная на круге и лепная. Редко встречаются фрагменты глазурованной посуды (Староменгерское селище).

Круговая керамика мелкопесочного теста красно-оранжевого цвета домонгольского облика отмечена на Чемерцинском, Читинском, Большеныrsинских селищах (рис.32). На Большеныrsинском селище зафиксирован комплекс находок, в том числе керамических конца X – XII вв.

Круговая керамика с примесью толченой раковины (славяноидная), отнесенная Т.А.Хлебниковой к XVI ЭКГ, встречена на Бужинском селище (рис.24), вместе с фрагментами подправленной на круге керамики XVIII ЭКГ. Датируются эти материалы первой половиной XIV- первой половиной XV в.

Сложнее датировать селища, где нет четких определений круговой посуды, а преобладает керамика, подправленная на круге типа «джукетау». В данном случае (Казакларское, Тымтинское и Тукулярское селища) мы склонны рассматривать ее как домонгольскую³⁶.

Весьма слабо выделяется материал второй половины XV-XVI вв. Такие комплексы характеризуются наличием фрагментов круговой посуды красно-кирпичного цвета, круговой серой или черной, наличием подправленных на круге фрагментов от толстостенных сосудов буровато-коричневого цвета с заметной примесью песка. Такие находки отмечены на Большешинарском и Менгерском селищах.

Особенности топографии селищ. Расположение селищ разного времени имеет свои особенности. Для периода СБ-1 и начала СБ-2 характерно размещение селищ у ручьев или родников, питающих небольшие речки при впадении последних в притоки Меши. Высота над уровнем воды не велика – не более 3 м.; поселения, как правило, вытянуты вдоль берега. Такой тип селищ характерен для данного региона, но особенно часто встречается в центральных закамских районах.

Для периода СБ-2 при сохранении такого типа поселений становится типичной приуроченность их к естественным рубежам – небольшим овражкам и ложкам, ограничивающим площадь застройки. Несколько необычны мысовые поселения, находящиеся на краю коренной террасы у истоков родника или ручья в овраге (Казакларское, Чемерцинское селища). В подъемном материале на этих поселениях часто встречается «джукетауская» керамика. Немногочисленные селища такого типа (относящиеся к периоду СБ-1) известны в южной части Булгарии (например, селище у с. Карапульная Гора в Нулатском районе РТ). С такого рода поселениями связан, скорее всего, Елабужский II могильник³⁷. Здесь

в погребениях найдены «джукетауские» сосуды, характерные для XI-XII вв. Комплекс таких находок только в качестве одного из компонентов отмечен на Кирменском и Елабужском городищах.

Период СБ-3 (?) и ПБ характеризует расположение селищ как на низких пойменных террасах, вытянутых вдоль небольшого притока Меши (Бужинское селище). Известные городища этого времени – мысовые, расположенные на высоком краю коренной террасы (Камаевское, Арское). Насколько типична эта картина в целом по региону, – пока судить сложно из малочисленности материала.

Период РК-ПК по сути характеризуется топографией многих современных сел Заказанья. Их отличительные особенности – этот тяготение к низкой речной пойме, как правило, в долине реки и наличие естественных рубежей (оврагов, ложков, суходолов).

Если рассмотреть селительную структуру русских поселений Среднего Поволжья,³⁸ формировавшуюся позже и поэтому основные вехи становления которой доступны для исследования на основе более разнообразных источников, то здесь мы наблюдаем несколько иную картину. Выделяются береговые селения, расположенные на крутых берегах крупных рек (1 тип); водораздельные поселения (3 тип) и поселения, расположенные в долинах (2 тип) (при дорогах, на низменных берегах крупных рек и селения, находящиеся в долинах небольших речек, ручьев и балок). Наиболее ранние поселения в крае первого типа основывались, исходя из безопасности положения зачастую в ущерб удобствам в водоснабжении и расположении на местности. Самые поздние поселения возникали на водоразделах³⁹. Традиционны по расположению притрактовые селения, находившиеся у дорожных магистралей. Они строились в основном у небольших речек, неглубоких увалов в хорошо разработанных долинах с широким аллювиальным дном. Также к числу ранних можно отнести селения долинного типа, расположенные на высоких гравиях в пойме крупных рек и их притоков⁴⁰.

Часть русских поселений возникала на месте предшествующих и заброшенных к тому времени селений (сохраняя зачастую прежние названия), либо по соседству⁴¹.

Кладбища. Древние поселения естественно связаны с местами захоронений умерших – кладбищами. Они отмечают места обитания населения в конкретный и четко датированный отрезок времени. Характерные черты расположения кладбищ XIV-XVI вв. рассмотрены Г.В.Юсуповым⁴².

Отличительной особенностью их является расположение кладбищ и населенных пунктов (существующих или заброшенных) на противоположных берегах протекающих между ними ручья или речки⁴³. Нередко таким разделителем могут быть суходолы или овраги. Тем не менее, многие старые кладбища (в некоторых татарских деревнях их может быть несколько) сегодня входят в черту застройки села, а иногда застраиваются, отражая процессы роста поселения⁴⁴. Каких-либо закономерностей в

выборе места для кладбища не отмечено. Не редко при выборе места для захоронений огораживался участок леса или рощи. Традиция сажать деревья на действующих кладбищах сохраняется по сей день.

Расположение позднесредневековых татарских кладбищ отличается от расположения удмуртских или марийских некрополей этого времени. Так удмуртские кладбища XVI – первой половины XIX в. располагались как на мысовой невысокой площадке берега реки, так и на высоких краях коренной террасы. Встречаются кладбища на холмообразных возвышенностях или песчаных «дюонах» в пойме. Кладбища XVIII-XIX вв. на местности не выделяются, прилегая к территории поселения⁴⁵.

Марийские могильники конца XVI- начала XVIII вв. практически не встречаются в пойме реки на «дюонах», но преобладают кладбища на мысах, образованных либо изгибом реки, либо слиянием рек⁴⁶. Т.Б.Никитина отмечает, что есть локальные особенности в топографии марийских могильников этого времени. Так, горномарийские могильники занимают мысы надлуговых террас или мысы, образованные при слиянии двух ручьев; у луговых марийцев – это террасы рек и стариц, края болота или водоема, иногда на холме в поле. У вятских марийцев преобладает расположение кладбищ на естественных всхолмлениях, меньше на мысах или террасах⁴⁷.

Анализ эпиграфических материалов. Д.Г.Мухаметшин предлагает следующее типологическое и хронологическое деление эпиграфических памятников Казанского округа⁴⁸. Надгробия 1 типа (20-70-е гг. XV в.) встречены на кладбище с.Большие Нырысы и являются развитием традиций эпитафий XIV в. Кирменско-Джукуетаусского округа⁴⁹. Второй тип (70-80-е гг. XV в.) характеризуют надгробия в селах Средние Аты, Урывкино, Чирши Татходяшево. На кладбище в Татходяшево встречены надгробные плиты третьего типа (конец XV – начало XVI в.; до 20-х гг. XVI в.). Кроме этого села, такого типа памятники встречены в Ямашурме, Нижних Верескес (Березях), Нижней Серде, Старом Узюме, Иски-Казани⁵⁰. Стилистически надписи на эпитафиях этого типа сходны с эпиграфическими памятниками XIV в. Болгары.

Четвертый тип (30-40-е гг. XVI в.) и пятый тип (30-50-е гг. XVI в.) надгробий распространены более широко. Причем, эти типы памятников «представляют надгробия выраженного стиля периода Казанского ханства, которые оказали сильное влияние на эпитафии Касимова и эпитафии второй половины XVI-XVIII вв.»⁵¹. Результаты картографирования позволили автору предположить, что надгробия «концентрируются вокруг старых булгарских центров, которые впоследствии становятся административными центрами даруг Казанского ханства». Б.Нырысы и Зюри соотносятся с Зюрейской даругой; Чирши – с Алатской; Иски Казань – с Арской; Урывкино, Татходяшево, округа Чаллынского городка – с Ногайской даругой⁵².

Интересен и такой вывод исследователя, что «административные центры даруг и другие населенные пункты с эпитафиями должностных

лиц, очевидно были поселками городского типа⁵³». К ним отнесены с.Старый Узюм, Старые Менгеры, Нижняя Серда, Средние Аты, Нижние Вреске, Старый Ашит, Ямашурма, Старая Масра, Тымти-Метески, Наласы. С городищами Казань, Иски-Казань, Старые Зюри, Утернясь⁵⁴, Чаллы связаны кладбища XV- XVI вв.⁵⁵

Вопрос о начале формирования поселенческой структуры Западного Предкамья.

Археологические данные. По данным археологических исследований с конца X в. были заселены приустьевые части рек Казанки, Меши, Брыссы, Шумбута и Кирменки. Не позднее начала XI в. осваивается среднее течение и притоки этих рек, а также правобережье Камы. К началу XIII в. наиболее обжитыми и экономически развитыми районами были среднее течение Казанки – по левому берегу (археологический комплекс у с. Камаево – Русский Урмат), приустьевая часть Меши (Рождественский комплекс), Брыссы (археологические комплексы у с.Лайшево, Стрюково, Б.Елга), нижнее течение р.Шумбута (археологический комплекс у с. Кутлу-Букаш). В золотоордынское время происходит интенсификация заселения указанной территории за счет образования сети мелких поселений в непосредственной близости от центров экономической активности.

В первой половине XV в. существенных изменений в территориальном определении отмеченных поселений не наблюдается, они эволюционируют естественным образом. Новым было активное расселение нового населения в правобережье Казанки и складывание здесь к началу XVI в. довольно плотной поселенческой структуры. Территориальная дифференциация прослеживается к началу XVI в., когда место поселений XI-XIII вв. используется под кладбище⁵⁶.

Легенды и предания. Начало многих поселений в народных сказаниях татар связывается либо с пребыванием выдающихся личностей (героев, правящих особ и т.п.), либо с наличием важной дороги. Рост поселений как правило объясняется родственным расселением. Приведем в качестве примера записи Н.Ф.Калинина⁵⁷, обследовавшего правобережье Камы в районе Шурана и Большой Елги. «...Предание татарского населения сел Малые и Большие Елги указывает на это название дороги (Старокашанская дорога) и на то, что это селище было летней резиденцией Кашанского хана⁵⁸, а название селения Елга (река) представляет искажение слова «юл» дорога. Предание рассказывает так же о двух братьях, живших недалеко друг от друга: один на малой кашанской дороге, а другой на большой кашанской. Почему и возникли Малые и Большие Елги».

Переселение как один из факторов заселения Предкамья отражен и в таких источниках как *шеджере*. Интересно, что этот вид источников содержит, видимо, более поздний пласт сведений, по сравнению с вышеупомянутыми, с элементами исторических легенд и преданий. Так,

например, шеджере Мамата, связанное с д. Старый Узюм (Арский район), является, по мнению М.И.Ахметзянова, «примером синтеза касимовских и местных, булгарских исторических традиций, отраженных в генеалогическом материале»⁵⁹. Родоначальник шеджере переселился из Касимова в Биляр (!), затем его потомки переселились в д.Берези, а затем в Старый Узюм. М.И.Ахметзянов близкую линию генеалогии прослеживает в шеджере Сулеймана Кирмани, связанном с д.Маскара в Кукморском районе⁶⁰.

Целый комплекс родословных связан с селами Большой и Старый Менгер. Крымская линия родословной, восходящая к XVI в., зафиксирована в шеджере Хасан-Хусаина, связанного с д. Большой Менгер⁶¹. Другая, касимовская линия родословной, связанная с именем касимовского царевича Шах-Али, также связана с этим селом⁶². Косвенно с д. Старый Менгер связано шеджере Яуша (князей Яушевых). По историческим преданиям, князья Яушевы первоначально жили в с. Старый Менгер и, оказав содействие русским войскам при взятии Казани, получили большие льготы. После этого мурзы стали притеснять жителей села, вынудив их переселиться и основать новую деревню – Большой Менгер⁶³.

Шеджере Янбакты из с. Большой Менгер, по мнению М.И.Ахметзянова, является «почти единственным из проанализированных <...> родословных, которые определенно относятся к казанскому периоду». «Предки фамилии, видимо, и в период завоевания Казанского ханства принадлежали к военному сословию». Не исключено, что здесь проживали высшие должностные лица Казанского ханства. В шеджере подчеркивается роль коневодства в начальный период истории деревни. Само происхождение деревни по одной из легенд связано с плененными ханом воинами. М.И.Ахметзянов связывает с этой деревней известные личности в истории Казанского ханства – мирзу Альгази (XV в.) и мирзу Шихбулата из отряда Япанчи⁶⁴.

Гидронимы и топонимы. Особенности местности, обусловившие основные занятия населения, а также этническая специфика накладывали отпечаток на плотность заселения. Это нашло отражение в названиях населенных пунктов и местности (рек, ручьев, уроцищ и т.п.). Например, по мнению Ф.Г.Гариповой, микротопонимы и гидронимы в бассейне рек Шемяковки (на ней расположено Уньбинское селище), Елга и др., имеют отношение к выращиванию технических культур в этой местности, в частности конопли⁶⁵. Условия местности отражает название реки Меши – лесная река⁶⁶. Торговое место звучит в гидрониме Базар йылгасы – правом притоке р. Малая Меша около с. Малый Шинар.

С Биляром и с булгарами, в целом по данным топонимии, связано название с. Ура⁶⁷. С этнонимом XII в. «собекуляне» по русской летописи Ф.Г.Гарипова связывает название притока Меши – речки Сабинки, а с «темтозями» – р. Тымти (верховья р. Ныры)⁶⁸. В компоненте «аты»⁶⁹

(речка Атынка) исследовательница видит часть «летописного этнонима челматы»⁷⁰. Ранее к таким же выводам пришел С.М.Шпилевский⁷¹. К огузскому языку (в значении родник) восходит топоним и гидроним Мингер⁷². Аналогичные источники усматриваются в гидронимах с компонентом «тау» (он рассматривается как этноним). В том числе в названиях сел Тат.Ходяшево, Таутермень и т.п. Со ссылкой на самоназвание жителей окрестных к Менгеру деревень «Таулы, таулылар» – как «горцы», рассматриваются параллели с балкарцами⁷³.

С кипчакским элементом связан гидроним Карадуван. Здесь первая цветовая часть (кара (тат.) – черный) имеет символическое обозначение стороны света (севера), а вторая – этноним кипчакско-ногайского происхождения⁷⁴.

«Татарская земля» и Казанское ханство. Археологические материалы позволяют рассматривать особую категорию памятников второй половины XIV – первой половины XV в. (период ПБ-3; РК) включающую в себя могильники, отдельные захоронения и поселения. Выделяются две группы памятников: курналинско-камская (Песчаноостровной могильник, селища Дамба I,III) и волжская (Балымерский курганный могильник и Полянское селище)⁷⁵. Первая группа памятников имеет аналогии в археологических материалах Нижней Волги (округа Царевского городища) и Среднего Дона. Вторая группа тяготеет к центру региональной ордынской администрации городу Болгару (район застройки домами «монгольского типа»⁷⁶) и имеет аналогии в материалах Западной Сибири и Северного Казахстана⁷⁷. Вероятно, что данные памятники характеризуют отмеченную в русских летописях «татарскую землю»⁷⁸ и живших здесь татар.

Наиболее вероятным местом первоначального обитания населения, оставившего памятники первой группы, можно считать на сегодняшний день район Среднего Подонья. Здесь выделяется особый тип археологических объектов (прежде всего могильников) золотоордынского времени,⁷⁹ имеющий полное соответствие в материалах камской группы некрополей. Обоснованно локализовать истоки памятников второй группы пока затруднительно.

Особенностью поселений как первой, так и второй группы памятников является наличие своеобразного керамического комплекса, включающего сосуды «славяноидных» форм с примесью толченой раковины в тесте как круговых, так и правленых на круге (XVI ЭКГ), стандартный набор форм гончарной столовой посуды. Кроме того, на этих поселениях и в их окрестностях не редки находки чугунных котлов. Нумизматические находки, отмеченные здесь, относятся к концу XIV – началу XV в.

Стоит отметить, что эти поселения, хотя они и синхронны могильникам, принадлежат в большей степени оседлому населению края, сложившемуся из разных этнических компонентов на местной субстратной

основе (Рождественское селище и могильник) во второй половине XIV в. Следами собственно кочевого населения, оставившего указанные могильники, были поселения без большого культурного слоя и фиксирующиеся в большинстве случаев в виде местонахождений.

Несомненно, что эти археологические памятники явились предшественниками многих поселений второй половины XV в. Причем наблюдается динамика существования этих поселений: до середины XV в. они встречаются как в Закамье (Торецкое селище у Билярска, селище Красный Октябрь на р.Курналинке и т.п.), то во второй половине этого столетия они фиксируются в основном в пойме правобережья Камы, в приусьевой части и среднем течении ее притоков (Меши и Казанки). Часть поселений в Закамье прекращает существование в результате военного нападения (Торецкое селище) в 30-40-х гг. XV в.

Из документированных археологическими находками можно определить характерный керамический комплекс раннеказанского времени на Бужинском и Русско-Урматском селищах, а также Арском городище.

Археологические памятники Казанского ханства и их место в средневековой археологии Поволжья. Если мы попытаемся сопоставить имеющиеся археологические материалы с данными письменных источников⁸⁰, отмечающих наличие четкого административного деления территории и расположенных на них поселений (даруги), то получим следующее.

Очевидно, что расположение поселений и их возникновение связаны с речной системой и напрямую не зависят от сухопутных путей сообщения, проходящих на значительных участках по водораздельным высотам, что было, вряд ли возможно в период освоения края.

Магистральной артерией на протяжении XII-XIV вв. (период СБ: таблица 1) являлась Казанка, бывшая одновременно и своеобразным рубежом активного булгарского проникновения в Предкамье. Черноземные клинья в среднем течении реки (в основном левый берег) давали возможность занятий земледелием наряду с промыслами, торговлей и охотой. Ярким примером этого является Иски Казанский археологический комплекс.

Аналогичная ситуация характерна для бассейна Меши и ее притоков. Именно эти области в дальнейшем вошли в Арскую и Зюрейскую даруги. Скорее всего, это наиболее рано сложившийся поселенческий комплекс в Западном Предкамье. Об этом свидетельствует расположение поселений, их типы, характер находок, а также сопутствующие им топонимы и гидронимы. Если предположение Ф.Г.Гариповой верно (см. выше), то это район расселения известных по русским летописям «собекулян и темтюзей». Нижнее и среднее течение Меши в таком случае занимали «челматы».

Существенную роль в этом регионе играли внутренние связи с локальными восточными центрами Предкамья: Кирменским комплексом,

возможно, Елабугой, а также юго-восточными: Чаллами и Джукетау. Вероятно, именно этим обусловлено сходство в керамическом комплексе памятников Вятско-Казанского междуречья, а также в стилистике исполнения надгробных памятников. Эпидемии конца XIV – первой половины XV в., видимо, незначительно затронули этот район, поскольку количество поселений по сравнению с Закамьем здесь не сократилось, а даже в 20-70-х гг. XV в. несколько выросло.

В 70-80-х гг. XV в. происходит расширение зоны охвата территории расселения в основном из среднего течения Казанки по р. Атынке (правобережье Казанки), верховьям Нурминки и Сеинки (правобережье Меши и Мешинско-Казанский водораздел) и начало формирования Атызской и Нижней Зюрейской (Чувашской) даруг. Показательно, что нередко новые поселения располагались рядом с «пустошами» – заброшенными местами поселений XI-XIV вв.

В 90-х гг. XV – 10-х гг. XVI в. окончательно формируется селительная структура Алатской даруги (левобережье Ашита), так и основная масса поселений Арской и Зюрейской даруг, а также, вероятно, Ногайской даруги. Развитие поселений, их количество и эволюция, судя по косвенным данным (эпиграфике, родословным), определялось уже не естественной потребностью природного и экономического характера, а социально-политическими мотивами. Весомую роль (судя по шэджере и лингвистическим особенностям гидронимов) здесь играли выходцы из Касимова и Крыма (см. выше). Вероятно, границы даруг были определены в этот период и являлись не естественными, а искусственными. Кроме того, они видимо менялись в зависимости от лидирующего держателя земельных угодий, выдвинувшегося в тот или иной политический момент. Уточнить и дополнить эту схему позволят работы по истории отдельных сел и деревень в очерченных рамках.

Подводя итоги, отметим, что данная работа не претендует на исчерпывающее исследование этой сложной темы, тем более, что раскопками едва ли исследован 1% известных памятников Казанского ханства. Материалы разведок, к сожалению, также малоинформативны, что существенно осложняет возможности узкой датировки. Тем не менее, суммируя имеющиеся данные можно предполагать, что система средневековых поселений западного Предкамья⁸¹ формировалась в несколько этапов. Первый этап V-IX вв. характеризуется локальным освоением пойменных участков приусտевой части и нижнего течения притоков Камы (Меша) (кустовое расположение археологических памятников). Остальная территория освоена крайне слабо. Небольшие поселения располагались в устье или нижнем течении притоков небольших рек (на мысах коренной террасы).

На втором этапе – X – XII вв. происходит развитие поселенческой системы с одной стороны и образование новой структуры, практически не связанной с предшествующей, иногда – замещающей ее. В некото-

рой степени это напоминает тенденцию в формировании системы древнерусского расселения на Белом озере⁸². Как отмечал Е.Н.Носов, это предполагает генезис поселений в большей степени не как результат сегментации первоначального родового поселка, а как некий тип соседских поселков, формировавшихся из пришлых групп⁸³.

Неравномерное размещение их как во временном пространстве, так и географически, позволяет предполагать определенную специализацию жившего здесь населения. Учитывая природные особенности местности, можно предполагать комплексное хозяйство на добывающие промыслы и в меньшей степени земледелие.

Третий этап XIII-XIV вв., как и последующий четвертый XV-XVI вв., характеризуются развитием сложившейся структуры, активизированной в XVI в. новопоселенцами и сегментацией уже существовавших поселений. В XVII-XVIII вв. происходит сложение многокомпонентной поселенческой структуры как результат внутренней миграции населения.

Отметим несколько моментов. Первый – динамика развития сельской структуры. В средневековый период и до Нового времени она во многом определялась природно-географическими условиями Предкамья. Расцвет и затухание жизни на том или ином комплексе поселений (образование «пустошей») определялось не только и не столько внешними факторами, а в большей степени экономическими причинами.

Второй момент – система «даруг» начала формироваться не ранее второй половины XV в., скорее всего на основе традиций социально-экономических структур периода Золотой Орды и завершилась к середине XVI в. Предшествующая форма расселения (Х-ХIII вв.) отражала процессы булгарской колонизации периферийных районов Булгарии и особенности экономики государства этого времени. Экологические проблемы землепользования, развитие общественных отношений вызывали к жизни и новшества в характере расселения в ордынский период (вторая половина XIII – XIV в.) и раннеказанский период.

Третий момент – существенного изменения в поселенческой структуре в позднесредневековый период (вторая половина XVI в.) не произошло. Эта стабильность была нарушена в середине XVII в. общероссийскими внутренними миграционными процессами, в равной степени охватившими народы Поволжского региона.

Примечания:

¹ Али-Рахим. Татарские эпиграфические памятники XVI века // Труды Общества изучения Татарстана. Казань, 1930.-т. I, с.145-172, 3 табл. Он же О двух татарских надгробных памятниках XVII века // Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТССР. Казань, 1929.-т. III, с.14-21.

² Воробьев Н.И. О болгаро-татарских надгробных камнях Мамадышского кантона ТССР // Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТССР. Казань, 1929.-т. III, с.11-14.

³ Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань, 1975; Археологическая карта Татарской АССР. Предкамье. М., 1981.

⁴ Фахрутдинов Р.Г. Задачи археологического изучения Казанского ханства // СА, №4, 1973, с.113-122.

⁵ Результаты работ и в целом историографию см.: в работах: Фахрутдинов Р.Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. М., 1984, с.125-166; Кокорина Н.А., Фахрутдинов Р.Г. Гончарный комплекс золотоордынского периода из Иски Казани // ТА, №1-2 (4-5), 1999, с.103-134.

⁶ Общее руководство данным проектом осуществлялось к.и.н., директором Главка охраны памятников МК РТ, сейчас заместителем министра культуры РТ Валеевым Рафаэлем Миргасимовичем.

⁷ Считаю своим долгом поблагодарить Вазыха Хакимзянова, водителя экспедиционной машины, благодаря профессиональному мастерству которого и активному личному участию в работах в 1995-1997 гг. обследование проводилось в кратчайшие сроки, несмотря на сложные погодные условия. Выражаю искреннюю признательность всем, кто в течение нескольких лет принимал участие в экспедиционных выездах.

⁸ Без учета развития *системы* поселений и *комплексов* в контексте микрорегионального исследования освещение многих вопросов как археологии, так и истории края, будет схоластическим и по сути малообоснованным.

⁹ Этот же момент рождает и методическую ошибку в исследовании многих тем, базирующихся на археологическом материале. Это, прежде всего, разработка вопросов фортификации средневековых городищ, проблемы возникновения и развития городов, а также общих тем социально-экономического и политического развития булгарских земель в X – XV вв., затрагивающиеся в публикациях последних лет.

¹⁰ Мы привлекали только обследованные нам памятники, не включая те объекты, которые отражены в археологической карте, но нами не были осмотрены или не сохранились на сегодняшний день. Все они приведены в каталоге. Нанесена на карту-схему (рис.1) часть отмеченных памятников, как правило, вне пределов современной застройки (см. ниже).

¹¹ Отметим, что из всего массива обследованных археологических объектов преобладали памятники, относящиеся к периоду Золотой Орды и Казанского ханства. Причем в Заказанье известно наибольшее количество эпиграфических памятников XV- XVI вв., четко определяющих заселение данной территории в этот период.

¹² При анализе археологических материалов необходимо четко дифференцировать понятия исторические и археологические. Именно по этой причине нередко возникает путаница в терминах, присвоение археологическим обозначениям объектов социально-экономического содержания. Это относится к определениям городище-город, селище – село. Археологическим признаком городища является наличие укреплений, а селищем является поселение, не имеющее таковых. Город как явление социально-экономической жизни характеризуется, прежде всего, политико-административными функциями при наличии специализированного ремесленного производства, ориентированного на внешнюю реализацию, стимулирующего развитой системой торгового обмена. Само понятие города различно для разных эпох и регионов. Увязка в одном понятии этих терминов ошибочна. Дополнительной разработки в каждом отдельном случае требует понятие «посад». Выяснение синхронности существования и характеристика отдельных частей поселения является критерием переноса этого термина на прилегающие к городищу археологические селища. Динамика застройки территории поселения и ее «движение» обусловлены, как правило, природными причинами, в первую очередь изменением степени увлажненности (что особенно характерно для XIV-XV вв.), что связано с занятиями населения (ведущий ХКТ региона).

¹³ Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники...; он же. Очерки по истории Волжской Булгарии. М.: Наука, 1984.

¹⁴ Тихонов С.С., Томилов Н.А. Этнографо-археологические комплексы: Проблемы конструирования и изучения (по материалам культуры татар и русских Тарского Прииртышья XVI-XX вв.) // Этнографо-археологические комплексы. Проблемы культу-

ры и социума. Том 2. Культура тарских татар. Новосибирск: Наука, 1997, с.10-19.

¹⁵ Руденко К.А. Материальная культура булгарских селищ низовий Камы XI -XIV вв. Казань: «Школа», 2001. – 244 с. В группы объединяются селища по степени удаленности их от реки: находящиеся в пойме, на расстоянии не ближе 60 – 100 м от коренного берега (А); на надпойменной террасе или склоне коренной террасы (Б); на коренном берегу (В); и на водоразделе (Г). По видам селища группируются по отношению к источнику воды и, в ряде случаев, в соответствии с особенностями геологического строения рельефа окружающей местности: у родников и карстовых (провальных) озер (I); у стариц (II); у истоков рек и ручьев (III); на ровных участках плато (IV); у оврага или балки (V), на берегу реки (VI). Тип определяется по расположению поселения на местности: вытянутые вдоль оврага или балки (а); на мысу при впадении в реку притока или оврага (б); на мысу, ограниченном поймой (в); в излучине реки (перешеченные) (г). При наличии городища мы выделяем селище – посад за валом городища (д); и селище на месте предшествующего ему городища (е).

¹⁶ Хлебникова Т.А. Гончарное производство волжский булгар X – XIII вв. // МИА, №111. М., 1962; Кокорина Н.А. Основные тенденции развития культуры Волжской Булгарии в золотоордынский период (по данным керамики) // Татарская археология, №1, 1997, с.78-87; Руденко К.А. Остров «Мурзиха» и его окрестности. Хронологический атлас археологических коллекций НМ РТ (1991-1999 гг.) Опыт микрорегионального исследования. Каталог археологических коллекций НМ РТ. Казань: Школа, 2002, с.64-102.

¹⁷ Памятники в данном разделе описываются по районам республики. Анализ их по речным системам дается ниже.

¹⁸ Ссылки на литературу не приводятся. Сведения такого рода исчерпывающе опубликованы Р.Г.Фахрутдиновым: Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники..., а также в археологической карте: Археологическая карта Татарской АССР. Предкамье. М., 1981. Детальные описания и чтение эпиграфических памятников этого региона, а также библиография литературы по вопросу содержится в работах Али-Рахима, Н.Ф.Калинина, Г.В.Юсупова, Ф.Х.Хакимзянова, М.И.Ахметзянова, Д.Г.Мухаметшина.

¹⁹ Данная категория памятников на карте не отражена отдельными номерами, поскольку названия этих сел (и соответственно наличие здесь указанных надгробий) имеются на использованной карте-схеме (рис.1).

²⁰ Состояние всех надгробий с обмерами и характеристикой и фотофиксацией внешнего вида на 1996-97 гг., упоминающихся в данном тексте, описано в Отчетах К.А.Руденко и занесено в «Проекты охранных зон...» данных районов республики, хранящихся в архиве Главного управления госконтроля охраны и использования памятников истории и культуры Министерства культуры РТ.

²¹ Сборы 21.08.1997 г. Коллекция НМ РТ. Полевой шифр Р-97/709,713,714.

²² Сборы 1996 г. Коллекция НМ РТ.

²³ Сборы 21.08.1997 г. Коллекция НМ РТ. Полевой шифр Р-97/692,693.

²⁴ Подробная историография по археологическому исследованию Иски Казанского комплекса дается в работах Р.Г.Фахрутдинова (Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники..., 1975; он же. Очерки..., 1984). Здесь же даны материалы из раскопок. Археологические исследования здесь проводились в 1990-х гг. Иски-Казанским историко-культурным заповедником. Аналитические публикации материалов из раскопок 70-80-х гг. ХХ в. Русско-Урматского селища и Камаевского городища даются на страницах журнала «Татарская археология» Н.А.Кокориной и Р.Г.Фахрутдиновым.

²⁵ Сборы 1996 г. Коллекция НМ РТ.

²⁶ Сборы 1996 г. Коллекция НМ РТ.

²⁷ Сборы 1996 г. Коллекция НМ РТ.

²⁸ Остатки укреплений Арского городища были уничтожены при строительных работах в 2001 г.

²⁹ Это надгробие не включено в археологическую карту. Выявлено К.А.Руденко в 1996 г.

³⁰ Сборы 1996 г. Коллекция НМ РТ.

- ³¹ Материалы сборов 1996 г. хранятся в фондах НМ РТ. Индивидуальные находки, монета и часть керамики переданы в Тюлячинский районный краеведческий музей, часть оставлена в НМ РТ (полевой шифр Р-01).
- ³² Сборы 1996 г. Коллекция НМ РТ.
- ³³ Сборы 1996 г. Материал находится в фондах НМ РТ. Непосредственно за валом подъемный материал не выявлен.
- ³⁴ Сообщение директора районного краеведческого музея с. Большие Сабы.
- ³⁵ Если кладбища XVI в. расположены на территории селища, соответственно последнее существовало ранее, чем возникло кладбище.
- ³⁶ Тымтинское селище в XVI в. было занято под кладбище. Здесь сохранился надгробный камень.
- ³⁷ Нигамаев А.З. Елабужский IV некрополь // Проблемы древней и средневековой истории Среднего Поволжья. Казань, 2002, с.127-131.
- ³⁸ Бусыгин Е.П. Русское сельское население Среднего Поволжья. Историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX – начало XX вв.). Казань, 1966.
- ³⁹ Бусыгин Е.П. Русское..., с.189,190.
- ⁴⁰ Бусыгин Е.П. Русское..., с.190.
- ⁴¹ Бусыгин Е.П. Русское..., с.51-52.
- ⁴² Юсупов Г.В. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. М., Л., 1960, с.30-31.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Эти данные позволяют коснуться нескольких тем. *Первая тема* – это динамика роста современного села и деревни, выявления его «исторического центра» по размещению средневековых кладбищ и отдельных надгробий в зоне современной застройки. *Вторая тема* – соотношение поселений ханского времени и более ранних. Более подробно эти вопросы будут рассмотрены отдельно.
- ⁴⁵ Шутова Н.И. Удмурты XVI – первой половины XIX в. По данным могильников.. Ижевск, 1992, с.55,56.
- ⁴⁶ Никитина Т.Б. Марийцы (конец XVI – начало XVIII вв.). По материалам могильников. Йошкар-Ола, 1992, с.17,18.
- ⁴⁷ Никитина Т.Б. Марийцы..., с.96.
- ⁴⁸ Мухаметшин Д.Г. Эпиграфические памятники Казанского ханства, как исторический источник // Из истории Золотой Орды. Казань, 1993.
- ⁴⁹ Мухаметшин Д.Г. Эпиграфические..., с.121.
- ⁵⁰ Мухаметшин Д.Г. Эпиграфические..., с.121-123.
- ⁵¹ Мухаметшин Д.Г. Эпиграфические..., с.125.
- ⁵² Мухаметшин Д.Г. Эпиграфические..., с.126. Отнесение Татходяшевского поселения к Ногайской даруге спорно. По Е.И.Чернышеву, оно скорее всего относится к Арской даруге (Чернышев Е.И. Селения Казанского ханства (по писцовым книгам) // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971, №422, с.278-279).
- ⁵³ Понятие «поселок городского типа» неудачно. Не изученность явления поволжского средневекового города и критериев его выделения (исторических, археологических) не позволяет корректно использовать эти определения.
- ⁵⁴ Старозюринское городище, как показали раскопки, относится к I тыс. н.э. и к Казанскому ханству отношения не имеет. Утерняськое городище в подъемном материале в оськах и обнажениях на склоне оврагов материала не дает. Материалы раскопок проведенных в конце XX в. на Утерняськом городище А.А.Бурхановым не опубликованы. Соотнесенность этих памятников с кладбищами требует уточнения.
- ⁵⁵ Мухаметшин Д.Г. Эпиграфические..., с.127. Последнее предположение необходимо уточнить. Старозюринское городище не имеет отношения к эпохе Казанского ханства, и по результатам раскопок датируется первой половиной I тыс. н.э. Характер топографии Утерняського городища более соотносится с тем же периодом, что и

Старозюринское, хотя несомненны отличие в фортификации. Однако отсутствие находок не позволяет определить ни время бытования памятника, ни его внутреннюю хронологию. Основной период существования Чаллынского городища, по результатам раскопок 1990-х гг., домонгольское и в меньшей степени ордынское время.

⁵⁶ Встречающееся в Писцовых книгах понятие «пустошь» может обозначать не только недавно опустевшее место, но и вообще место, не использующееся для поселений, а также в других хозяйственных целях. Не редко они обозначают места поселений более раннего времени.

⁵⁷ Калинин Н.Ф. Отчет об археологической экспедиции 1948 года по районам ТАССР. Казань, 1948.

⁵⁸ У с.Шуран по преданию существовал древний булгарский город Кашан.

⁵⁹ Ахметзянов М.И. Татарские шеджере (исследование татарских шеджере в источниковедческом и лингвистическом аспектах по спискам XIX-XX вв.). Казань, 1991, с.44.

⁶⁰ Ахметзянов М.И. Татарские..., с.45.

⁶¹ Ахметзянов М.И. Татарские..., с.47, №8.

⁶² Ахметзянов М.И. Татарские..., с.48, №9.

⁶³ Цитата по: Ахметзянов М.И. Татарские..., с.48.

⁶⁴ Ахметзянов М.И. Татарские..., с.49-50. Д.М.Исхаков, опираясь на публикацию М.И.Ахметзянова, предполагает, что население с. Старый Менгер по происхождению было кипчакско-ногайским (Исхаков Д.М. О роли ногайского компонента в формировании татар Волго-Уральского региона // Из истории Золотой Орды. Казань, 1993, с.137).

⁶⁵ Гарипова Ф.Г., 1991. Исследования по гидронимии Татарстана. М.: Наука, 1991, с.115.

⁶⁶ Гарипова Ф.Г. Исследования...,с.164.

⁶⁷ Гарипова Ф.Г. Исследования...,с.145.

⁶⁸ Гарипова Ф.Г. Исследования...,с.170,172.

⁶⁹ Г.Ф.Сагтаров трактует смысл слова «кать» от марийского «ото» – возвышенность (Гарипова Ф.Г. Исследования....1991, с.173).

⁷⁰ Гарипова Ф.Г. Исследования....с.173-174.

⁷¹ Шпилевский С.М. Древние города и другие булгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877, с.139-144.

⁷² Гарипова Ф.Г. Исследования...,с.196.

⁷³ Гарипова Ф.Г. Исследования...,с.212.

⁷⁴ Гарипова Ф.Г. Исследования...,с.221.

⁷⁵ Руденко К.А. Могильник на острове «Песчаный» // Татарская археология № 1-2 (4-5). Казань, 1999, с.61-76.

⁷⁶ Аксенова Н.Д. Жилые дома в Болгарах в районе Ханской усыпальницы и Малого Минарета (По материалам раскопок 1967-1971 гг.) // СА, №4, 1973, с.218-226.

⁷⁷ Федоров –Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.

⁷⁸ Руденко К.А. «Татары» и «татарская земля» в конце XIV – начале XV века // История и культура Волго-Вятского края (К 90 - летию Вятской ученой архивной комиссии). Тезисы докладов и сообщений к межрегиональной научной конференции. Киров 18-20 октября 1994 г. Киров: Волго-Вятское кн. изд-во. Кировское отделение, 1994, с.86-89.

⁷⁹ Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды. Воронеж, 2002.

⁸⁰ Новохарьковский могильник ....., с.105.

⁸¹ Сведения о ранних этапах (РБ-СБ) имеются в Археологической карте (Археологическая карта..., 1981, с.16-19).

⁸² Носов Е.Н. Рец.: Макаров Н.А., Захаров А.П., Бужилова А.П. Средневековое расселение на Белом озере. М., 2001 // РА, №4, 2002, с.152.

⁸³ Носов Е.Н. Там же.

Рис. 1. Расположение упоминаемых в работе памятников археологии и эпиграфики. Схема. Цифрами на схеме обозначены археологические и эпиграфические памятники, а круглыми скобках указаны названия даруг по Е.М.Чернышеву и ссылка на номер в списокселений Казанского ханства (Чернышев Е.М. Список..., 1972). Сокращения: н – надгробие (я); кл. – кладбище; с – селище; г – городище; м – могильник. Даруги: Ал – Алатская; Ар. – Арская; Зю. – Зюрийская. С 1 по 7 в списке указаны памятники, расположенные в Высокогорском районе РТ; с 8 по 12 и 52 – в Атнинском; с 13 по 24 в Арском; с 25 по 29 в Балтасинском; с 30 по 37 в Пестречинском; с 38 по 45 в Тюлячинском; с 46 по 51 в Сабинском районе РТ. 1- Айбашские н. (Ал., №45); 2 – Б.Альдермышское н.+кл. (Ал., №17); 3 – Уньбинское с.+н. (Ал., №407); 4 – Татайшинское с.+кл. (Ал., №49); 5 – Иски-Казань + Татарскоурматское кл. (Ар., №412); 6 – Чемерцинское с. (Ар., №434); 7 – Куркачинские н. (Ар., №239); 8 – Туруклярское с.+кл. (Ар., №393); 9 – Малоатнинские н. (Ал., №36); 10 – Староменгерские н. (Ал., №269); 11- Староузюмские н. (Ал., №402); 12 – Верхнесердинские н. I и II (Зю., №347); 13 – Старокишитские н. (Ал., №195); 14 – Староаштские кл. I и II (Ал., №41); 15 – Среднесердинское с. + н. (Ар., №346); 16 – Арняшское кл. (Зю., №28); 17 – Чурилинское с. (Ар., №452); 18 – Наласинские н. (Ар., №292); 19 – Бужинское с. (Ар., №80); 20 – Арское г.; 21 – Нижнеатынский м. (Ар., №38); 22- Верхнеказылинское н. (Зю., №157); 23 – Кутюкское кл. (Ар., №241); 24 – Старомасринские н. I и II (Ар., №261); 25 – Смаильские н. (Ар., №353); 26 – Нижнесалауское с. (Ар., №325); 27 – Карадуганскоен. (Ар., №170); 28 – Тогашурский м.; 29 – Ципынский м.; 30 – Чемерцинское с. (Ар., №434); 31- Татходяшевское кл. +н. I и II (Ар., №422); 32 – Пановское н.; 33 – Читинское с.+кл. (Зю., №278); 34- Урываинское н.; 35 – Верхнеказылинское с.; 36 –

Янцеварское с.; 37 – Таутерменьевское н.; 38 – Шадкинское н. (Зю., №463); 39 – Большенирсинские с.+кл. (Зю., №299); 40 – Тымтинское с.+н. (Зю., №400); 41 – Тымтиметескинское с.+н. (Зю., №399); 42 – Казакларское с.; 43 – Кибакозинское кл.+н. (Зю., №187); 44 – Старозюринское н.; 45 – Большетюлязинское с.; 46 – Малошинарское н.+с.; 47 – Мингерское с.+н.; 48 – Измянские н. (Ар., №127); 49 – Утерняськое г.+кл.; 50 – Чабки-Сабинское с.; 51 – Мамалаевское с.; 52 – Нижняя Ура кл. (Ал., №409).

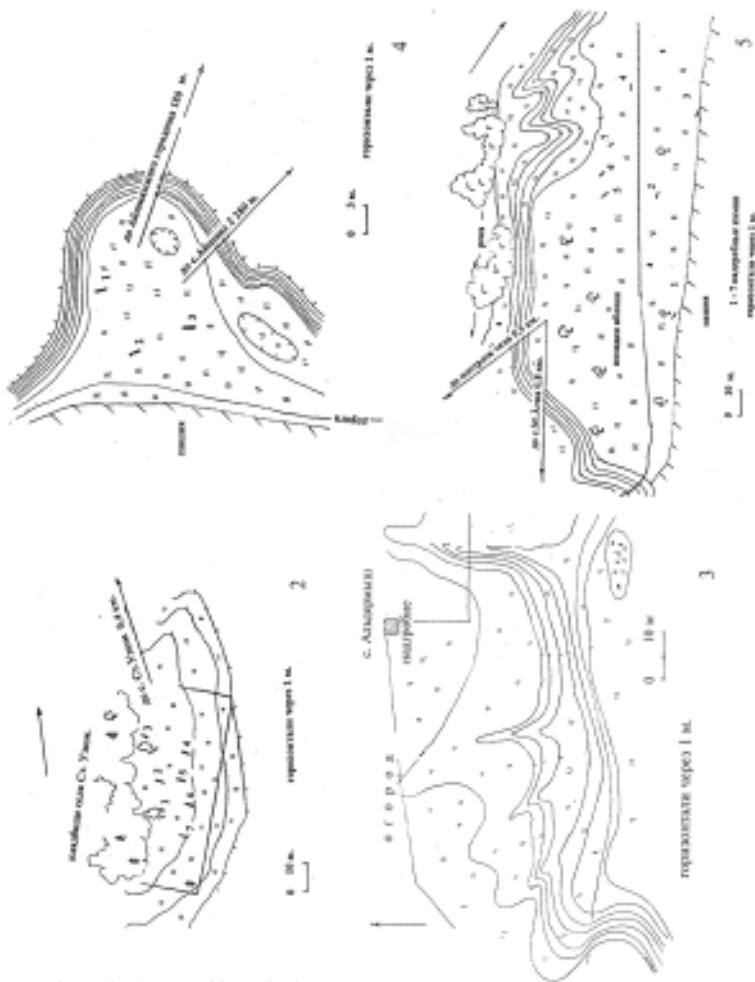

Рис. 2. Староузомские надгробия (Айтдинский район).

Рис. 3. Альдермайшкос надгробие (Высокогорский район).

Рис. 4. Айшиязкое кладбище (Айтдинский р-н).

Рис. 5. Малоатгинское кладбище (Айтдинский р-н).

Рис. 6. Верхнесердинское II кладбище (Атнинский р-н).

Рис. 7. Старокишитские надгробия (Арский р-н).

Рис. 8. Староашитское I кладбище (Арский р-н).

Рис. 9. Староашитское II кладбище (Арский р-н).

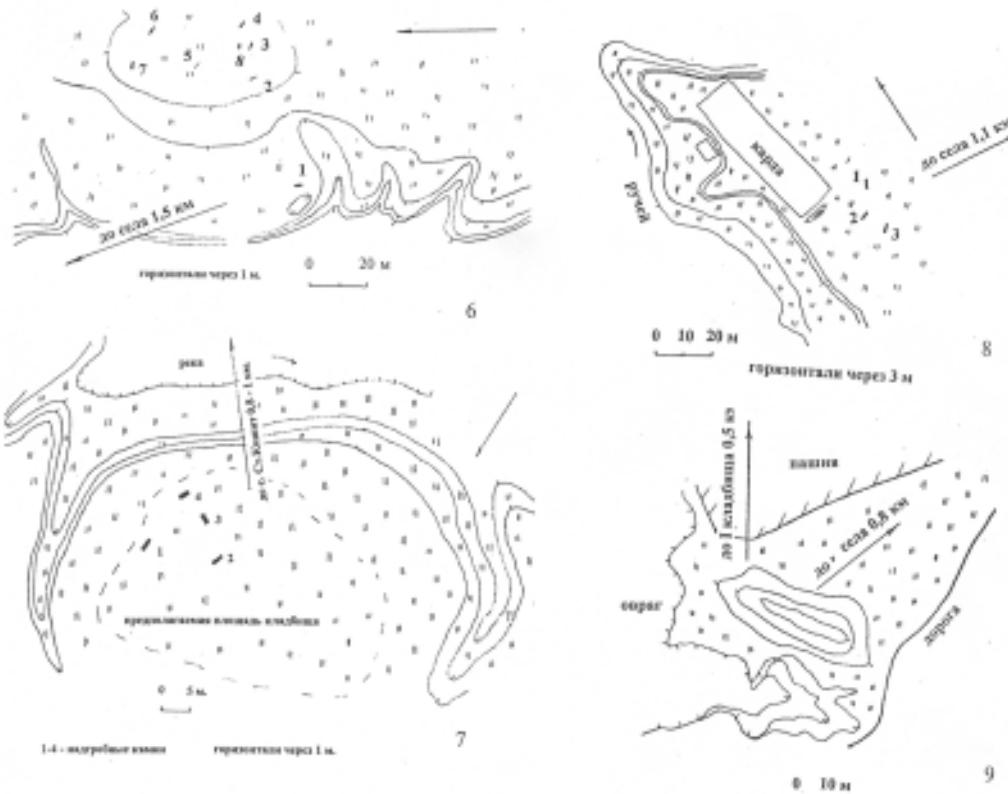
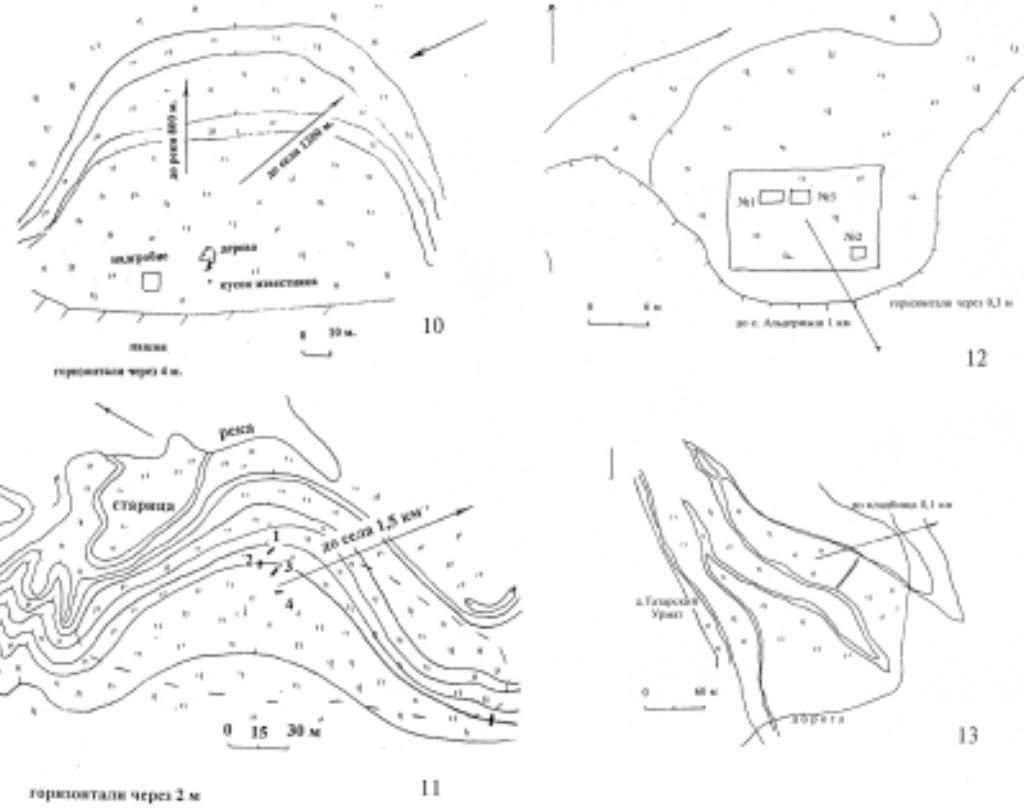

Рис. 10. Верхнеказылинское надгробие (Арский р-н).
 Рис. 11. Старомасринские надгробия (Арский р-н).
 Рис. 12. Альдермышское кладбище (Арский р-н).
 Рис. 13. Татарскоурматское кладбище (Арский р-н).

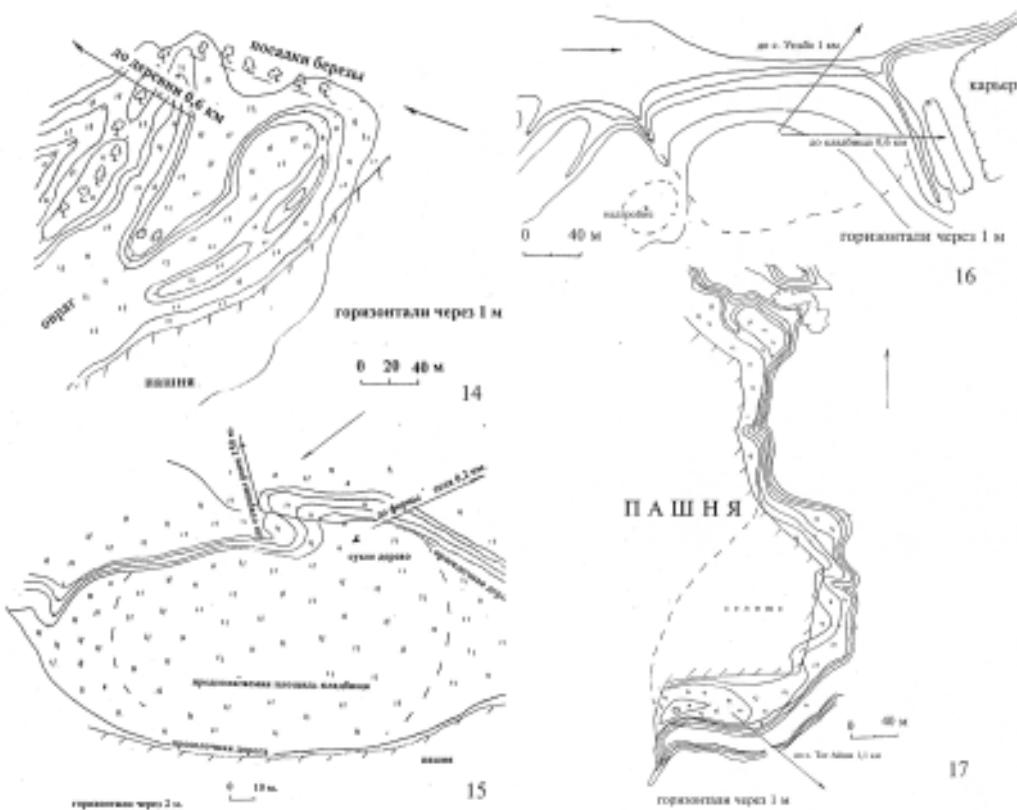

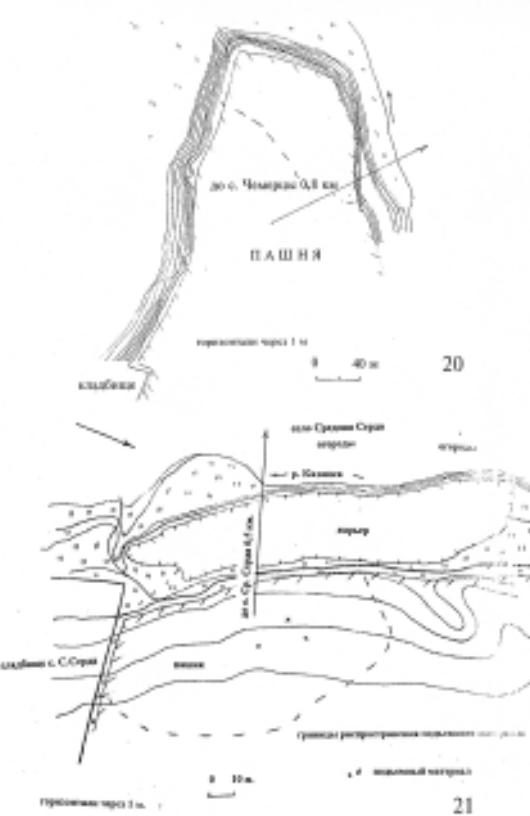
Рис. 14. Арняшское кладбище (Арский р-н).
Рис. 15. Кутюкское кладбище (Арский р-н).
Рис. 16. Уньбинское селище и надгробия (Высокогорский район).
Рис. 17. Татайшинское селище (Высокогорский район).

18

19

20

Рис. 18. Туруклярское селище и кладбище (Атнинский район).

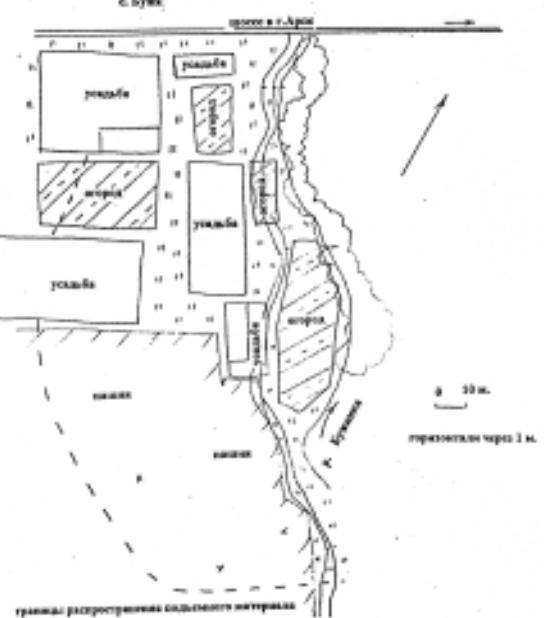
Рис. 19. Староменгерское селище и кладбище (Атнинский район).

Рис. 20. Чемерцинское селище (Высокогорский район).

Рис. 21. Среднесердинское селище (Арский район).

22

23

Рис. 22. Чурилинское селище (Арский район). А – план; Б – керамика из подъемного материала.

Рис. 23. Бужинское селище (Арский район).

Рис. 24. Бужинское селище (Арский район). Керамика из подъемного материала: 6 – с примесью толченой раковины; 7 – с примесью толченой раковины и крупно-зернистого песка; 8 – с примесью крупнозернистого песка. Остальная керамика обычного теста.

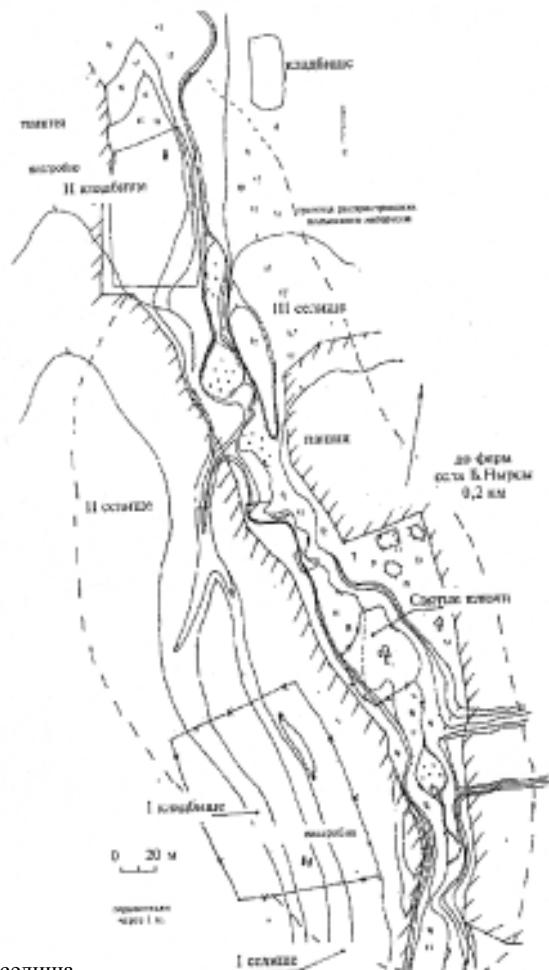

Рис. 25. Большенырысинские селища и кладбища (Тюлячинский район).

Рис. 26. Большенысринские селища (Тюлячинский район). Подъемный материал.

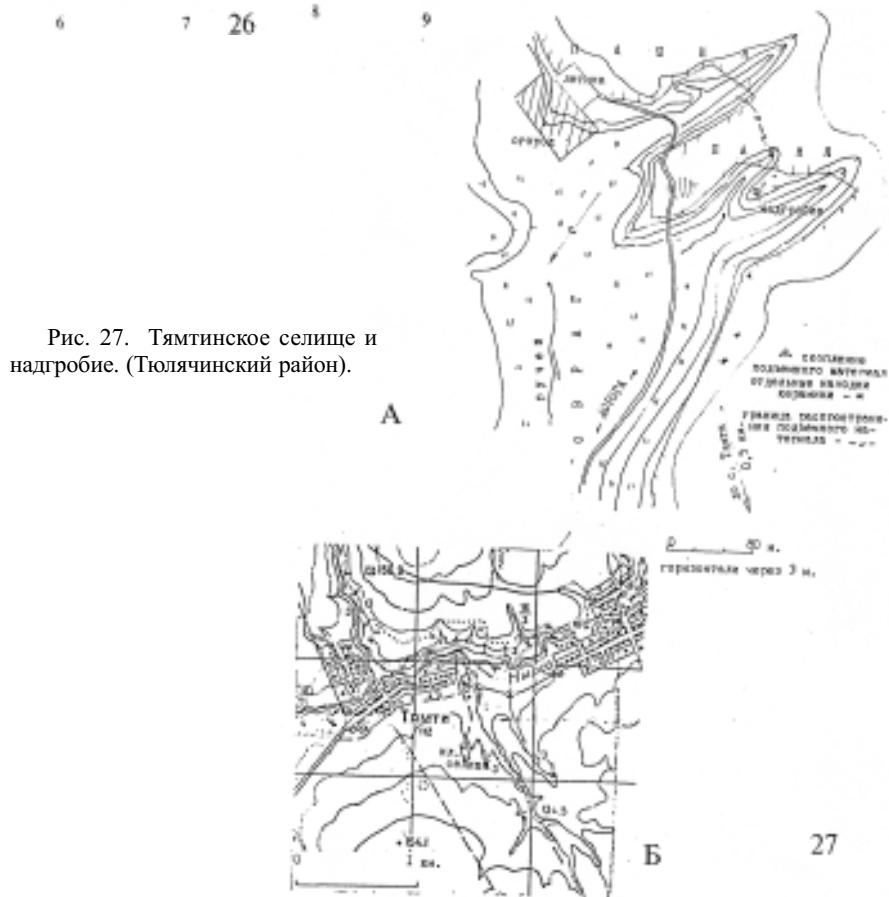

Рис. 27. Тымтинское селище и надгробие. (Тюлячинский район).

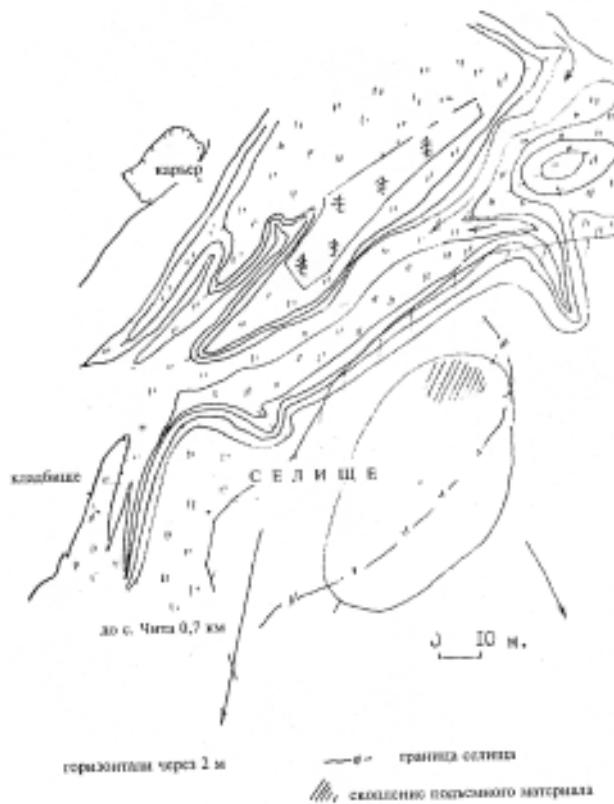
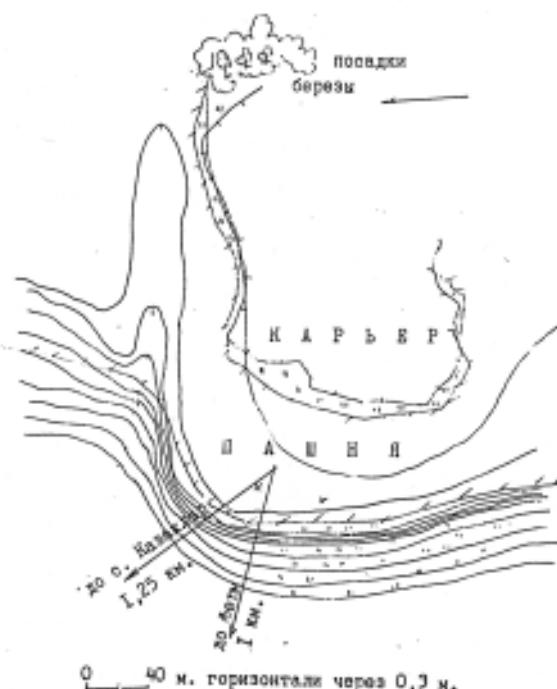

Рис. 28. Читинское селище и надгробие (Пестречинский район).

А

Б

29

Рис. 29. Казакларское селище (Тюлячинский район).

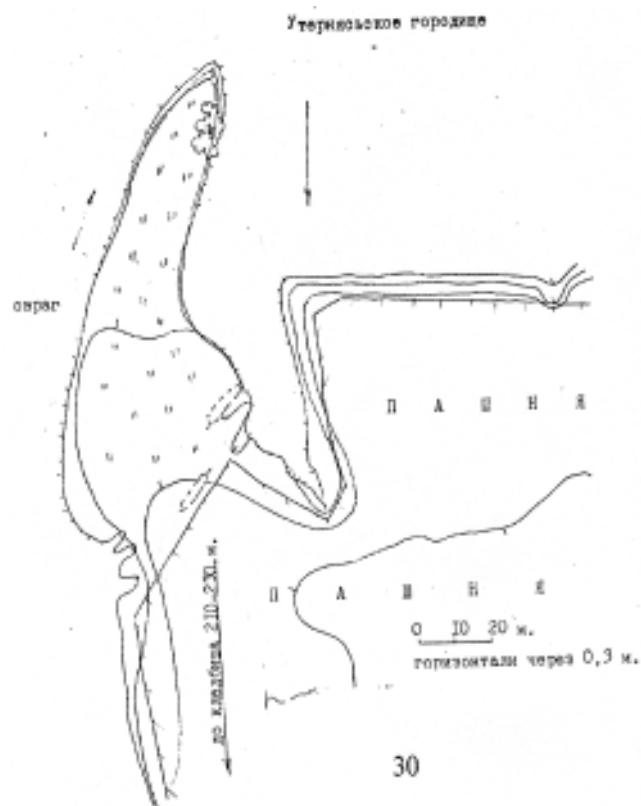

Рис. 30. Уттерниское городище (Сабинский район).

Рис. 31. Утерняськое селище и кладбище (Сабинский район) (а). Найдены с археологических памятников западного Предкамья (б). 1-4: Утерняськое селище; 5-9: Читинское селище; 10-11: Тямынское селище. 1,2 – чугун; остальное – керамика. 3,5,8,9 – с крупно-зернистым песком; 4 – серая круговая, остальная – круговая, красно-оранжевого цвета.

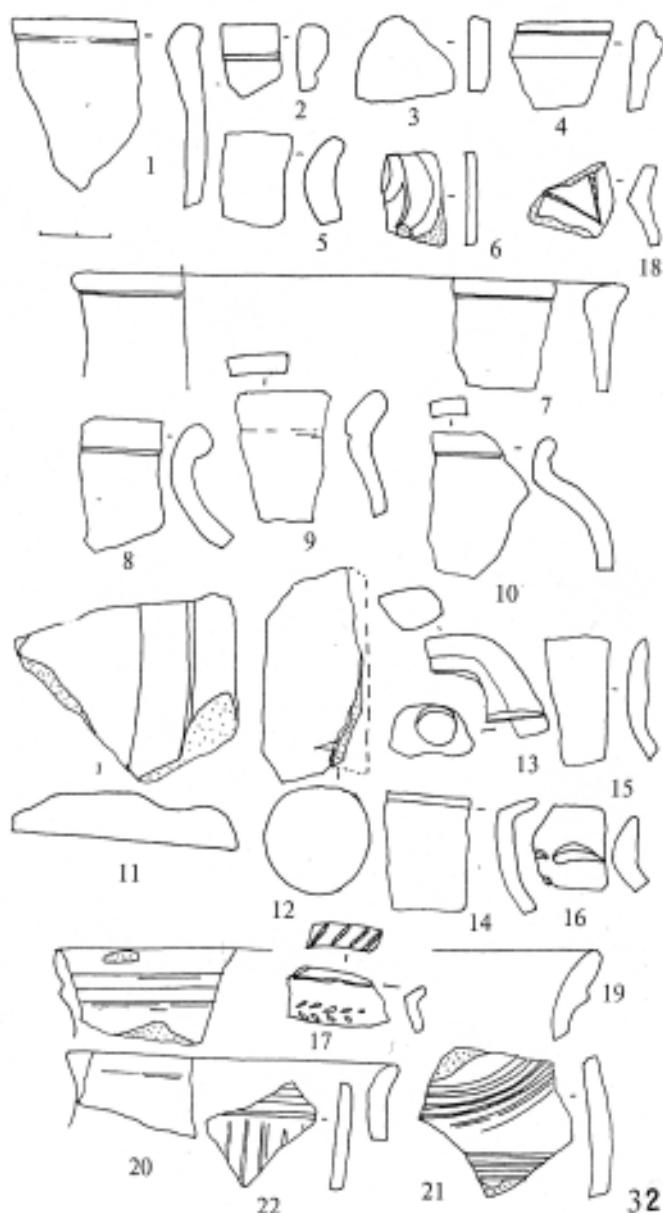

Рис. 32. Керамические находки с памятников Западного Предкамья. Селища: 1-3: Татайшинское; 4-6:Староменгерское; 7: Среднесердинское; 8-10: Чурилинское; 11-22: II Большенырсинское. 11-17 – лепная и подправленная на круге; 6 – круговая, поливная; остальная – круговая.

Марсель Әхмәтҗанов
Татар дөрбәләре тарихына

Татар халкының кабер өсте корылмаларыннан дөрбәләр (мавзолейлар) тарихы әле бик аз күләмдә өйрәнелгән. Нигездә ул археологлар, сөнгать белгечләре һәм архитекторлар тарафыннан гына беркадәр өйрәнелгән дип санала ала. Ләкин әле һәйкәлләрне кабер өсте корылмалары системасы итеп өйрәнү татарны өйрәнү фәненәндә жавапсыз кала бирде.

Бу өлкәдә безгә кан һәм дин кардәшләре булган төрекләрнең фәнни хезмәтләренә, казанышларына сокланырга гына кала. Алар үзләренең кабер өсте корылмаларын - эпитафик ташларын, дөрбәләрен, эпитафия поэзиясен, каллиграфиясен, архитектура-сын һәр яктан, регион артыннан регионны кин планда өйрәнү, тикшерү эшләрен алыш баралар.¹

Русиядә бу юнәлештә татар эпиграфика сөнгатен өйрәнүгә кагылышлы хезмәтләр беренче чиратта археологлар, кимерәк дөрәҗәдә филологлар тарафыннан башкарыла. Ләкин аларда татар материалын бер бөтен итеп өйрәнү максат итеп куелмый.²

Урта Азиядә яшәүче төрки телле халыкларның галимнәре үзләрендә мирас булып сакланган дөрбәләргә игътибар биреп, алар турында информацияләр туплау, рухи мирасларын пропагандалау юнәлешендә күзгә күренерлек эшләр башкардылар.³

Хәер, Татарстандагы һәм аннан читтәге татар дөрбәләре халыкында да археологларның, тарихчыларның, архитекторларның хезмәтләрендә аерым һәйкәлләргә кагылышлы яна, житди сәхифәләр күренә башлады.⁴

Ләкин алар гына татар дөрбәләренең эзлекле тарихи яшәешен кузалларга ярдәм итә алмыйлар. Матбуғатта басылган сәхифәләр бары конкрет бер тарихи истәлек, яки аерым бер дәвергә хас булган ядкәрләр турында гына фикер йөртергә мөмкинлек бирәләр. Шунлыктан, проблема белән кызыксынучылар өчен язылган бу хезмәттә, без татар кабер өсте дөрбәләре эволюциясе турында эзлекле, төзек бер фикер бәян итүне максат итеп куйдык.

Халыкның рухи һәм матди мәдәнияте аның тарихы белән бәйлелектә барлыкка килә һәм үсә бара. Шунлыктан аның эволюциясен халык тарихы белән бәйле рәвештә генә өйрәнергә мөмкин.

Тарихта татар халкының бабалары беренче мәртәбә язма чыганаклар битләрендә Ерак Көнчыгышта һәм Узәк Азия далала-

рында яшәүчеләр буларак искә алышалар. Бу һакта татар һәм урыс галимнәренең фикерләре дә мәгълүм.⁵

Аның дөреслеге татар халкының телен, фольклорын, мәдәниятен һәм башка рухи-мәдәни материалларын өйрәнүгә багышланган хезмәтләр белән дә раслана. Без инде проблемада җәелеп китмичә, фәкат кабер өсте корылмалары истәлекләренең рәвешен һәм эчтәлеген, күп гасырлык хронологик тәртиптә үсешен өйрәнү максатын гына күйдик. Фәнни күзәтүләр һәм анализлар өчен, чыганаклар итеп, безгә хәтле эшләгән галимнәрнең хезмәтләрен һәм күп еллар дәвамында татар зират корылмаларын өйрәнү процессында үзбезнәң археографик, эпиграфик экспедицияләр барышында тупланган материалларыбызыны файдаландык.

Татар халкының күп гасырлык тарихында ана күп мәдәниятләр, географик-климатик шартлар белән танышырга туры килгән. Бабаларыбызга мең елларга сузылган тарихта Тәнре диненә, Исламга күбрәк тартылып, аларның тормышында тәнречелек һәм мәселманлыкның роле зур була. Элеге дини-фәлсәфә карашлар тәэсирие татар халкы бабаларының кабер өсте корылмаларында эзсез калмаган. Татар халкының кабер өсте корылмаларына күзәту ясасаң, без ул тәэсиirlәренең эзләрен күрә алабыз. Хәзер шул тәэсиirlәренең эзләрен аерым ядкәрләр чылбыры аша ачыклап үтәбез.

Борынгы татар кабиләләре, чыганаклар курсәткәнчә, кабер өсләренә туфрактан, агачтан, таштан (соңрак кирпечтән дә) эшләнгән корылмалар төзегәннәр. Боларның күбесе безнең эра башларында ук формалашып житүен фараз итәргә мөмкин. Туфрактан корганнар өю йоласы безнең эрадан күп гасырлар элек Алтайdagы төркиләренең археологик истәлекләре булган Пазырык ядкәрләрендә чагыла.

Агачтан эшләнгән корылмаларның, ягъни кабер өсте бураларының, сакланыш дәвере 70-80 еллардан артыкка сузылмаганлыктан, без аларның ерак гасырлардан калган үрнәкләрен күрә алмыйбыз. Татарның борынгы чорларда ук каберләр өстенә агачтан буралар чабып кую фәндә мәгълүм. Алар бөтен татар милләтенең мәдәниятендә танылып, кабул ителгән булганнар. Буралар турында язма чыганаклар бары XVIII гасырдан сакланалар. Ләкин татарның төш юрау тәъбирләре кабер өсте буралары тарихын мең еллар белән санарга мөмкинлек бирә. Кабер өсте бураларының XX гасырда таралышы Идел буеның көнбатыш районнарыннан алыш Красноярский краендағы татар авылларындагы зиратларга кадәр кинлектә саклана.⁶

Агач бураларның борынгы татар бабаларыбызда булуын без мәдәниятләрне чыгыштырма өйрәнү юлы белән дә исбатлый ала-быз. Моның өчен борынгы татар кабиләләре яшәгән Амур елгасы буйларында бүткәнгә көндә дә яшәүче аз санлы жирле абориген-нарның мәдәният чыганакларын жәлеп итәргә мөмкин. Урыс галимнәре бу халыкларның XIX гасырның беренче яртысында зиратларын да өйрәнеп, кызыклы хәбәрләр теркәп калдырганнар. Рәсемнәрнең берничәсендә жирле Амур буе халыклары зиратларында каберләр өстенә буралап эшләнгән кечкенә йортлар сүрәтләнгән.⁷ Ул йортлар кыек түбәле булып, диварлары төрки халыкларга якын булган орнаментлар белән бизәлгәннәр. Ишек, ишеккә аркылы агач бикләгеч борыс та күелган булган (2 нче рәсем).

Тормыш шартлары кешене борынгы дәверләрдә еш күченеп йөрөргә мәжбүр иткән. Шунлыктан агачлы, елгалы урыннарда яшәгән кешеләр, йалан-далаларга да күчеп яшәргә жайлашканнар. Бу хәлләр аларның кабер өсләре күлтүрасын тәэсирсез калдырмыый, үзгәрешләр китереп чыгарганнынар. Тикшерүче археолог-галимнәрнең далаларда яшәүче төрки кабиләләрдә, шул жөмләдән татар кабиләләрендә дә, кабер өсләрендә гади генә таш плитәләрдән дүртпочмаклы чардуган сыман корылмалар булуын язып калдырганнар. Ул чардуган эченә, яки аның тышкы ягына примитив эшләнгән таш балбал утыртылган (3 нче рәсем). Мондый типтагы кабер осте корылмалары Үзәк Азия далаларында XIX гасырда да сакланғаннар.⁸ Аларның бер үрнәге Татарстанның Әлмәт төбәгендәге Тубән Абдул авылы кырында да табылды.⁹ Балбалның зурлыгы: биеклек – 220 см, ингә – 66 см, калынлык – 28 см. Сында примитив эшләнгән баш, инбаш, чәч, йөз чалымнары, кул уемы һәм зур гына тамга – төрки тамга да куренә. Сынга бәйләп халык телендә бер тискәре кыз турындагы легенда да сөйләнә. Балбалның тирә-ягында беркадәр кыргый ташлар да таралып ята. Ул кеше кулы белән эшләнгән, янына ташлар да китереп өелгән булган, сынның берничә дистә еллар элек басып, көнчыгышка карап торуын хәтерләүчеләр дә бар. Аны изге урын санап балбал янына вак акчалар китереп салына. Бу жир кечкенә бер утрау булып, иген кыры уртасында калган, сукаланмый. Мондый тип балбалларның Казахстан һәм Жидесу якларындагы районнарда да саклануы хакында фәнни әдәбиятта мәгълүматлар бар.¹⁰

Борынгы төркиләрнең төзек дөрбәләр кора башлаганчы, кабер өсләренә кыргый ташлардан корган өю йоласы да булган.¹¹ Андый ташлар өелгән кабер осте корылмалары Урал буйларында

һәм Казахстанда сакланганнар.¹² Қөнчыгыш Европага XI гасырда килеп кергән қыпчак кабиләләрендә дә кабер өстенә ташлар өөп кую йоласы мәгълүм. Татарстанның Әлмәт районы Яңа Елан авылы зиратында өсләренә ташлар өелгән 20-дән артык кабер барлыгы ачыкланды.¹³ Шунысы қызыклы – бу каберләр бүген урысларга нисбәтле булып, алар өстенә аерым очракларда агачтан ясалган тәреләр дә утыртылган.

IX-X гасырларда төркиләрнең (шул исәптән татарларның да) ислам диненә керү процессы көчәя. Гарәп авторының «Китабе Аврак» исемле өсәрендә (проф. Ә.Б.Халидов тәржемәсендә) Багдадта мәңнәрчә төркиләрнең ислам кабул итеп хәлифә хезмәтендә йөрүләре бәян ителә.

Төрки кауем-кабиләләр безнең эраның алтынчы гасыры уртасында яңадан күтәрелеп китеլ, һүннәр дәүләттәннән соң, яңа дәүләт – Беренче төрки қаханлыкны төзиләр (VI йөз уртасы). Аны төзүдә «утыз татар» кабиләләре берлеге катнаша. Тарихта бераз сонгарак дәвердә (VIII йөз башлары) «тугыз татар» кабиләләре дөнья аренасына чыгалар. Тарихи язма чыганакларда шулай ук «сигез татар» кабиләсенең X гасыр ахырында искә алынуы языла.¹⁴

Литва дәүләтендә (XX гасырда) «Кырык татар» кабиләсе этнонимын саклаган авыл исеме булуы да билгеле.

Татар кабиләләренең төркилеген инде *сигез, тугыз, утыз, қырык* күшүлгүп язылган этнонимнарда һәм аларның башка төрки кабиләләр белән тарихның бер жебенә теркәлеп йөрүенән күрергә, аңларга мөмкин.

Төрки қаханлык Кытай империясе тарафыннан жимерелгәннән соң, борынгы татарларның бер өлеше Иртеш елгасы белән Урал таулары арасындагы далаларга килеп чыгып, анда Кимәк қаханлыгын төзиләр. Татарларның икенче өлеше Урта Азия якларына барып, уйгурлар белән катнашалар һәм X гасыр ахырында барлыкка килгән Карабханилар дәүләтен төзүдә катнашалар.¹⁵ Карабханилар дәүләтендә татарларның мөселман мәдәнияте белән ныкты танышулары һәм үз мәдәниятләрен бастиулары процессы башланна. Алар бу дәвердә, үз мәдәни казанышларын нык саклаган хәлдә, мөселман мәдәниятен төзүдә дә үзләреннән өлеш кертәләр. Қыпчак кабиләсенән чыккан бөек ислам фикер иясе Әбү-Наср әл-Фараби (870-950) бөтен ислам дөньясында таныла.

X гасыр ахырында Карабханилар дәүләтендә Мәхмүд Газnavи идарә иткән дәвер башлана. Мәхмүд Газnavи үз дәүләте башкаласында Урта Азиянең һәм Хәрәзәмнең Әбү Гали ибн Сина (980-

1037), Әбү Рәйхан Бируни (973-1048) h.б. күренекле галимнәрен туплый. Каражанилар дәүләтенә янәшәдә үскән Иран мәдәнияте аша суфийчылык фәлсәфәсе дә үтеп керә. Бу табигый да, чөнки, төркиләрнең Тәнрегә, ягъни бер Аллага, табынганда инде үзләренең катлаулы дини-фәлсәфи системасы булып, исламның аны тулаем кысып чыгарарга көче житми. Төрки дөньяда Исламның Тәнречелек идеологиясе белән килешүгә кергән формасы – суфийчылык карашлары формалаша. Бу инде гарәп исламы булмый. Дини мәдәният төркиләрнең борынгыдан килгән кабер өсте һәйкәлләрендә һәм күмү йолаларында да чагылыш таба.

Төркиләр қаханлыклар барлыкка килгәнче үк инде катлаулы кабер өсте корылмалары корганнар, балбаллар корып үзләренең мәрхүм ата-бабаларына хөрмәт күрсәткәннәр. Қаханлыклар төзелгәч аларның төп өлкәләрендә барлыкка килгән төрки (рунник) язулары белән сырланган күп санлы ташъязмалар соңғы гасырларгача килеп житкәннәр. Аларда мәрхүмнәрнең тарихлары, истәлек язмалар, географик юнәлешләр күрсәткечләре, антропонимнар, этнонимнар, календар терминнары, шигърият үрнәкләре теркәлеп калганнар. Хәтта ислам дине кабер өсте корылмалары булдыруга каршы булган. Гарәпләрнең атаклы «Ләйлә белән Мәҗнүн» хакындагы хикәятенән күренгәнчә, алар кабер өстенә язулы ләүхәләр куймаганнар. Мәҗнүн үзенең сөйгәне Ләйләненең каберен аның исе буенча гына эзләп таба.*

Урта гасыр татар кабиләләрендә, аеруча кимәкләрдә, кабер һәм аның өстенә корылмалар төзүдә бүгенге татар йолалары белән күп уртаклыклар бар. Мәсәлән, кимәкләр дә, бүгенге татарлар да, мәетләрен ләхет алыш күмәләр. Кабер өсләренә корылмалар коруда да бүгенге татар мәселманнары йолалары белән уртаклыклар барлыгы бәхәс тудырмый. Урта Азия халыкларының рухи мирасын фәнни нигездә тикшерүчеләр андагы төрки мәселманнарының дини фәлсәфәсенән суфийчылык карашлары өстенлек итүен раслап киләләр. Төрки суфийчылыкның тамырлары борынгы фарсы мәдәниятенә totasha. Моның мисалларын кабер өсте корылмалары материалында күрергә мөмкин. Мәсәлән, суфийлар аскетизмы белән тулы фарсы телендәге шигъри эпитафик поэзия текстлары 1928 нче елда Каракалпак Республикасының Хужайлы һәм Шомакай төбәкләрендә табыла.¹⁶ Шундый үк эпиграфик язмаларының берсе 1971нче елда әлеге регионда янә ачыл-

* Бу хакта карагыз: Ләйлә белән Мәҗнүн // Мирас. -2002. -№3. -Б.5-6.

ды. Табыш XIII-XIV гасырларга инсбәтле шәһәрлек жимерекләрен өйрәнгәндә мәгълүм булды. Әлеге эпиграфик плитә Алтын Урданың бер өлкәсе булган Хәрәзем осталарының кулы белән эшләнгән. Ул ләүхә заманында дөрбә стенасына беркетелгән булса да, архитектур формасы ягыннан XV-XVI гасыр татар кабер ташларына охшаш сыйфатларга ия. Плитә йөзлеге күе зәңгәр төскә буялыш, язуары ак, текстның чикләү сзыыклары зәңгәрсу, күе яшел төсләр белән сзыылганнар. Гомумән мондый төсләр белән эшләнгән чинаяк плитәләр дөрбәләр һәм мәчетләрне бизәү очен кулланганнар. Аларның төсле үрнәкләре Шәһре Болгарның да мәчет, дөрбәләрен зиннәтләүдә файдаланылганнарын археологик табышлар раслый.¹⁷ Хәрәземдә (Каракалпак республикасы) 1971 нче елда табылган эпитафик плитәнең йөзлегендә иске фарсы телендә фәлсәфи шигырь язылган.¹⁸ Аның эчтәлеге татар теленә күчергәндә түбәндәгечә янгырый:

Без бу дөньяны ташлап киттек,
үзебез белән бергә йөрәгебезне дә алыш киттек.
Без бу фани дөньяда торганда
йөрәгебез дә шунда типте.
Ни хәл булса да,
без инде үлем тырнағына эләктек.
Ни аяныч, без бу дөньяны
дөрес анламаганбыз.

Әдәбият галимнәре шигырьдә суфыйчылыкның мотазаллит карашлары чагылуын язалар.¹⁹ Фәнни әдәбиятта суфыйчылыкның мотазаллит юнәлешенең эчтәлек ягыннан рәсми исламнан атеизмга якынлыгы күбрәк булу хакында да фикер йөртелә.

Урта Азия ислам фәлсәфәсендә суфыйчылыкның теоретик карашларының башы VIII-IX гасырларда барлыкка килеп, X-XI йөзләрдә ныклап үсеш ала. Аның асыл фикере – кешене Аллаһка инандыру куркыту юлы белән түгел, үз аны аша килүе фарыз, – дигәнгә кайтып кала. Шул сәбәптән суфыйчылык рәсми Ислам белән каршылыкка керә һәм суфий теоретиклары урта гасырларда шәфкатысез эзәрлекләнүләргә дучар булганнар. Урта гасырларда феодализм мөнәсәбәтләре халык массаларын изүне көчәйткән бер вакытта, суфыйчылыкның акыл хөрлеген өстен күрү-өйрәтүләре җәмгыяттә киң таныла. Шуши нигездә, –дип яза каракалпак галиме Х.Есбергенов, – Урта Азиядә Эбүгалисина, әл-Бируни, Исмәгыйль Жүрҗани кебек дани фикер ияләре туган.²⁰

Төрки дөньяда суфыйчылық фәлсәфәсе таралу, үсү аның бөтен мәдәниятенә йогынты ясый. Шул исәптән тәнречелек дине белән бәйле кабер, күмү йолалары төркиләрдә нигездә саклансалар да, шәехләргә табыну элементлары белән баєтылалар. Суфыйчылык өйрәтүләренең тәэсире төркиләрнең кабер өсте корылмаларына нык керә һәм үсә бара. Яңа фәлсәфә өйрәтүләре нигезендә, кабер өсте корылмаларында яңа формалар ачыла, жәелеп китә. Кабер ташларының әчтәлекләрендә дә үзгәрешләр туа, мәрхүмнәргә куелган һәйкәлләр үрнәгендә зур дөрбәләр барлыкка килә.

Идел буенда дөрбәләр, кабер ташлары кую гадәте бары Алтын Урда дәүләтә төзелгәч, аның матди һәм рухи мәдәниятенә хас буларак барлыкка килә.²¹ Шуши сәбәптән Алтын Урда монгол дәүләтә булмыйча, мөселман, татар, төрки дәүләтә буларак барлыкка килә һәм яши. Аны монгол дәүләтә дип сөйләп йөрү, язу – татар тарихыннан наданлык, аны фальсификацияләү билгесе булып тора.

Алтын Урдада Карабахилар дәүләтендә туган әдәби тел, әдәбият, сөнгать, һөнәр – татарныкы булып, аның 150 дән артык шәһәрләрендә һәм киң далаларында – борынгы төркиләрнең атабабалары туфрагында үскән. Аның туфрагына баскан барлык ятарның бу жирләргә претензия-дәгъвәләренең бер нигезе дә юк.

Яңа дәүләтнең киң өлкәләрендә 1280 еллардан башлап кабер өсләрендә Карабахилар дәүләтендәге кебек кабер ташлары, кабер өсте дөрбәләре барлыкка килә, корыла башлый. Алар ата-бабалар культиның чагылышы булып торалар.

Карабахилар жирендә сакланган иң борынгы дөрбә 892-907 нче елларда Бохарада яшәп, Бәлх өлкәсе белән идарә иткән Исмәгыйль Самани исемле әмир тарафыннан, үз атасының кабере өстенә корыла, соңыннан Самани әмирләренең гайлә каберлегенә әйләнә.²² Мондый дөрбәләр Урта Азия өлкәләрендә аннан соңғы дәверләрдә дә күп корылганнар. Бу заманнаргача сакланып калганнарыннан: Өргәнеч шәһәрендә XII йөздә төзелгән Фәхретдин Рази, шул ук дәвердә хәзерге Кыргызстанда сакланган Шаһ Фазыл, Тирмиз шәһәрендәге Хәким әт-Тирмизи, Өргәнечтә XIV гасырда төзелгән Туграбик ханым, Нәжметдин Көбри дөрбәләре һ.б. санап үтәргә була.²³

Дөрбәләрнең төзелү тарихлары да кызыкли. Мәсәлән, 1166 елда вафат булган суфий, төрки дөньяның бөек шагыйре Әхмәт Ясәви каберенә Урта Азия әмире Аксак Тимер 1397 нче елда мәhabәт дөрбә кордыра башлый (ул бераз соңрак төзелеп беткән).²⁴

Икенче бер очракта Эхмәт Ясәвинең үзенең яраткан шәкерте Хөсәен бәкне ислям тарату өчен күчмәләр арасына, далага жибәрүе хакында хәбәр бар.²⁵ Без бу Хөсәен бәкнең истәлеген Дим елгасы буендагы мәгълүм бер урын белән бәйләп карага жөрьәт итәбез.

Уфа шәһәреннән ерак түгел Чишмә станциясе янында, Дим елгасы буендагы татар зиратында Хөсәен бәк истәлегенә корылган дөрбә һәм аның каберенә дип 1339 нчы елда куелган кабер ташы саклана (4 нче рәсsem). Ташның тексты вакытлар узу белән нык кына җуелган була. Ләкин 1911 нче елда Уфадагы Диния нәзәраты вәкилләренең тырышлыгы белән, Хөсәен бәк эпитафия текстыннан мәрмәр плитәгә дубликат ясалып куела. Бүгенге көндө Хөсәен бәк эпитафия текстының өч версиядә укылыши мәгълүм.²⁶ Шулардан эпиграфист Һарун Вәли улы Йосыповның тексты дөреслеккә иң якыны дип таныла ала. Бу эпитафик язма-ның Эхмәт Ясәви шәкертенеке булуы хакында без түбәндәге фактлардан чыгып фикер йөртәбез: текстта Хөсәен бәкнең Төркестаннан булуы һәм аның Тирсәси исемле тәхәллүс кызыклы. Тирсә – мәсельман түгел дигән сүз. Тирсәси исә мәсельманнар булмаганнар илендә (мәсәлән XIV йөздә Уралда) яшәүче дигәнне анлата. Димәк, Хөсәен бәк Гомәр бәк улы өт-Төркестани, өт-Тирсәси дигән тәхәллүсләрдән Хөсәен бәкнең Төркестаннан килгән дәгъвәтче икәнен фара兹 итәргә мөмкин.

Кабер ташындағы язмага кагылышлы бер иске кульязмада игътибарга лаек мәгълүмат бар. Түбәндә текстның хәзәрге графика-га күчерелешен бирәбез. Ул кульязма 1840 нчы елларда Мишәр Казаклары авылында язылган:

«Өфе өязендә вә йәнә Дим буйында Кара Йагкуб авылына йакыйн бер күл бардыр. Исме Акжират дигән күлдер. Шул күлнең йанында бер өстана бардур. Ул өстанадә Хөсәйен бәк бине Гомәр бәк Тирсәш, Төркестани әмирел-кәбир, вәэзир әғъзам башы очуна ултуртылмыш ташны Бохарадан унике үгүз илән килтүрмешләрдүр; өстанасинең бер йагында, йәгъни мәгъриб тарафында, Танай хажидур, кызы Өммегәлсем, кыз карындашы Зөлфокардур, әнкәсе Зөләйхадур. Хөсәен бәкнең башы очыйна куйган ташның бер йагында буйлә дәйү йазылгандыр: Ари өд-дөнья хараба багтабари, фәла-и-бакый модат билкарари...».²⁷

Китерелгән фактлар Чишмә станциясе янындағы татар зира-тында истәлек-дөрбәнең Эхмәт Ясәви шәкертенеке булу файда-сына әһәмиятле аргументлар булып торалар.

Чишмә тәбәгендәге икенче дөрбә Тирмә авыллары кырында тора. Ул инде күптән жимерелеп бетсә дә, аны соңғы заманнарда торғызганнар (5 нче рәсем). Зәки Вәлидинең язмаларына кара-ганды, ул Себер ханы Ибәкнен (Ибраһимның) атасы Мәхмүтәк кабере ёстенә 887/1482 нче елда корылган булган. Ихтимал, бу шулайдыр да, чөнки дөрбә инде Нугай Урдасы дәверенә карый, Болгар шәһәрендәге (6 нчы рәсем), Төньяк Кавказдагы, Кырым-дагы дөрбәләрдән эшләнеше белән нык калыша. Кырымда Бак-часарай янында Чуфут кала дигән урында Алтын Урда ханы Тук-тамыш кызы Нәнкәҗан ханым (7 нче рәсем) hәм Шәһбәй дөрбәләре, Төньяк Кавказдагы Плиево исемле ингуш авылы янын-дагы Кырымнан чыккан Бәк-Солтан Ходайназ улы (1406 ел) дөрбәләре (8 нче рәсем), эшләнешләре ягыннан Шәһре Болгар-дагы кечкенә дөрбәләргә якын торалар. Шул ук рәткә Дим буен-дагы Себер ханы Мәхмүтәк дөрбәсе дә якын.

Урта Азиядә суфыйчылык фәлсәфәсе буенча формалашкан дөрбәләр кору сәнгате Алтын Урданың бөтен өлкәләренә дә үтеп кереп hәркайда да корылганнар. Аларның Воронеж өлкәсендәге татар шәһәрләрендә булулары хакында археологик казылма та-бышлары да раслап тора. Дөрбәләрне кемнәр өчен төзегәннәр соң? Алтын Урда жирлегендәге материаллар моңа түбәндәгечә жавап бирәләр:

1. Алтын Урда белән идарә иткән ханнарга;
2. Ханнарның балаларына, нәсел ыруына, хатыннарына;
3. Атаклы суфыйларга, ислам миссионерларына.

Дөрбәләрдә суфыйлар урнашып, алар мәрхүмнәр истәлегенә, рухына Коръән уку белән яшәп көн күргәннәр.

Алтын Урда дәвереннән калган татар дөрбәләренең төзелеш-ләре, архитектурасы ягыннан игезәк туганнарының үрнәкләре Урта Азия, Төркия, Кавказ өлкәләрендә дистәләрчә мисалларда күренә. Мәсәлән, Шәһре Болгардагы Кара Пулат дип йөртелгән архитектура истәлеген генә алыйк (9 нче рәсем). Ул бинаның нәрсә булганлыгы турында фәндә төрле карашлар булды. Берәуләр аны хан сарае, икенчеләр хөкем йорты, өченчеләр исә дәүләт архивы, дүртенчеләр мәчет дигән билгеләмәләр күйдиләр. Безнең фикеребезчә, бу Алтын Урда ханнары ыруына нисбәтле дөрбә. Ул дөрбә дә каядыр 1340-50 нче елларда корылган.²⁸ Кара Пулат үзенең төзелеш формасы белән Төркиядәге Солтан Сөләйман, Солтан Баязид, Солтан Габделхәмид (10 нчы рәсем) дөрбәләренә якын тора. Шулай ук аның Урта Азиядә Фәхретдин

Рази (Өргөнеч), Шаһ Фазыл (Кыргызстан), Рухабад (Сәмәрканد (11 нче рәсем)), Казый-Заде-Руми (Сәмәрканд) h.б. тарихи дөрбәләргә якынлыгы күренеп тора. Кара Пулат якынында табылган Сабар илче Бораш бәк кызына 1291 нче елда күелган кабер ташы аның бу дөрбәгә бәйле булырга тиешлеге турында фикер уята. Ни өчен дигәндә, бәкләрнең Болгарда 1243-1250 нче елларда яшәгән Батый ханның кардәшләре булу ихтималы зур. Болгар шәһәрендәге Кара Пулат Алтын Урда дәверендердә кала зиратында урнашкан. Ул зиратта моннан тыш кечерәк күләмле, ләкин архитектура композициясе ягыннан шулай ук Урта Азия, Төньяк Кавказдагы, Кырымдагы һәм Уфа янындагы дөрбәләргә охшаш булган Олы дөрбә һәм Кече дөрбә дигән биналар сакланып калган. Алар Кара Пулаттан кечерәк булсалар да, бүтән төбәкләрдә сакланып калган шундый ук бина типлары системасында Алтын Урданың бердәм архитектура стиле хасыйл иткән дөрбәләр тибына керәләр.

Алтын Урда дәүләтененә шәһәрләрендә, аеруча башкала булып торган Иске Сарай һәм Яңа Сарайларда бай архитектура чишешләр белән эшләнгән зур дөрбәләр корылган булганнар. Европа сәяхәтчеләре Алтын Урда ханнарының Идел буенда зур биналардан торган зират комплексы булыу хакында язып калдырганнар.²⁹ Бу урынны бу заманда да «Хәрабәле» дип атап йөриләр. Моннан тыш Яңа Сарай шәһәре жимерекләре арасында зур-зур дөрбә калдыклары булы хакында мәгълүматлар житәрлек.³⁰

Дөрбәләр татар мәдәниятендә әле бик начар өйрәнелгән истәлекләр рәтенә керәләр. Алар бүгенге көнгә кадәр юньләп барланмаган да. Әлбәттә, дөрбәләрнен татар мәдәниятендә таралышына XVI йөздән соң булган тирән тарихи сәбәпләр комачаулаган. Ләкин Төркиядә һәм Русия кулына XVIII-XIX йөзләрдә генә көргән Кырымда, Урта Азия якларында дөрбәләр кору бик нык үсеш алган. Татарстанның Алтын Урда дәүләте чорында төзелгән дөрбәләре белән төрек, азербайжан, казак, үзбәк, каракалпак дөрбәләре арасында форма һәм эчтәлек ягыннан тәңгәллек күзәтелә.

Төрек халкының дөрбәләре бу заманда яхши өйрәнелгән. Алар барчасы тупланып, паспортлаштырылып, аерым белешмәләр рәве-шендә матбуғатка да чыгарылганнар.³¹ Төрек дөрбәләренен бөтен ишләре барлангач, татарның исән калғын андый кабер корылмалары үрнәкләрен дә житди өйрәнү мөмкинлеге туды. Татарның да урта гасыр дөрбәләре төрекләрнеке кебек үк аерым атаклы кешеләрне жирли торган урын булган дип ышанып әйтә алабыз. Шулай ук Урта

Азиядәге дөрбәләр белән татарның арасында ошашлык зур. Тик христианнар кул астында милли һәм дини изелү татарның бу мәдәниятенән үсешен гарипләтеп, юкка чыгу хәленә китерде.

Тарихи планда татар дөрбәләренән жимерекләре фәкат археологлар тарафыннан гына узганда-барганды өйрәнеләләр. Ләкин архитектура, декоратив сәнгатъ материаллары буларак алар әлегә канәгатьләнерлек дәрәҗәдә тикшерелмиләр. Бу очракта санаулы берничә хэмәтне күрсәтергә мөмкин.³²

Татар тарихында сакланып калган дөрбәләрнең ин зурсы булып Шәһре Болгардагы «Кара Пулат» исеме белән мәшһүре тора. Кара Пулатның дөрбә буларак башлангыч чордагы декоратив бизәк элементлары югалган инде. Аның бинасының зурлыгы Истамбулдагы атаклы төрек солтаннары булган Сөләйман Шәүкәтле, Баязид II, Габделхәмид дөрбәләреннән әллә ни ким түгелдер. Алар кебек куб формасы өстенә сигез кырлы катлам үстереп өстен гөмбәз сыман итеп ябылган. Ләкин бизәлеш яғыннан алар белән һич ярышырлык хәлдә түгел. Төрекнәң күп кенә дөрбәләрнең сакланышына карап, Кара Пулатның да төзек чагын жиңел күз алдына китерергә мөмкин. Андый типтагы Урта Азия һәм Төркия дөрбәләренең эчке бизәлеше тубәндәгечә бәян ителә:

Бинаның эчке төзек дүрт кырлы торышы, аннан өстәрәк түгәрәк барабан рәвешендә килеше, өстә гөмбәз сыман төгәлләнгән түбәсе, зәңгәр эре орнаментлар белән ихаталарның бизәлеше, чинаяк кирпечләрдән эшләнгән декоратив терәү баганалары, металлдан бизәкләп эшләнгән тәрәзә рәшәткәләре мәһабәт бер илаһи күренеш хасыйл итәләр. Дөрбә идәненә яткырып, горизонталь рәвештә тезелеп киткән солтаннарның табутлары тора, һәр табутның баш ягы стенасына мәрхүмнәрнең исемтариҳлары матур каллиграфик сөлес почеркы белән язылган, ян стеналарында иман кәлимәләре эре итеп язылган, кырлары тәрле үсемлек орнаментлары белән бизәлгән. Табутның баш тарафы бер 30 см чамасы биегрәк. Табут өсләренә келәмнәр ябылган. Табутлар биеклеге идәннән алып 150-190 см җитә. Элбәттә, дөрбәләрнең зиннәтләнеше хәкемдарларның хәзинә капчыгына бәйле булган. Язмаларга караганда, Аксак Тимернең дөрбәсе бик зиннәтле эшләнгән. Кырым ханнарының күбесенең дөрбәләре сакланмаган, каберләре өстенә зиннәтләп эшләнгән мәрмәр ташлар гына куелган. (Бакчасарай кырыенда, атаклы Кырым ханы Минчләгәрәйнең һәм Чифет-Кала өстенә Алтын Урда ханы Туктамышның кызы Нәнкәжанның ябык дөрбәсе саклана.)

Казан шәһәре һәм аның тирәсендәге зиратларда дөрбәләр

Билгеле булганча, Казан шәһәре XIV гасырның ахырыннан булачак ханлыкның башкаласы рәвешенәнә акрынлап сәяси һәм икътисади үзгәрешләр кичереп үсә башлый. Аның дәүләт механизмы 1445 елдан ныгып алыш, әһәмияте тагын да қутәрелә.

Казанның үзенән дөрбәләр булганлыгы XVI гасыр урталарыннан мәгълүм. Казан ханлыгының күренекле шагыйре Мөхәммәдъяр үзенең бер әсәрендә Казан ханы Мөхәммәд-Әминнең дербәсендә мәжәвир булып торуы хакында язып калдырган.³³ Казан ханлыгын яулап алышга килгән урыс князе Андрей Курбскийның язмаларында Казанда хан сарае янында биш биек кабер өсте корылмасы (дөрбә) булуы хакында мәгълүмат теркәлгән. Атаклы Сөембикә манарасының Казан ханы Сафа Гәрәйнең дөрбәсе булуы хакында тарихи чыганаклар һәм тикшеренүләр бар. Ул дөрбә 1550 нче елларда «Хан морҗалы» («Хан кабере») дип йөртелгән.³⁴ Сөембикә манарасы кебек кабер өсте корылмалары Казахстан белән Кыргызстан чигендәге зиратларның берсендә күренә. Аның төzelеше Урта Азиядәге XII гасырда Өргәнеч шәһәрендә төzelгән Фәхретдин Рази, яки Бохарада X йөздә корылган Исмәгыйль Самани дөрбәләре конструкцияләренә туры килә. Шулай ук Сөембикә манарасына охшаган биналар 1459 нчы елда Фра-Мауро тарафыннан сыйылган дөнья картасында Алтын Урда шәһәре исемнәре язылган бер урында күрсәтелә. Әлеге һәйкәлнең Болгар шәһәре зиратындағы Кара Пулат белән уртак үзенчәлекләре булуы хакында да язалар.

Сөембикә манарасы янында борынгы ханнарның жимерелгән дөрбәләренең нигезләре сакланган булып, алар хәзер халыкка да күрсәтеләләр. Казанның XIV-XV гасырлардан калган зираты урында (хәзер Архиерей дачасы дип йөртелә), дөрбәләр нигезләре табылу ихтималы бар. Чөнки, бу урыннан солтан (хан токымы) кабер ташы табыла.³⁵

XVII гасырның икенче яртысында Казан өязе татарлары Биләр, Болгар шәһәрләре тирәләрендәге XIV-XVI йөзләрдән калган дөрбәләрне торғызалар, Биләр шәһәрендә үлгән ниндидер бер «патша» кабере янына күчеп утыруга рөхсәт алышыләр³⁶, ләкин алар теләкләренә ирешә алмыйлар. Казанның Мелла Маммай дигән зур укымышлысы XVII гасыр урталарында Болгар шәһәре тирәсендәге күп дөрбәләрне төзәттереп йөргән³⁷.

Болардан чыгып, татар халкының үз традицион мәдәниятен саклау өчен нинди авыр милли изелү елларында да чиксез зур тырышлык куюын күрәбез.

Татарстан зиратларында XVIII-XX йөз башларыннан калган дөрбәләр

Татарстанның XVIII йөздән сакланып калган дөрбәләре күп түгел. Алар хәзерге Әтнә районына кергән Түбән Бәрәскә авылында (12 нче рәсем) һәм Биектау районының Өлә-Казаклар, Яшел Үзән районының Мулла Иле авылы зиратларында сакланганнар.

Түбән Бәрәскә зиратында кирпечтән эшләнгән ике зур дөрбә саклана, алар 14-16 метр чамасындагы зурлыктагы дүрт стеналы йортны хәтерләтәләр. Шуларның берсенең урынында тимер рәшәткә бүгенгәчә сакланган (Равил Фәхретдиновның 1996 елғы тикшеренүләре буенча). Шинабетдин Мәрҗанинәң язына кара-ганды, дөрбә эченә күмелгән кабер иясенең өхлаксызы варислары аларны жимереп алыш сатып жибәргәннәр. Дөрбәләрнең берсе XVIII гасырда Түбән Бәрәскәнен мәдрәсә хужасы, атаклы мәдәррис Ибраһим бине Йосыф Бәрәскәвинеке була (1785 елда вафат). Әлеге мәдәрриснең дөрбә эчендә зур каллиграфик осталык белән язылган кабер ташы да саклана. Түбән Бәрәскә дөрбәләре икесе дә бер-берсенә ошаганнар, яндырылган кызыл, калын кирпечтән өелгәннәр. Түбә шикелле әйберләр юк. Дөрбәләрнең биеклеге 2 метр чамасы.

Ике кечкенәрәк кызыл кирпечтән эшләнгән дөрбә Өлә – Казаклар зиратында сакланган булган. Алар бу елларда жимерелеп бетеп барадар. Аерым кешеләрнең ул дөрбәләрнең кирпечләрен алыш үз кардәшләренең кабер кырыларына тезүләре күзәтелә. Әлеге кирпеч дөрбәчекләр зур түгел, гадәти ялгыз чардуганнан аз гына зуррактыр. Биеклеккә дә хәзер 30-40 см чамасы гына калганнар. Боларның кабер ташлары дөрбә стенасына кертең эшләнгәннәр. Төзелү вакытлары 1760 нчы елларга туры килә.

Арча районының Байкал (Яңа Тазлар) авылы зиратында ак ташлардан дүрт почмаклы 6-7 метр зурлыктагы стеналардан гыйбарәт XIX гасыр дөрбәсе саклана (13 нче рәсем). Аның биеклеге 90-100 см чамасы. Дөрбә эчендә берничә кабер ташы бар. Кызыл кирпечтән, дүрт стеналы итеп, 7-8 м чамасы зурлыктагы ике дөрбә Чистай шәһәр татар зиратында, XIX гасыр урталарында корылганнар. Биеклеке 2 метр чамасы. Эчендә ташлары юк.

Яндырылган кызыл кирпечтән эшләнгән өй сыман (түбәсез) дөрбә Байлар Сабасы зиратында булып, аның тик нигезе генә калган. Дөрбә Абалаковлар дигән сәүдәгәрләрнеке булып, 1940-50-нче елларда кирпеч хажәтә өчен сүтеп бетерелгән.

Саба районның Аккул Бигәнәй авылында да қыргый ташлардан өеп эшләнгән зур гына дөрбә барлыгы мәгълүм.

Әгержे районның Нажар авылында кызыл кирпичтән 6x5 м чамасында өйсүман итеп эшләнгән, түбәсез дөрбә бар. Аның тәрәзәләренә һәм ишегенә тимердән рәшәткәләр ясалган, эчендә ике кабер ташы саклана иде. Әгерже района Тирсә авылының таш һәм кирпичтән эшләнгән XVIII-XIX гасыр дөрбәләрен 1956-нычы елларда жимереп бетергәннәр.

Мөслим, Азнакай, Ютазы, Лениногорск h.б. районнар авылларында қыргый ак ташлардан, комташлардан төрле зурлыктагы, биеклеге 60-100 см га житкән дүрт почмаклы, алты почмаклы дөрбә үрнәкләре күп саклана. Ләкин аларны соңғы елларда колхоз рәисләренең үз белдеклекләре белән жимерту фактлары бар.

Әлмәт районның Чупай, Кичучат (14 нче рәсем), Миннебай авыллары зиратларында ак Чупай ташыннан төзек итеп киселгән блоклардан дүртпочмаклап эшләнгән сигез XIX-XX гасыр дөрбәссе саклана. Аларның зурлыклары:

1	753x577x127 см	Чупай зираты
2	610x370x122 см	Кичучат зираты
3	650x500x120 см	Миннебай зираты
4	370x305x40 см	Миннебай зираты
5	560x442x100 см	Миннебай зираты
6	722x448x142 см	Чупай зираты
7	323x204x120 см	Чупай зираты
8	250x200x30 см	Чупай зираты

Башка тәбәктәге татар зиратлары

Башкортостан республикасы Учалы районы Ахун авылының зиратында да қыргый ташлардан дүртпочмак рәвешендә кечкенә (ялгыз кабер) һәм зур периметрлы дөрбәләр күренәләр. Аларның биеклеге 30-40 см гына. Зурлыклары 10-12 метр, яки 1,5x2,5 метр итеп эшләнгәннәр.

Чиләбе өлкәсе, Верхнеурал районы Уҗайлыш авылы зиратында да қыргый ташлардан эшләнгән бер кечкенә, тәбәнәк дөрбә билгеләнде.

Ульяновск өлкәсе Зөя башы авылында атаклы Акчууриннарының ялгыз кабер өчен кызыл кирпичтән эшләнгән кечкенә дөрбәсе дә татарның зират культурасы традициясен саклау күренеше булып санала (15 нче рәсем).

Касыйм шәһәре дөрбәләре

Касыйм ханлыгының үзәге булган Касыйм шәһәрендә бүгенгә көндә берничә татар дөрбәсе үрнәкләре саклана. Алар үзләренең традицион төzelешләре буенча Алтын Урда дәвере hәйкәлләреннән нык аерылалар.

Татар мәдәниятенең бер үзәге булган Касыйм шәһәрендә беренче дөрбәне 1555 нче елда Шаһгали хан үзе өчен кордыра. Ул әувәлге традицион биналардан архитектурасы белән нык аерылып тора (16 нчы рәсем).

Дөрбә таштан, озынча, ике кубны бергә кушып ясаган туры-почмаклык рәвешендә эшләнгән. Түбәсе дә гадәти йортларны-кына охшаш, шулай да ишек, тәрәзәләре бар. Аның декоратив бизәкләре, чынаяк плитәләр белән бизәлгән урыннары юк. Ка-берләре аскы катта. Шуннан соң Касыйм шәһәрендә XVII гасыр уртасында икенче таштан эшләнгән «Әфган бәк» дөрбәсе Шаһ-галинекенә ошатып эшләнә (17 нче рәсем). Аның да Алтын Урда дөрбәләренеке кебек декоратив бизәкләре юк.

Моннан тыш Касыймның шәһәр зиратында берничә татар дөрбәсе саклануы хакында хәбәрләр бар. Ләкин алар бөтенләй өйрәнелмәгәннәр.

Касыйм шәһәрендә дөрбәләр, әлбәттә, тагын да булган. Кызы-гынычка каршы, аларны шәһәрдә татарлар саны бик аз калгач, жимереп йөрүчеләр дә табылып торган.

Касыйм дөрбәләренең кыйммәтле ягы – алар урта гасыр татар дөрбәләре чылбырын XVIII-XX гасырлардагы hәйкәлләр белән бәйләүче буын булып торалар. Касыймдагы андый истәлекләренең, дөрбәләрнең үрнәкләре XVIII-XX йөзләрдә Казан тирәсен-дәге татар авылларының зиратларында барлыкка киләләр.

Йомгак

Бәян ителгән дөрбәләр тарихыннан күренгәнчә, әлеге кабер өсте корылмасының тамырлары ерак гасырлар эченә кереп югала. Без аларның гади формаларын моннан ике мең ел элеккे төрки бабаларыбыз-ның каберләре өстенән күрәбез. Татарлар ислам диненең суфийчылык юнәлешен тота башлагач, Урта Азиядә барлыкка килгән Карабах-нилар дәүләтендә X-XI йөзләрдә кабер өстенә яңа төр hәйкәлләр кору дәвере башлана. Элбәттә, бу яңа hәйкәл-дөрбәләр барлыкка килүү, суфийчылык идеологиясе нигезендә, борынгы төрки каберлек корыл-малары системасына таянып эшләнә hәм торган саен камилләшә бара. Дөрбәләрнең төп формалары Урта Азиядәге Карабанилар hәм Хәрәзем

дәүләтләрендә шәкелләнеп бетә, Алтын Урдада тагын да камилләшеп китә. Алтын Урда дәверенә татар дөрбәләре, эшләнешләре ягыннан, өч архитектура тибына бүленә: 1) ханнар; 2) аларның хатыннары һәм якыннары; 3) дин әһелләре, дәүләт чиновниклары өчен.

XVI гасырда Казан, Эстерхан, Себер, Олы Урда ханлыклары жимерелгәч һәм Касыйм ханлыгы да нык кысылгач, татарларда дөрбә төзү культурасы сүнеп, бары Кырым үзәгендә, төрекләр кул астындагы, Кара Дингез буйларындагы жирләрдә генә кала.

XVII гасыр дөрбәләреннән Касыйм шәһәрендәге Әфган бәк дөрбәсе генә мәгълүм булып, башка татар дөрбәләре сакланмаган. Әфган бәк дөрбәсе дә традицион татар һәйкәлләреннән бик ераклашкан, гадиләшкән. Касыйм дөрбәләренең билгесез үрнәкләрен тагын да эзләгәндә, яңа табышларга юлыгу өмете юк тугел әле.

XVIII гасырда дөрбәләр кору бераз гына жанланып китә. Алар зур кызыл кирпичләрдән, дүрт стеналы йорт сыман, өсләре ябылмыча эшләнгән, төрле зурлыктагылар бар. Мондый дөрбәләр нигездә Казан тирәсе районнарында күренә. Шулай ук бу дәвердә өсләре ябылмыча, кыргый ташлардан стеналар өеп эшләнгәннәре булуы да мөмкин. Ләкин андый дөрбәләр янында язулы ташлар булмау төзелү вакытларын төгәл аныклауны кыенлаштыра.

XIX гасырда кызыл кирпичтән йорт сыман эшләнгән ачык өсле дөрбәләр, шулай ук киселгән ак ташлардан һәм кыргый ак ташлардан эшләнгән ачык өсле дөрбәләр саны күбәя. Бу дөрбәләрдә күпчелек очракта берәр кабер булып, гайлә зиратына әйләнеп киткәннәре бар.

XX гасырның 20-нче елларына кадәр ак ташлардан кисеп эшләнгән берничә дөрбә мәгълүм. Гасыр ахырында гына ябык түбәле, шагыйрь Габдерәхим Утыз Имәни дөрбәсе төзелде (Татарстанда). Ул тарихи шәхескә Татарстан хөкүмәтенең бүләге булды. Яңа дөрбә куйганчы анда кыргый ташлардан эшләнгән, бисеклеге 80 см чамасы булган дүрт кырлы иске дөрбә тора иде.

Заманында татар халык шагыйре Габдулла Тукайга да дөрбә проекты эшләнгән булган. Аны беренче профессиональ татар архитекторы профессор Исмәгыйль Гайнэтдинов эшләгән иде, ләкин кызганычка каршы, ул проектны оныттылар. Әлбәттә, күренекле кешеләребез өстенә хөрмәтләп монументаль дөрбәләр ко-рыла башласа, борынгы традицияләребез яңарып та китәр иде.

Искәрмәләр:

¹ Bayrak Orhan M. Turbeler sozluğu – Baskı: 1998, Mezarlıklar Vakfı Yayımları, 1998.; Труды Орхонской экспедиции. Атлас древностей Монголии, изданный по поручению Императорской Академии Наук. – СПб.: Типография Императорской Академии Наук,

- ¹ 1892 (Mogolistan Tarihi Eserleri Atlasi. Secilmis Sayfalar. – Ankara, 1995. – (төрек нәм инглиз телләренә тәрҗемәдә чыккан басмасы. – М.Ә.); Dr. Kadir Pektaş Bitlis tarihi mezarliklari ve mezar taslari. – Ankara, 2001; Hans – Peter Loqueur. Huvel – Baki. Istambulda osman li mezarliklari ve mezartasları – tarih vakfiyurt yainlari, 1997.
- ² Ргбеладзе Э.В. Мавзолеи Маджара //СА. – 1970, №1. – Б.271 – 277; Левашов В.П. Золотоординские памятники в Воронежской области (Горн. Мавзолей) // Тр. ГИМ. Выпуск 37. – М.: Изд – во «Советская Россия», 1960. – Б.179 – 185; Ахмеров П.И. Надписи мечети Х.А.Ясави //ИОАИЭ. – Казань, 1895 – 1896. – Т.ХIII, вып.1 – 6.; Маньковская Л.Ю. К изучению приемов среднеазиатского зодчества конца XIV века (мавзолей Ахмеда Ясави) //Искусство зодчих Узбекистана. – Ташкент, 1962; Баллод Франс. Старый и Новый Сарай, столица Золотой Орды (результаты археологических работ летом 1922 года) // ТА. – 1998, №1(2). – Б.14 – 31; Академик Бартольд В.В. Новые данные о Самаркандских памятниках //Академик Бартольд В.В. Сочинения. – М.: Изд – во «Наука», 1966. – Том. IV. – Б.238 – 242; Смирнов А.П. Среднеазиатские элементы в архитектуре и строительном деле волжских болгар //Средневековые памятники Поволжья. – М.: Изд – во «Наука», 1976. – Б.3 – 6; Носкова Л.М. Мозаики и майолики из средневековых городов Поволжья //Средневековые памятники Поволжья... – Б.7 – 37.
- ³ Исторические памятники ислама в СССР. – Духовное управление мусульман Средней Азии и Казахстана. – Ташкент, без даты издания; Басенов Т. Комплекс мавзолея Ахмеда Ясави. – Алма – Ата: «Өнер», 1982; Есбергенов Х. Намогильные камни из Кетен – Калы и Мазлумхансулу с надписями мутазилитского толка //Өзбекстан ССР Илемлер академиясы, Каракалпакстан филиалының хабаршысы. – Нөкис, 1976. – №2.
- ⁴ Торгово-промышленный адрес-календарь мусульман Восточно-Приуральского края 1901 года. – СПб.: Типолитография И.Бораганского, 1901; Әхмәтҗанов М. Халкы-бызының урта гасыр сөнгате тарихына яңа сәхифәләр // Татарстан. – 1997. №2. – Б.48 – 55; Фахрутдинов Равиль. Кочевой мир средневековой Евразии (Обзор археолога – исторической литературы второй половины XX в.) // ТА. – 1998, №2(3). – Б.25 – 46; Армарчук Екатерина. Мавзолей Тюрабек – ханым в Старом Ургенче: форма, функция и возраст //ТА. – 2001, №1 – 2 (8 – 9). – Б.188 – 210; Валеев Ф.Х., Валеева – Сулейманова Г.Ф. Древнее искусство Татарстана. – Казань: ТКИ, 2002. – Б.101.
- ⁵ Мәрҗани Ш. Мәстәфадәл – әхбар фи әхвали Казан вә Болгар. – Казан, 1897. – I т. – Б.93 – 95; Вәлиди Ә. – З. Кыскача төрек-татар тарихы. Икенче басмасы. – Казан: «Сабах» ширкәте, 1917. – Б.5 – 15; Губайдуллин Г.С. К вопросу о происхождении татар // ВНОТ. – Казань, 1928. – №8. – Б.131, 132; Гумилев Л.Н. Древние тюрки. – М.: Изд – во «Наука», 1967. – Б.31; Мухамедъяров Ш.Ф. Основные этапы происхождения и этнической истории татарской народности // VIII Международный конгресс этнографических и антропологических наук (Токио, сентябрь 1968). – М., 1968. – Б.5,6; Фәхретдинов Р.Г. Татар халкы нәм Татарстан тарихы. – Казан: «Мәгариф» нәшрияты, 1996. – Б.39, 41, 2000, 43, 45; Фәхретдинов Р. Татар тарихы (кыскача басма). – Казан: «Мәгариф» нәшрияты, 1999. – Б.14; Фахрутдинов Р.Г. Проблема формирования татарской народности в современной исторической литературе // Ислам в Евразии. – М.: «Прогресс – Традиция», 2001. – С.123 – 127; Әхмәтҗанов М. Нугай Урдасы: татар халкының тарихи мирасы. – Казан: «Мәгариф» нәшрияты, 2002. – 343 б.
- ⁶ 1997 – 2002 нче елгы экспедицияләрдә тупланган материаллардан. Зиратларда тупланган шундый чардуган-буруларның берсенең фотосурәтә күшымтада бирелә (1 нче рәсем).
- ⁷ По следам древних культур. От Волги до Тихого океана. – М.: Гос. изд – во культурно – просвет. литературы, 1954. – Б.240 – 241 (Күшымта сурәтләр).
- ⁸ Mogolistan tarihi Eserleri Atlasi. – Ankara, 1995. – Б.12,13.
- ⁹ Әхмәтҗанов М. Борынгы балбал //Из истории Альметьевского региона. – Альметьевск, 1999. – Б.314 – 318.
- ¹⁰ История Казахской ССР. Том.1. – Алма – Ата: Изд – во АН Казахской ССР, 1957. – Б.92 – 93.

- ¹¹ Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Изд – во «Наука», 1981. – Б.20.
- ¹² Шунда ук. – Б.218.
- ¹³ Эхмәтҗанов М. Улгәннәрнең кадерен бел. – Казан: «Мәгариф» нәшрияты, 2000. – Б.103, 116, 117.
- ¹⁴ Фәхретдинов Р.Г. Татар халкы һәм Татарстан тарихы.... – Б.91.
- ¹⁵ Фәхретдинов Р. Татар тарихы... – Б.14.
- ¹⁶ Есбергенов Х. Намогильные камни из Кетен-Калы и Мазлумхан-сулу с надписями музатилитского толка // Вестник Каракалпакского филиала Академии Наук Узбекской ССР. Нукус. – 1976. №2. – Б.75 – 81.
- ¹⁷ Смирнов А.П. Среднеазиатские элементы в архитектуре... – Б.3 – 37.
- ¹⁸ Есбергенов Х. Намогильные камни... – Б.77. Әлеге шигырь иске фарсы теленә булып, аны урыс теленә тәржемә итеп бастырганнар.
- ¹⁹ Шунда ук. – Б.79.
- ²⁰ Шунда ук. – Б.80.
- ²¹ Червонная Светлана. Мусульманская эпиграфика (резные надгробные камни) в Крыму // ТА. – 1997, №1. – Б.111.
- ²² История Узбекской ССР. Том первый. – Ташкент, 1967. – Б.340.
- ²³ Исторические памятники ислама в СССР. Духовное управление мусульман Средней Азии и Казахстана. – Ташкент (Альбом чыгу елы 1960 нчы елларда булса кирәк, күрсәтмәгән. – М.Ә.); Армарчук. Мавзолей Тюрабек-ханым... ТА, № 1 – 2, 2002.
- ²⁴ Басенов Т. Комплекс мавзолея Ахмеда Ясави. – Алма – Ата: «Өнер», 1982. – Б.18.
- ²⁵ Сибгатуллина А. Суфизм в татарской литературе (истоки, тематика и жанровые особенности). Автореф. дисс... доктора филол. наук. – Казань, 2000. – Б.21.
- ²⁶ Юсупов Г.В. Введение в булгаро – татарскую эпиграфику. – М. – Л.: Изд – во АН СССР, 1960. – Б.111 – 119.
- ²⁷ Татарстан Республикасы Фәннәр Академиясенең Галимҗан Ибраһимов исм. Тел, әдәбият һәм сөнгать институты, Кульязмалар һәм текстология бүлеге Мирасханәсе: 39 кол. – 1 тасвир. – 6382 сак. бер.
- ²⁸ Татарский энциклопедический словарь. – Казань: Институт татарской энциклопедии АН РТ, 1999. – Б.646.
- ²⁹ Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII – XIV вв. – М.: Наука, 1985. – Б.117.
- ³⁰ Рәхим Г., Газиз Г. Татар әдәбияты тарихы. Икенче басма. – Казан, 1925. – Б.68 – 69; Челеби Эвлия. Книга путешествия. – М., 1972. Выпуск 2. – Б.140 – 141.
- ³¹ M.Orhan Bayrak. Turbeler sozlugi Mezarliklar vakfi Yainlari, 1998.
- ³² Валеев Ф.Х., Валеева-Сулейманова Г.Ф.. Древнее искусство Татарстана. – Казань: ТКИ, 2002; Смирнов А.П. Волжские булгары. – Б.208 – 209 и др.
- ³³ Мөхәммәдъяр. Нуры Содур. – Казан: ТКИ, 1997. – Б.9.
- ³⁴ Эхмәтҗанов М. «Хан моржаль» //Мирас. – 2002, №4. – Б.43 – 45.
- ³⁵ Юсупов Т.В. Введение... – 2 нче таблица.
- ³⁶ Эхмәтҗанов М. Татар кульязма китабы. – Казань: ТКН, 2000. – Б.79.
- ³⁷ Борынгы татар әдәбияты. – Казан: ТКН, 1963. – Б.489, 490.

Марсель Ахметзянов. К истории татарских мавзолеев (резюме)

Надгробные сооружения татарского народа, традиция установления которых уходит в глубь веков, имеют богатую историю развития. Однако вопрос их изучения в исторической науке как системного явления не подымался. Имеются лишь археологические наблюдения, по которым можно судить о наличии или отсут-

ствии, о строительном материале, об особенностях декоративного оформления и размерах площади занимаемого руинами конкретного памятника. Есть некоторые наблюдения исследователей-архитекторов. Однако они также интересуются лишь с точки зрения канонов исследования архитектурного сооружения.

В данной статье ставится проблема исторического развития, географии распространения типов татарских надгробных сооружений как единой системы культовых сооружений. В работе использованы материалы эпиграфических экспедиций, собранные автором в течении более чем 30 лет. Для сравнительного материала были извлечены сведения о надгробных сооружениях древних тюрков, турок, хорезмийцев, караханидов, нивхов, встречающихся в трудах русских, турецких, татарских авторов, изданных в XIX-XX вв.

У татарского народа до первой четверти XX в. были известны два вида надгробных сооружений - деревянные и каменные (иногда кирпичные).

1. О деревянных сооружениях. Деревянные сооружения надгробного характера в своей классической форме представляют собой бревенчатые маленькие срубы из 5 до 12 венцов, размерами примерно 240x130x100 см. Диаметр бревен (они обычно из осины или ели) колеблется от 12 до 14 см. Они характерны всем этническим группам татар-мусульман и встречаются на кладбищах татар от берегов Волги до Красноярского края. Однако со второй половины XX в. установление деревянных срубов на кладбищах резко уменьшилось (особенно в районах компактного проживания татар Поволжья), сохраняясь при этом на периферийных татарских районах Сибири. Их стали вытеснять металлические могильные ограды из труб, железной арматуры, литые ограды, сделанные из чугунных, легкоплавимых металлических шлаков.

Судя по рукописным источникам (на татарском языке), надгробные срубы впервые упоминаются в XVIII в. Однако сравнительно-типологические изучения надгробных сооружений коренных народов Приамурья (у которых сохранились в консервированной форме древнейшие обычаи) позволяют провести параллели их схожести с татарскими надгробными срубами, что не встречаются в культуре других народов Среднего Поволжья и Приуралья. Считаем, что татарские надгробные срубы и мавзолеи в сравнении с мавзолеями из бревен и досок народности нивхов – генетически восходят к одной культуре Дальнего Востока. Орнаментальные украшения мавзолеев нивхов напоминают де-

коративные узоры современных татар и казахов. Эти факты весьма интересны. Отсюда напрашивается вывод о том, что древние предки современных татар и казахов проживали в одном географическом регионе с предками современных нивхов. Общие климатические условия приводили к возникновению общих культурных черт. Видимо, местами проживания древних татарских и нивхских племен была лесостепная зона Дальнего Востока.

Население лесо-степной зоны по мере хозяйственного освоения пустынных степей Срединной Азии вырабатывало новые черты своей духовной культуры. Отсутствие лесоматериалов в степях заставили их заменить надгробные срубы на каменные могильные ограды. Однако это не означает, что они совсем откаzzались от срубных надгробных сооружений. Татарские племена частично еще в XII-XIII вв. проживали в регионе Приамурья и только в первой четверти XIII в. были вовлечены в движение на запад под предводительством Чингис-хана.

Основная масса татарских племен после разгрома Тюркского каганата в VIII в. Китайской империей продвинулась на запад и в степях между Уральскими горами и рекой Иртыш создали Кимакский каганат, который просуществовал еще и в X в.

В VIII в. после гибели Тюркского каганата многие тюрки, спасаясь от уничтожения китайцами, продвинулись на Запад. В начале IX в. мы видим тюрков уже в Багдадском халифате в качестве мусульман. Даже потомок тюркского кагана, приняв ислам в Багдадском халифате, занимал высокие государственные должности. Как сообщает арабский поэт IX в. Ибн аль-Муаттаза (861-908) в своей книге «Китабель-Аврак»*, в халифате тогда проживали и находились на службе тысячи тюрков-мусульман.

Проникновение ислама в среду тюрков усилилось также в Хорезме, Западном Туркестане и Средней Азии. Судя по запискам Ибн Фадлана, арабского путешественника и дипломата начала X в., кочевые огузские племена на севере Хорезма были на грани принятия ислама. Часть кимаков в начале XI в. проникли в степи южного Поволжья. Западные кимаки под названием кипчаков к середине XI в. завладели донскими степями.

Некоторые образцы кимакских надгробных сооружений также были обнаружены в Альметьевском районе.

* Абу Бакр Мухаммад бин Йахия. Китаб ал-Аврак (Книга листов). Критический текст и русский перевод В.И.Беляева и А.Б.Халилова. - СПб., 1998.

Проникновение ислама в среду тюрков не смог вытеснить религиозную систему Тангрианства. Ислам проникал в среду тюрков из Ирана в виде суфийских воззрений. Суфизм был демократичным по отношению старой веры тюрков и, поэтому, пережитки Тангрианства сохранились у современных тюркских народов до XXв. Поэтому строительство надгробных каменных сооружений, усилившееся в период Тюркского каганата, стало развиваться, не встречая запретов суфизма X-XII вв., тогда как официальный ислам относился к этому отражению возвеличивания культа предков отрицательно.

Первые образцы новых видов надгробных сооружений из кирпича и камня известны в Бухаре. В дальнейшем их строительство распространилось в Карабахском государстве и Хорезме. После объединения татарских племен запада (кимаков и кипчаков) Батый-ханом в 1236г. и создания государства Улуса Джучи, из хорезмийских и Карабахских земель многие татары-мусульмане, переехав степи Поволжья и Подонья, основали более 100 городов. Часть местных кипчаков, также пополнили число населения татарских городов Золотой Орды. Татары из Хорезма и Семиречья перенесли на Волжские и Донские степи архитектурное наследие градостроительства. Часть кочевых татар продолжала вести свой традиционный образ жизни.

К 1280 годам татары Восточной Европы стали на ступень пожилого возраста поколений. Тогда они начали возрождать традиции строительства каменных надгробных сооружений и установления эпиграфических памятников над усопшими. Как пишет доктор искусствоведения Светлана Червонная, в Восточной Европе до образования государства Золотой Орды не было обычая установления эпиграфических памятников и дюрб.

Образцы памятных дюрб и эпитафийных надписей были в каждом городе или даже в степях. Время и христианский фанатизм со второй половины XVII в. стали безжалостно уничтожать эти святыни татарского народа. Этот вандализм продолжался до 1960-х годов. Лишь немногие образцы средневековой татарской культовой архитектуры - дюрбы, мечети, эпитафийные надписи - чудом сохранились на городище Булгар и его окрестностях, на Северном Кавказе и в Крыму и кое-что в Предуралье.

Татарские дюрбы дошли до наших дней весьма в плачевном состоянии. Однако в сравнении с хорошо сохранившимися образцами дюрб Средней Азии и Турции, их первоначальный облик легко можно восстановить. Лучшим образцом татарской дюрбы

середины XIV в., сохранившимся до начала XXI в., является «Кара Пулат» г.Булгара - немалого улусного центра Золотой Орды.

Со второй половины XVI в. традиция строительства татарских дюрб переживает упадок. В архитектурном отношении они потеряли свои традиционные облики, лишены декоративно резных украшений. Татарские дюрбы, построенные с XIV в. до сер. XVI в. - 1552 годах, по своим типам можно разделить на три группы:

1. Дюрбы ханов.
2. Дюрбы их жен и близких.
3. Дюрбы духовных лиц и богатых людей.

В XVII в. были попытки имама г.Казани Мамая и миразы Яушева восстановления разрушенных татарских дюрб городов Булгары и Биляра. Однако их дела были пересечены колониальной администрацией Казани.

В XVIII-XX вв. (в 1920 гг.) на татарских кладбищах Ср.Поволжья и Приуралья возникли очень простые, четырехстенные мавзолеи, созданные из кирпича, обработанного и дикого камня, площади которых колебались от 120x250 см до 650x750 см высотой до 140 см. Некоторые из них были разрушены в 1960-1990 годах, другие переживают бурный разрушительный процесс.

Конечно, целесообразно было бы восстановление подобных памятников культуры и архитектуры прошлого. В этом направлении есть сдвиги по памятникам гг.Булгара, Касимова, Чишминских памятников. Построена дюрба над могилой известного татарского поэта, мыслителя и филолога Г.Утуз-Имяни в 1990 годах. В 1946 году архитектором И.Г.Гайнутдиновым был создан проект мавзолея над могилой народного поэта Тукая. Однако состояние памятников архитектуры во многих районах остаются в весьма неудовлетворительном виде.

Как показывают факты истории, надгробные сооружения татарского народа имеют многовековую традицию развития. Многие монументальные образцы надгробных сооружений татар, сохранившиеся до настоящего времени, являются частью золотоордынской мусульманской культуры. Эта культура имела влияние в свою очередь на русскую архитектуру. Образцом влияния татарских архитектурных сооружений является памятник павшим при завоевании Казани 1552 г.

Рис. 1. Красноярский краеның Долгово авылы татар зиратындагы кабер өсте бурасы.
И.Габдуллин фотосы, 2002 ел.

Намогильный сруб на кладбище дер.Долгово Красноярского края. Фото И.Габдуллина,
2002 г.

Рис. 2. Амур елгасы буйларында яшәүче Гиляк (нивх) халкының кабер өсте бурасы.
XIX йөздө ясалған рәсем.

Намогильный домик народности Гиляк (нивхи), живущих в бассейне р.Амур. Рису-
нок XIX в.

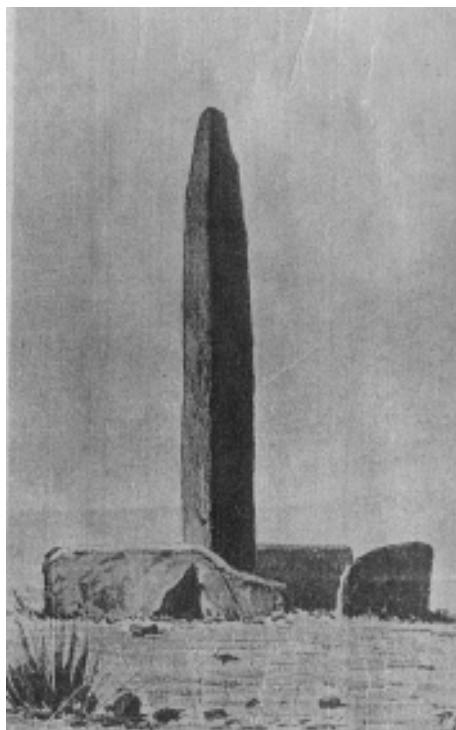
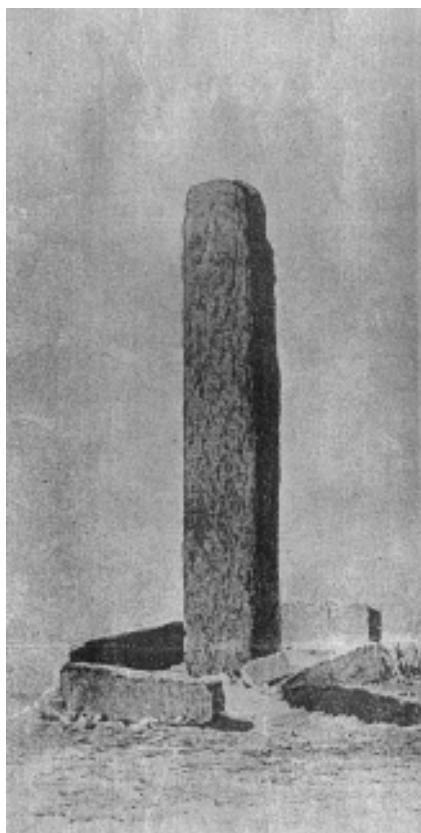

Рис. 3. Узек Азия (Төньяк Монголия). Борынгы төркилөрнен безнец эраның VI-VIII йөзлөрдөгө кабер өстө корылмалары, Орхон узәне. XIX гасырда ясалган сурэтләр.

Центральная Азия (Северная Монголия). Обелиски VI-VIII вв. древних тюрков, Орхонская долина. Рисунки сделаны в XIX в.

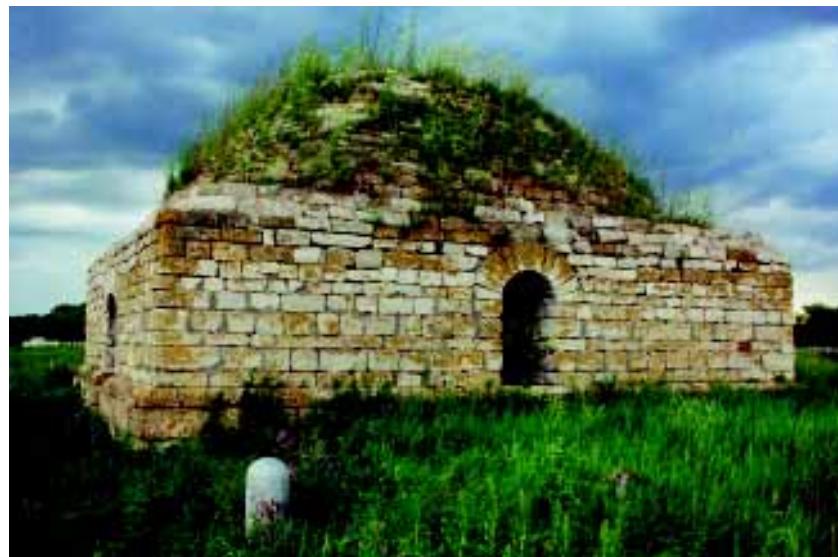

Рис. 4. Башкортостан, Чишмә станциясендәге татар зиратында Хөсәен бәк дәрбәссе (1340 нчы ел). Дәрбә 1930 нче елларда реставрацияләнгән. Автор фотосы, 2002 ел.

Мавзолей Хусайн-бека на татарском кладбище станции Чишме Башкортостана, 1340 г. Мавзолей был отреставрирован в 1930-х годах. Фото автора, 2000 г.

Рис. 5. Тура хан дәрбәссе (Башкортостаның Чишмә районы Тирмә авылы). Автор фотосы, 2000 ел.

Мавзолей Тура хана (Башкортостан. Чишминский район, с.Тирма). Фото автора, 2000 г.

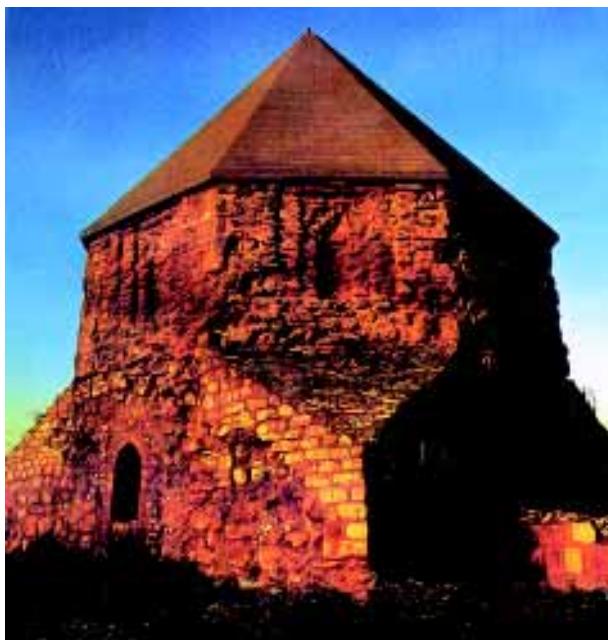

Рис. 6. Шәһре Болгардағы кече дөрбөлөрнен берсе («Көңчыгыш дөрбө»). XIV гасырның беренче яртысы. Р.Мөхәммәтҗанов фотосы, 1993 ел.

Один из малых мавзолеев города Булгара («Восточный мавзолей»). Первая пол. XIV в. Фото Р.Мухаметзянова, 1993 г.

Рис. 7. Бакчасарай шәһәре янындагы Туктамыш хан кызы Нәнкәжан дөрбәссе. XV гасырның беренче чираге. К.Фәхретдинов фотосы, 1997 ел.

Мавзолей Нанкаджан, дочери Туктамыш-хана около Бахчисарая. Первая четверть XV в. Фото К.Фахрутдинова, 1997 г.

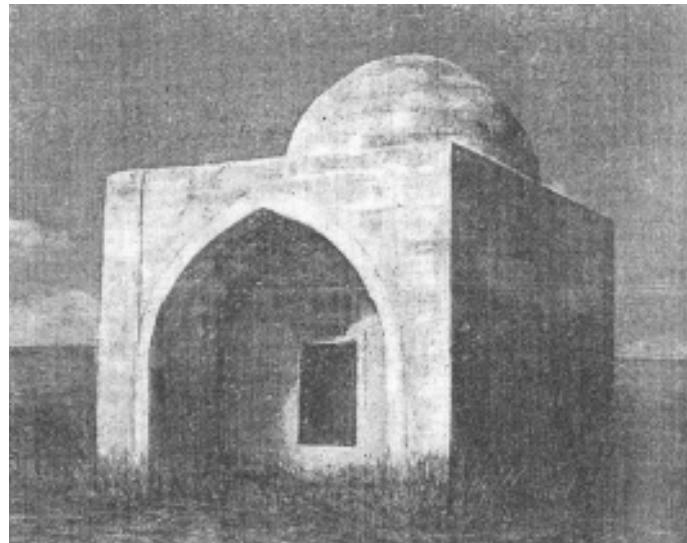

Рис. 8. Төньяк Кавказда Плиево исемле ингуш авылы янындагы Бәксолтан Ходайнад углы дәрбәсе («Борга-Каш»).

Мавзолей Бек-Султан-Худайнада (мавзолей «Борга-Каш») — выходца из Крыма в 1406 г. Окрестности ингушской деревни Плиево на Северном Кавказе.

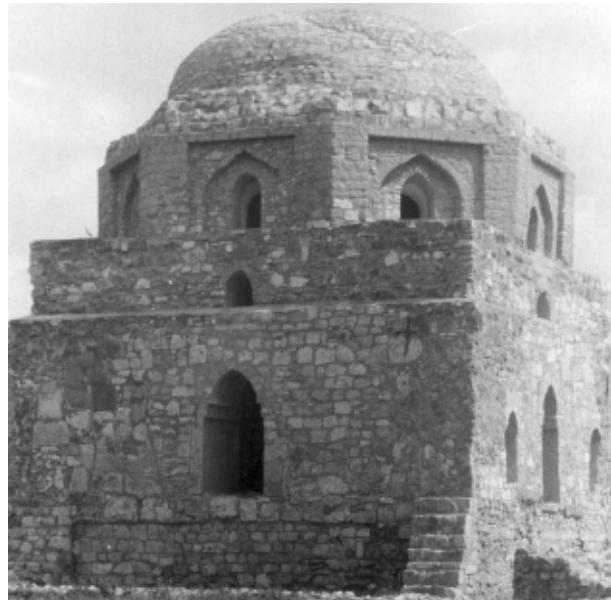

Рис. 9. Шәһре Болгардагы «Кара Пулат». XIV гасыр уртасында төзелгән. Р.Фәхретдинов фотосы, 1986 ел

Черная Палата в городе Булгар. Середина XIV в. Фото Р.Фахрутдинова, 1986 г.

Рис. 10. Истамбулда солтан
Габделхэмид дөрбәсе.
Мавзолей султана Абдул-Ха-
мида в Стамбуле.

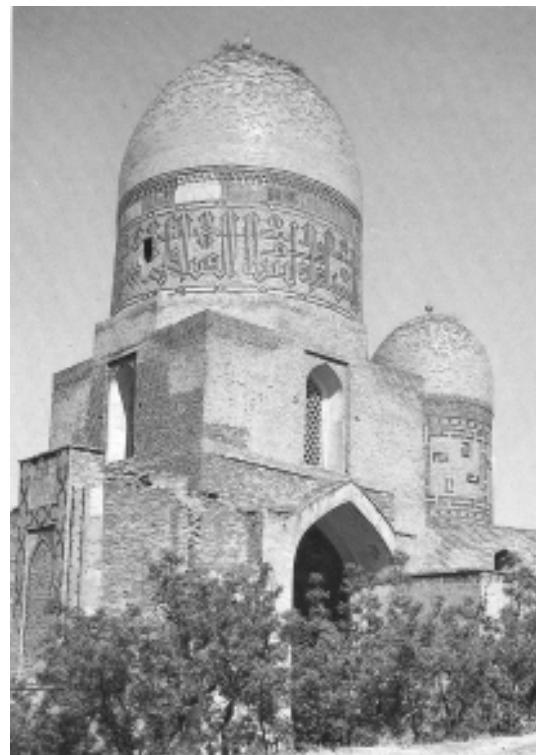

Рис. 11. Семәрканд шәһәрендә
XV гасырда корылган Казый Задә
Руми («Шәхи-Зинда») дөрбәсе.
Мавзолей Кази-Заде-Руми,
(«Шахи-Зинда»), построенный в
Самарканде в XV в.

Рис. 12. Татарстан, Этнө районны Түбән Бәрәскә авылындагы зиратта сакланучы Ибраһим Бәрәскәви дөрбәсе (1785 ел). Р.Фәхретдинов фотосы, 1996 ел.

Мавзолей Ибрагима Берескеви, находящийся на кладбище с. Нижняя Берескес Атнинского района Татарстана (1785 г.). Фото Р.Фахрутдинова, 1996 г.

Рис. 13. Татарстанның Арча районы Байкал (элекке Яңа Тазлар) авылы зиратындагы кызыл кирпичтен әшілгенгән дөрбә харабәләре, XIX гасыры. Р.Фәхретдинов фотосы, 1996 ел.

Развалины мавзолея из красного кирпича, находящегося на кладбище дер. Байкал (прежнее Новое Тазларово) Арского района Татарстана, XIX в. Фото Р.Фахрутдинова, 1996 г.

Рис. 14. Татарстан, Элмәт районы Кичучат авылы зиратындағы XX гасыр башы дөрбәсенең аскы өлеши.

Нижняя часть мавзолея начала XXв. на кладбище дер.Кичучатово Альметьевского района Татарстана.

Рис. 15. Ульяновск өлкәссе Зөябашы авылындағы татар зиратында сакланучы кызыл кирпектән эшләнгән, Акчуриннарга мәнәсәбәтле дөрбә, XIX йөз. Н.Таиров фотосы, 2001 ел.

Остатки мавзолея, относящегося к фамилии известных фабрикантов и меценатов Акчуриных. Кладбище с.Зуябаш совр. Ульяновской обл. Из красного кирпича, XIX в. Фото Н.Таирова, 2001г.

Рис. 16. Касыйм шәһәрендә 1555 нче елда корылган Шаһгали хан дөрбәсе. Арткы планда XV йөз мәчет манарасының өске өлеше күренә.

Мавзолей хана Шах-Али, построенный в г.Касимове в 1555 г. На заднем плане видна верхняя часть минарета мечети XV в.

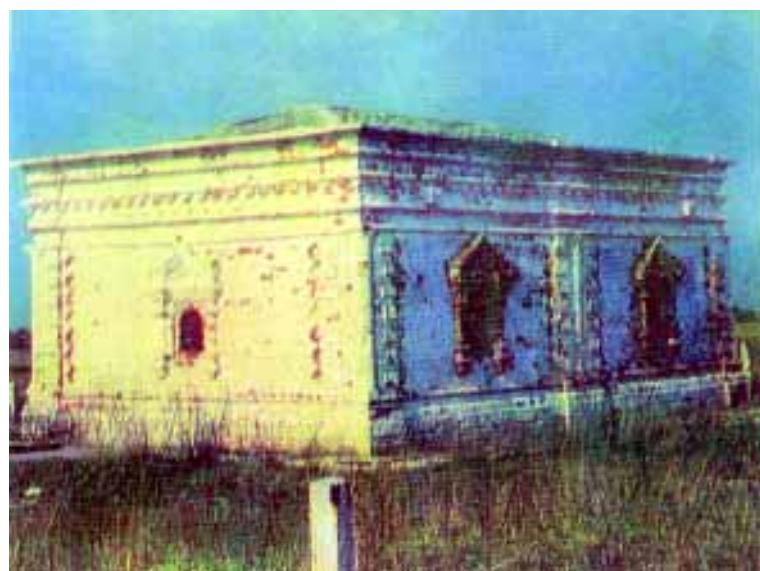

Рис. 17. Касыйм шәһәрендә 1640-1650 нче елларда корылган Эфган бәк дөрбәсе. Мавзолей Авган-бека, построенный в г.Касимове в 1640-1650гг.

**Рамазан Керейтов, Светлана Червонная
Эпиграфика Ногайской степи**

Мусульманские некрополи и отдельные резные надгробные камни, географический ареал распространения которых образует Ногайская степь (широкая равнинная полоса в предгорьях Северного Кавказа в междуречье Терека и Кумы), а также прилегающие к ней регионы (на западе до Крыма и Северного Причерноморья, до степей Добруджи и на востоке до северо-западных берегов Каспийского моря, до низовьев и устья Волги) и происхождение которых связано с ногайской этнической культурой, занимают особое, по-своему исключительное положение как в истории эпиграфики, так и в историографии, связанной с исследованием этого феномена в мировой и отечественной тюркологии.

Эта исключительность в историографическом аспекте носит, к сожалению, печальный и негативный характер. Если булгаро-татарская и крымскотатарская эпиграфика, - и та, и другая во многом родственная ногайской, развивавшаяся синхронно и параллельно с ней в культурном пространстве Золотой Орды и тех ханств, на которые Золотая Орда распалась в 15 веке, – давно стала предметом специальных историко-археологических, филолого-лингвистических, искусствоведческих исследований, музеиного коллекционирования (собрания Государственного Эрмитажа, Государственного исторического музея в Москве, Национального музея Татарстана в Казани, краеведческих музеев в Симферополе и Феодосии, отдельных лапидариумов – музеев каменных надгробий в Булгаре, в Бахчисарае, в Старом Крыму) и получила, можно сказать, уже фундаментальное обеспечение в научной литературе¹, то собственно ногайская эпиграфика практически выпала из этого ряда и не обрела до сих пор ни адекватного отражения и «представительства» в музейных коллекциях и экспозициях, ни прочной историографической традиции, на которую авторы настоящей статьи могли бы опереться. Нам приходится начинать исследование ногайской эпиграфики практически с нулевой отметки, используя полевой материал наших экспедиционных исследований и привлекая существующую профессиональную литературу, главным образом, для компаративного сопоставления собственно ногайских памятников (которые в этой литературе никак не отражены) с эпиграфикой соседних регионов (Крыма, Поволжья) и народов, чей этногенез включал разнообразные контакты, связи, переплетения, элементы общности с ногайским этническим субстратом.

Историко-культурологические и художественные особенности ногайской эпиграфики определяются прежде всего самим ее положением в контактной зоне соприкосновения степных и горских, тюркских и кавказских культур, в транзитной области прохождения Великого шелкового пути; а также особенно устойчивыми традициямиnomадизма в хо-

зяйственном укладе, в быту, в кочевническом образе жизни ногайского народа. Отсюда, с одной стороны, чрезвычайная «открытость» ногайской эпиграфики, ее вовлеченность в разветвленную систему культурных связей, подверженность влияниям и с юга, и с севера, и с запада, и с востока, прежде всего сильным влияниям некоторых кавказских культурных комплексов (вайнахского, осетинского, адыгского), что гораздо реже встречается или вовсе не прослеживается в других регионах (или эпиграфических школах-системах) тюрко-мусульманского мира. С другой стороны, в ногайской эпиграфике, – гораздо сильнее, чем в искусстве надгробий оседлых, земледельческих народов, формирующих государства, чьи столицы и культурные центры становятся уже в эпоху Средневековья опорными пунктами исламской цивилизации, – выражены древние, доисламские, восходящие к тенгризму (тенгрианству), к языческому политеизму тюркских скотоводов-кочевников представления, законсервирована система знаков и символов (родовые тамги, изображения оружия, некоторые астральные, «звериные» и иные мотивы), давно утраченные в «классических» школах тюрко-мусульманской эпиграфики. Отчасти все это делает ногайскую эпиграфику более эклектичной, чем, к примеру, строго выдержаные в определенном стиле (по классификации Г.В. Юсупова в «первом», определяемым пластической выразительностью почерка «сульс», или во «втором», формируемым на графической основе геометрического «куфи») булгаро-татарские надгробия золотоордынского периода. Эта эклектичность, – в разные исторические периоды по-своему, – распространяется и на разнообразные формы архитектурных конструкций ногайских надгробных сооружений, и на формы декора, и на тексты самих эпитафий (на их содержание, литературную стилистику, свободный выбор не только «почерка», но алфавитно-графической основы – рунических знаков, арабской вязи, латиницы, кириллицы – и даже языка). В то же время эта эклектичность оборачивается своеобразной творческой свободой, если не абсолютной (что в сакральном искусстве, вообще, немыслимо), то гораздо более ярко выраженной (причем во все эпохи и исторические периоды от Средних веков до наших дней), чем в тех регионах, где исламское искусство связано с устойчивой константой определенного канона и стиля.

Методология нашего исследования (а точнее первых подступов к исследованию ногайской эпиграфики) основана на формировании и применении междисциплинарного подхода к изучению, оценке, определению значения эпиграфических надгробных памятников ногайского этнического ареала. Они интересуют нас как исторические свидетельства, как источники важнейших сведений по истории распространения ислама в Ногайской степи, по истории продвижения племен по этой степи, ногайских кочевий и оседлых поселений, по политической истории Золотой Орды и формирующихся в процессе ее распада ногайских орд, по

истории их связей с Казанским, Астраханским, Крымским ханствами, государствами и народами Кавказа, по социальной и этнической истории ногайцев в составе Российского государства. Такими источниками являются (к сожалению, далеко еще не в полном объеме «раскрытие», прочитанные, осмыслиенные) тексты эпитафий, содержащие имена, даты, описания событий и другие исторические сведения. Нас интересует сама география и топография размещения резных мусульманских надгробий в Ногайской степи, и фиксируя местонахождение таких памятников в определенных пунктах, мы стараемся проследить распространение здесь ногайской культуры и по хронологической вертикали (в глубину веков), и по географической горизонтали, проследить процессы исламизации и модернизации (секуляризации) этой культуры, сложнейший комплекс и порою неразрывный симбиоз доисламских (языческих), мусульманских и светских (в том числе советских и постсоветских) стереотипов. Стальные кладбища и современные некрополи дают ценнейший материал для социологических исследований ногайского общества, включая такие аспекты, как продолжительность жизни, круг профессиональных занятий, социальный статус, культурный кругозор, этническое и религиозное сознание ногайского населения. Тексты даже самых кратких, а уж тем более литературно развернутых, многословных эпитафий имеют огромное значение для изучения истории ногайского языка, его диалектов, процессов развития двуязычия и многоязычия, смены алфавитных систем, поэтической и прозаической стилистики. При этом надгробия, — может быть, прежде всего и более всего, — привлекают и интересуют нас как произведения искусства, народного творчества (здечства, монументального и декоративно-прикладного искусства, резьбы по камню), духовной и материальной культуры ногайского народа, и их меняющиеся конструктивно-архитектурные особенности и признаки, силуэты, пропорции, пространственные композиции, материалы, технические способы обработки поверхности (высокий, плоский, врезанный вглубь рельеф, живописная раскраска и т.п.), орнаментальные мотивы, характер современных реалистических изображений (портрет, натюрморт) и возвращающихся к древнейшим мифологическим истокам символов- знаков составляют в своей совокупности ценнейший пласт истории ногайского искусства и народного творчества, далеко еще не освоенный в полной мере ни современным искусствоведением, ни этнографической наукой².

Междисциплинарный подход может обеспечить в конечном итоге комплексное, многогранное исследование эпиграфики как исторического, археологического, этнографического, литературного и художественного феномена. Однако на нынешнем этапе исследования эта конечная цель еще очень далека, и в предварительной публикации, предлагаемой вниманию читателей, мы вынуждены приводить разрозненные и фрагментарные сведения, способные скорее привлечь внимание, нежели дать исчерпывающее представление об этом феномене.

Появление в местах традиционных ногайских кочевий, в частности, в Ногайской степи, каменных резных надгробий – вертикально поставленных надмогильных плит с вырезанной на лицевой поверхности (всегда обращенной к югу, в сторону Мекки) надписью (обычно коранической формулой) и изображением знаков – символов мусульманской веры (прежде всего полумесяца, обращенного своими заостренными концами вверх) – обычно рассматривается как историческое свидетельство проникновения и распространения ислама среди ногайских племен. Однако, надо подчеркнуть, что хронологического совпадения между исламизацией ногайской среды и сооружением подобных надгробий все же не существует. Обращение тюркских кочевых племен – предков современных ногайцев – в ислам, распространение среди этих племен (сначала на уровне социальной «верхушки», политической элиты формирующегося феодального общества, затем в более широких массах) исламской религии и культуры, сопровождаемое освоением арабской письменности, начинается по крайней мере с 10-11 веков, если не раньше (ибо первые контакты тюркских кочевников причерноморских и северокавказских степей с арабскими завоевателями, врывающимися в эти регионы Восточной Европы под зелеными знаменами ислама, относятся еще к 8 веку: в 737 году 120-тысячное войско арабов во главе с Мерваном вторгается в районы обитания болгар, савир, аланов и хазар в прикаспийских степях и на Северном Кавказе).

Наше представление о начальном этапе исламизации протоногайской среды, который относится к 10-11 векам, подтверждается выводами исторической литературы, опирающейся на широкий круг литературных источников и археологических материалов. Так, М.И. Артамонов в своей «Истории хазар» пишет: «В X в. арабы ослабели и их огромное государство распалось на части [...] Но слабел халифат, а не мусульманские народы. В 900 г. Измаил Самани объединил под своей властью Среднюю Азию и восточный Иран. Новое царство стало цитаделью ислама на востоке [...] Мусульманские проповедники проникали в тюркские кочевья и распространяли там веру ислама. В 900 г. были обращены [в ислам] племена чигиль и ягма, жившие в горах Тянь-Шаня от озера Иссык-Куль до Кашгара. Затем ислам был распространен среди гузов, хотя и не охватил весь народ. Тем не менее гузы вступили в союз с Саманидами и так стеснили карлуков, что те утратили гегемонию в степи и тоже приняли ислам. В начале X в. в мусульманскую веру обратились камские болгары. Хазария оказалась во враждебном полуокольце, охватившем ее с востока. Не менее энергично, но менее удачно действовали исламские проповедники на западе, среди печенегов и языческой Руси»³. В 11 веке в причерноморских степях появляются половцы, или кыпчаки. «Расправившись с гузами и печенегами, – пишет М.И. Артамонов, – половцы заняли господствующее положение в степях Восточной Европы [...], которые с

XI в. стали поэтому называться Половецкими (Дешт-и-Кыпчак)»⁴. Историк В.Е.Возгрин, прослеживая продвижение половцев в северо-восточное Причерноморье, а затем в Крым, утверждает: «В XI в. основная масса половцев приняла ислам»⁵. «Из духовного наследия половцев, – отмечает он далее, – мы можем назвать занесенные ими на крымскую почву такие общие для исламского мира образцы устного арабского фольклора, как «Лейла и Меджнун», «Юсуф и Зулейха» [...]»⁶. К выводу о том, что ислам суннитского толка «стал проникать к тюркским кочевым племенам – предкам ногайцев, видимо с X-XI в.в.», приходит в своей диссертации также А.А. Ярлыкапов⁷. Правда, он подчеркивает далее, что «массовая их исламизация проходила в составе Золотой Орды»⁸, но это не меняет датировки исходного рубежа распространения ислама в данной этнической среде: 10-11 века.

Тем не менее никаких мусульманских надгробных камней-эпитафий у тюркских кочевников юго-восточной Европы (юга современной России и Украины) в домонгольский период не было. Половецкая мемориальная традиция в прямом противоречии с нормами все более широко распространяющегося ислама развивалась в русле сооружения антропоморфных каменных изваяний – так называемых «балбалов», или «каменных баб»⁹. Аналогичный разрыв во времени между ранним этапом исламизации (с начала 10 века) и появлением резных мусульманских надгробий (только с конца 13 века) существует у волжских булгар (казанских татар). При всем богатстве материалов, которыми располагает археология Татарстана, в частности, тщательно исследованных сельских кладбищ и билярских некрополей домонгольского периода¹⁰, никаких мусульманских эпиграфических памятников дозолотоордынского времени здесь не обнаружено, и лишь с конца 13 века это искусство набирает силу, получает многогранное развитие в различных локальных школах, обретает стилистическую зрелость, достигает своего высокого расцвета в эпоху Казанского ханства (в 15-16 веках) и получает последовательное развитие в последующих веках. То же самое относится и к Крыму: ислам проникает сюда гораздо раньше, чем косвенные или прямые свидетельства фиксируют появление первых эпиграфических надгробий, причем в Крыму эта дистанция еще больше, ибо если на территории Татарстана самые ранние сохранившиеся мусульманские надгробия-эпитафии относятся к 80-м годам 13 века, а известные только по описаниям – к 1240-м годам¹¹, то в Крыму самые ранние эпиграфические надгробные памятники, о которых известно по отчетам археологической экспедиции, работавшей в 1925-1927 годах в Старом Крыму (на Солхатском городище), и по публикациям Османа Акчокраклы¹², датируются концом первой трети 14 века (надгробие Якуба Конийского 1328 года), а большинство их – произведения еще более поздние, сооруженные между 1330 и 1380 годами.

Не имея в руках конкретного материала (ибо аналогичные Старо-Крымской археологические экспедиции в Ногайской степи не проводились, аналогичных археологическим исследованиям Старой Казани работ здесь не велось, никакой ногайской литературы, подобной «Введению в булгаро-татарскую эпиграфику» Г.В.Юсупова или книге «Эпиграфические памятники города Булгара» Д.Г.Мухаметшина и Ф.С.Хакимзянова, не существует), мы рискнем все же высказать гипотезу, что первые мусульманские эпиграфические каменные надгробия появляются в Ногайской степи в то же время, что и в Крыму, а именно в конце первой трети 14 века. Напомним, что это было время массовой и интенсивной исламизации всего тюркского населения Золотой Орды, включая ее южные улусы. Эта эпоха связана с именем хана Узбека, роль которого Л.Н.Гумилев определяет следующим образом: «... Царевич Узбек отравил хана Тохту в 1312 году, победил хана Белой орды Ильбамыша (1315 – 1320) и объявил ислам государственной религией Золотой Орды»¹³.

Следует иметь в виду, что исторический процесс обращения в ислам ногайского населения, завершенный к настоящему времени настолько, что позволяет этнографам однозначно определить: «Верующие ногайцы – мусульмане-сунниты»¹⁴, был длительным и довольно сложным, и если его первые симптомы относятся к 10-11 векам (а предыстория уходит в 8 век), то последующие вехи (и каждый раз еще не завершающие, а имеющие свое продолжение в будущем) связаны с воцарением на троне Золотой Орды в 1256 году брата Батыя Берке – первого золотоордынского хана, обращенного в исламскую веру, – и со строительством новой столицы Берке-Сарай, или Нового Сарай (ныне Царевское городище у Цимлянского водохранилища в Волгоградской области), обретающего облик мусульманского города; далее – с объявлением ислама государственной религией Золотой Орды при хане Узбеке (1313 – 1342) и с широко развернувшемся на всей ее территории строительством мечетей, мавзолеев, возведением мусульманских некрополей и других значковых сооружений, символизирующих торжество ислама; с новой «религиозной атакой» в начале 15 века, на этот раз нацеленной прежде всего на ногайское население, при Едигее, который жил в 1352 – 1419 годах, был эмиром Белой Орды, основателем Ногайской Орды и с 1399 года верховным правителем Золотой Орды. Современники, еще называвшие ногайцев татарами, особо отмечали, что Едигей «обратил и обращает постоянно татар в магометанскую секту [веру]»¹⁵. Видимо, не только рецидивы древних языческих верований, традиций идолопоклонства и огнепоклонства, к которым были причастны ногайские племена и их предки, но и ростки христианства, проникавшего в ногайскую среду через несторианских проповедников и купцов, в частности, утвердившегося в начале 11 века среди таких племен, как найманы и керайты, принимавших участие в формировании ногайского этноса, приходилось реши-

тельно искоренять мусульманским лидерам Ногайской Орды, заботившимся об обращении своих подданных «в магометанскую веру» и вынужденным вновь и вновь возвращаться к этой, далеко не сразу и не мгновенно решенной исторической задаче¹⁶.

Исламское начало в ногайской культуре очень долго сосуществовало с прочными и длительными доисламскими, языческими традициями. К ним относится прежде всего уже отмеченная выше традиция сооружения каменных изваяний («балбалов»), среди которых в типологическом отношении преобладают мужские фигуры воинов. Общая для многих племен Тюркского каганата, для степной культуры кочевников Евразии ранней средневековой поры, эта традиция дольше всего сохранилась в половецко-кыпчакской среде (в Ногайской степи), и не прервалась сразу ни после монгольского нашествия, ни после официального принятия ислама ханами Золотой Орды и предводителями Ногайской Орды. В Республиканском Карабаево-Черкесском историко-культурном и природном музее-заповеднике в Черкесске сосредоточена ныне наиболее крупная коллекция «балбалов», свезенных сюда из различных пунктов Ногайской степи; ее научное исследование и атрибуция могли бы многое добавить к представлениям современников об истории культуры тюркских кочевников, уже обратившихся к мусульманской цивилизации, но не торопившихся расставаться с древними мировоззренческими моделями и художественными традициями, в частности, с антропоморфными статуарными формами в мемориальном искусстве. Трансформация этих изваяний в чисто мусульманские камни-надгробия, порою сохранявшие пластическое завершение, напоминавшее голову или головной убор воина, – интереснейший процесс, общий для искусства ряда тюркских народов Евразии, но особенно ярко выявляющийся в истории ногайского искусства.

Распространение ислама среди ногайских кочевников сопровождалось частичной урбанизацией и переходом определенных слоев ногайского населения на оседлый образ жизни, с которым были связаны новые формы скотоводческого и земледельческого хозяйства, развивающихся ремесел и строительной практики. Если мечетью кочевникам могла служить обычная переносная юрта, то ногайское население средневековых городов уже нуждалось в монументальных каменных сооружениях определенного архитектурного типа (мечетях, мавзолеях, надгробных сооружениях). Такие сооружения были сосредоточены, в частности, в золотоордынском городе Маджары, расположенном на Северном Кавказе¹⁷. Исследователи этого исчезнувшего с лица земли города характеризовали его как «весыма крупный культурный центр всех тюркских народов, осевших в области Северного Кавказа», и непосредственно указывали на вероятность проживания в этом городе ногайцев¹⁸. Характерно, что у ногайцев сохранился этоним «Мажары». Известен к

примеру «Мажаров колодец» («Мажар Куйы») к северу от аула Кумлы в Ногайском районе Дагестана¹⁹.

Ногайским средневековым городом был Сарайчик, о котором В.В. Бартольд писал: «... центром ногайцев тогда был город Сарайчик (т.е. Малый Сарай) при устье реки Яика, место погребения золотоордынских ханов»²⁰. В.М. Жирмунский, уточняя местоположение города, отметил: «В низовьях Яика [Урала], около 50 км от устья, находится город Сарайчик [...] зимняя резиденция ногайского князя. Город, расположенный между Яиком и его западным рукавом Сарайчиком, был защищен с севера и с юга крепостной стеной с башнями. Через Сарайчик проходила «старая ногайская дорога», главный торговый путь для караванов из Средней Азии в Восточную Европу, который здесь пересекал Яик»²¹. Подчеркнем, что Ногайская Орда в позднесредневековой Восточной Европе выступала как самостоятельное мусульманское государство, имевшее свою столицу (Сарайчик), развитые дипломатические отношения с северными, западными и южными соседями (с Московским государством, Казанским, Сибирским, Крымским ханствами, с Ираном и Турцией: первое посольство от турецкого султана прибыло в Ногайскую Орду в 1594 году), надплеменную самоидентификацию населения, собиравшуюся по первому приказу собственных мурз армию, письменность (на арабской основе) и многогранную во всех иных ее проявлениях мусульманскую культуру, включая строительство мечетей, мавзолеев и эпиграфику на надгробных камнях.

На Северном Кавказе опорным пунктом ногайской урбанизации был город Татартуп на нынешней границе между Кабардино-Балкарской республикой и республикой Северная Осетия – Алания. Уникальным памятником ногайской мусульманской культуры является Татартупский минарет 14 века, некогда находившийся в черте этого города.

К началу 15 века относится белокаменный мавзолей Борга-Каш, построенный на левом берегу Сунжи (рядом с современным ингушским селением Плиево Назрановского района). Это квадратное в плане сооружение, увенчанное куполом. Исследования известного кавказоведа В.В. Виноградова привели его к выводу, что это памятник ногайской культуры, точнее кыпчакского племени борганов, вошедшего в состав Ногайской Орды. По его мнению, первоначально Борга-Каш служил гробницей золотоордынского ногайского феодала, а впоследствии стал использоваться как родовой склеп борганских мурз. «... Мавзолей начала XV века Борга-Каш, – писал Виноградов, – в сопоставлении с иными материалами дает право склоняться к мнению о том, что в истории сложения ногайцев вклад обитателей Северного Кавказа золотоордынской эпохи был вполне определен, хотя еще и далеко не раскрыт с достаточной полнотой»²².

Более разносторонние и систематические сведения о ногайских селениях и городах на Северном Кавказе, о крепостных сооружениях, ко-

торым сопутствовало строительство каменных мечетей и мусульманских некрополей, восходят к 17 веку. Такие крепости существовали и в районе восточного Причерноморья, в нынешних окрестностях Анапы, и на Кубани. Турецкий путешественник Эвлия Челеби, дважды побывавший в местах проживания ногайцев на Северном Кавказе (весной 1666 года и зимой 1666-67 года, когда он пробирался из Азова в Крым), оставил в своей «Книге путешествий» («Сеяхат-наме») подробное описание крепости Чобан-Эли на берегу реки Псебабси, вливавшейся в Черное море у пролива Адахун. Другая ногайская крепость, которая привлекла его внимание, была расположена на высокой горе Ажи-кала, возвышавшейся над рекой Дженджек (Малый Зеленчук) у ее слияния с Кубанью. О крепости Ажи-кала Эвлия Челеби писал: «Ныне это неприступная, в форме четырехугольника, деревянная красавица-крепость на северной ее [реки Дженджек] стороне. Окружность ее – 40 полных шагов. [...] Есть небольшая мечеть и татарский имам»²³. Можно предположить, что эта мечеть была построена из белого камня, поскольку в памяти ногайского народа сохранилось ее название «Ак мешит» («Белая мечеть»), которое позднее перешло в наименование казачьей станицы, возникшей в 19 веке (около 1825 года) недалеко от разрушенной крепости: Беломечетская. Именно отсюда происходят наиболее древние известные нам ногайские надгробные камни, хотя эта «древность», разумеется, относительна: в контексте традиции, развивавшейся с 14 века, это материал довольно позднего периода.

В 18-19 веках становятся уже нормой и проживание части ногайского населения в городах южной полосы России, и строительство в этих городах мечетей, в том числе при самом непосредственном участии ногайских зодчих и строителей, и обучение детей в открываемых при мечетях мусульманских школах-мектебе, что вело к появлению ногайских мастеров, владевших арабской письменностью и способных быть самостоятельными резчиками эпиграфий. Свидетельства этих процессов можно обнаружить в различных исторических источниках. Например, в письме барона Розена генералу С. Блудову от 7 мая 1836 года говорится: «В степных местах устроено уже до 50-ти мектебов или молитвенных домов грамотными духовного звания ногайцами»²⁴. Оседлое ногайское население проживало в аулах, обязательной архитектурной доминантой которой являлась мечеть. В крупных аулах, как правило, было несколько квартальных и одна главная пятничная мечеть («Юма мешит»). Так, в конце 19 века у кумских ногайцев в ауле Канглы (к эпиграфическим памятникам которого мы обратимся ниже) было 12 квартальных и одна главная мечеть. У кумских ногайцев в ауле Тохтамышевском существовало четыре квартальных и одна главная мечеть. Ногайцы построили также мечеть в городе Астрахани. Архитектура ногайских мечетей весьма заметно отличалась от характерных для

более северных регионов образцов деревянного культового зодчества казанских и сибирских татар. Чаще всего это были кирпичные и каменные сооружения с одним невысоким минаретом. От крымских мечетей, архитектурные формы которых нередко имели перекличку с турецкими прототипами, они также были довольно далеки, и имели больше общего в стилистике и конструкции с сооружениями казахского и башкирского степного ареала (мечети в Семипалатинске, Петропавловске, Павлодаре, Уфе, Оренбурге, Саратове), нежели с памятниками мусульманского Причерноморья.

Для обозначения населенных пунктов в ногайском языке применялись различные термины: «орда» (место ханской ставки), «шахар» (город), «къала» (крепость), «улус», «юрт», «аул», «кой» (различные варианты сельских поселений, станиц и кочевых станов).

Из всего этого исторического контекста развития ногайской эпиграфики можно сделать следующие основные выводы:

1) Она зарождается в золотоордынскую эпоху, хотя ее появлению предшествует и более длительная предыстория распространения ислама среди ногайских кочевых племен и их предков;

2) Ногайская эпиграфика становится одним из локальных вариантов общей золотоордынской художественной традиции, в формировании которой, видимо, активно участвовал доисламский пласт тюркской культуры (надгробные каменные стелы с руническими письменами эпохи Тюркского каганата, мемориальные каменные изваяния – «балбалы», отдаленное сходство с фигурами которых удивительным образом прослеживается в очертаниях мусульманских камней-надгробий);

3) Имея параллели и некоторые элементы общности и с булгаро-татарской, и с крымской мусульманской эпиграфикой, ногайская эпиграфическая школа была самостоятельным и своеобразным явлением;

4) Последовательное развитие ногайской эпиграфики на протяжении семи веков (с 14 века) связано с укреплением ислама как доминирующей, а со временем единственной веры в конфессиональном сознании ногайского народа, с процессами урбанизации, с развитием строительных традиций и культового зодчества, с распространением грамотности и общим прогрессом духовной и материальной культуры ногайского народа.

К сожалению, никаких работ по хронологической атрибуции ногайских мусульманских надгробных памятников не проводилось, и не имея возможности выстроить их ряд по исторической вертикали, мы ограничиваемся в этой предварительной публикации характеристикой обнаруженных нами в ходе полевых исследований произведений, широко рассеянных по основным регионам проживания ногайцев (в Дагестане, Астраханской области, Карачаево-Черкесской Республике и в Ставропольском крае). Ни один из этих памятников не взят на учет, не включен в список объектов, охраняемых государством, полное равнодушие кото-

рого к ногайской эпиграфике фактически обрекает ее на безвестность и постепенное уничтожение.

Наиболее древний, классический тип мусульманского ногайского надгробия представляет собой вертикально поставленная, врытая в землю каменная плита (значительно позже появляются иные конструкции – саркофагов, обелисков на постаментах и т.п.). Ее обращенная на юг плоская грань сплошь покрыта тончайшей узорной орнаментальной и каллиграфической резьбой, в то время как задняя сторона и узкие боковые грани тщательно отесаны, но оставлены совсем без пластической обработки или имеют немногочисленные, редкие рельефные изображения и знаки (рис. 1, 2).

Высота надгробий различна (нами замерены памятники высотой от 1,5 до 2,3 м) и так же, как в других улусах Золотой Орды и позднейших ханствах, вероятно, прямо пропорциональна мере власти, знатности и богатства умершего. По сравнению с памятниками булгаро-казанского круга, в ногайских все же более ярко выражено стремление к высотности. Видимо, это связано с их положением в открытом степном пространстве.

Если материалы для надгробий Среднего Поволжья (известняковые плиты) и Крыма (мраморные блоки), как правило, однородны и редко чем-либо заменяются или как-то варьируются, то для ногайских надгробий в разных местах и в разные времена использовались и пористый ракушечник, и известняк, и доломит, и мрамор, и гранит, и даже кирпич, покрываемый сверху штукатуркой и облицовкой.

Завершение ногайских памятников мало похоже на классическую булгарскую «арку на плечиках», повторяющую основной силуэт «мавританских» и стрельчатых арок каменных порталов булгарских мечетей. Гораздо больше оно напоминает условные «головы» под чалмой (мужские надгробия) или женской шапочкой-калфаком Крымского ханства, хотя такой пластической иллюзорности воплощенных в мраморе головных уборов, какая нередко встречается в крымских памятниках, в ногайских надгробиях нет: здесь больше геометрической условности. Так, кубическое завершение эпиграфического памятника близ аула Сеитовка Астраханской области и как бы подпирающие этот легкий куб симметричные вогнутые дуги стесанного камня (рис. 1) лишь отдаленно напоминают голову под шапкой или чалмой, шею и плечи. Тем не менее это смутное сходство с человеческой фигурой здесь все же прослеживается, и образная перекличка между мусульманскими надгробиями-эпитафиями и более древними тюркскими «балбалами», несомненно, существует. Эта связь имеет и этимологическое обеспечение, отражается в языке. Надмогильная плита-памятник в ногайском языке имеет название «бас казык» (буквально: «голова-столб»). Отметим для сравнения, что у казанских татар эти памятники называются «кабрь-таш» (более строго и точно – «могильный камень»), у крымских татар

– «текиль-таш» (Петр Кеппен писал по этому поводу: «... камни, вертикально стоящие, у татар именуют «текиль-таш» от слова «тик» – круглой, вертикальный, или «тикмэ» – ставить, и от слова «таш» – камень»)²⁵). И хотя крымские надгробия (в поэтической трактовке А.С.Пушкина «сии надгробные столбы венчаны мраморной чалмою...») вызывают самые непосредственные ассоциации с человеческими фигурами и «головами», с силуэтами древних каменных «балбала» – половецких «баб», только в ногайском языке и народной традиции сохранилась такая прямая и четкая связь между понятиями «столб» и «голова» и такая вызывающая попытка найти «голову» в произведении мусульманского культового искусства, отрицающего антропоморфное начало и изображение живых существ.

Характерным для ногайских надгробных камней является также завершение в форме полуциркульной арки (без плечиков). Образцы такой архитектурной формы обнаружены авторскими экспедиционными исследованиями 1986 года на кладбище, примыкающем к ногайскому аулу Икон-Халк в Карабаево-Черкесской Республике (рис. 2). Пластика выразительность полусферического завершения подчеркивается, как правило, рельефным изображением колеса-розеты в верхней части памятника, которое прекрасно вписывается в полуциркульную арку и как бы поддерживается снизу изображением полумесяца («ай»), обращенного вверх заостренными «рогами». Очертания высоких каменных плит с полусферическим завершением не менее, чем очертания памятников, увенчанных условной «чалмой», напоминают издали силуэт одиноко стоящей фигуры, прототипом которой является половецкое изваяние воина – каменный «балбал». Отметим для сравнения, что среди крымских мусульманских надгробий также нередко встречаются памятники с круглым верхом, отдаленно напоминающим тюбетейку или войлочный головной убор степняка-кочевника. Некоторые завершения ногайских памятников (на том же кладбище вблизи аула Икон-Халк и в других местах) представляют собой выступающую вперед, нависающую над верхней частью памятника полуциркульную арку (рис. 4). Такая форма круглой ниши, довольно глубокой вверху и постепенно сглаживаемой, переходящей в плоскость в основании памятника, одновременно позволяет проследить и параллели с формами «большой» архитектуры (порталами мечетей, мавзолеев, формами михраба), которые проецируются на камни-надгробия, и еще более очевидную перекличку с изваяниями фигур, увенчанных головным убором, слегка выступающим вперед, отбрасывающим тень на лицо своим козырьком или полями круглой шляпы. Некоторые каменные плиты имеют небольшое утолщение вверху и постепенно сужаются книзу, что отчасти вторит силуэту воображаемой фигуры (широкие плечи, большая голова), но главным образом, пластически акцентирует значение верхней части вертикального надгробия:

здесь сосредоточены важнейшие в семантическом плане изображения (солярные знаки, символы мусульманской веры), тексты (коранические формулы, молитвенные обращения к Аллаху), здесь каменный столб («казык») обретает свою голову («бас»).

Сходство ногайских мусульманских надгробий с «балбалами», разбросанными в той же степи и восходящими к тюркской и половецкой мемориальной традиции прошлых (до принятия ислама) веков, особенно бросается в глаза, когда мусульманский памятник ставится как одиночное сооружение над холмом, над курганом, хорошо видное издали в степном равнинном пространстве. Именно так поставлен памятник близ аула Сеитовка Астраханской области, обследованный одним из авторов (Р.Х. Керейтовым) в 1985 году (рис. 1). К моменту обследования он был уже частично разрушен и восстановлен для фотоснимка из трех частей, на которые он раскололся («швы» между ними видны на снимке). В социальном аспекте такие одинокие, обычно очень высокие памятники сооружались в честь особенно богатых, знатных и властительных феодалов, выделявшихся по мере расслоения кочевнического общества (в социальной иерархии они стояли непосредственно за ханами, чьи могилы, как правило, размещались в еще более торжественных мавзолеях); в мировоззренческом плане здесь нередко обнаруживался сложный синтез собственно исламской и еще доисламской символики и ритуальной обрядности. Сам характер кургана был признаком отнюдь не мусульманского погребения, он восходил к более древним мемориальным традициям, распространенным в Кыпчакской Степи. Поскольку, как уже говорилось выше, профессиональных археологических исследований этих памятников не проводилось, в настоящее время трудно сказать, насколько само погребение соответствовало мусульманскому ритуалу и над чем, собственно, сооружался курган. Не исключено, что в отдельных случаях каменные памятные плиты в Ногайской степи ставились даже не над могилой павшего воина, а также, как ставились каменные языческие изваяния на просторах Тюркского каганата и всей Дешт-и-Кыпчак (Половецкой степи): у развилики дорог, на границах племенных кочевий, на местах битв и иных знаменательных событий.

По мере модернизации ногайского общества и всех предшествующих и сопутствующих этой модернизации процессов (появление оседлых поселений, развитие деревянного и каменного зодчества и строительства, зачатки урбанизации и, разумеется, последовательное вытеснение древнего язычества и тенгризма господствующим исламом) ногайская эпиграфическая традиция оказывается сосредоточенной уже исключительно в пределах определенного ансамбля – мусульманского кладбища, прилегающего к ногайскому аулу или городу. Именно такие кладбища, исследованные в ходе отдельных поездок и научных экспедиций²⁶, дают нам основной материал по ногайской эпиграфике, после-

довательно развивающейся на протяжении веков (вплоть до наших дней, когда на старинных, продолжающих функционировать кладбищах возводятся новые памятники нашим современникам, сохраняющие некоторое стилевое сходство с сооружениями прошлых веков).

Некоторые общие особенности ногайских мусульманских некрополей (особенно заметные, например, при сравнении с татарскими кладбищами Заказанья²⁷) заключаются, во-первых, в сравнительной открытости (легкая, обычно представляющая собой прозрачную деревянную конструкцию, невысокая ограда, а порою всего лишь проведенная по земле межа отделяет территорию такого кладбища от соседнего степного пространства, при этом данная территория постепенно расширяется, что еще более размывает представление о каких-либо замкнутых границах, – рис. 13, 12) и в свободном размещении надгробий, которые хотя и входят в единое визуальное пространство, но существуют независимо, как бы не «видя» друг друга, не подчиняясь какой-либо общей композиции и не составляя какого-либо единого ряда. И в том, и в другом отношении ногайские мусульманские кладбища заметно отличаются и от казанских, и от крымских, и от близких им по региональному кавказскому соседству карачаевских и балкарских. Если ограда (обычно металлическая решетка с элементами декоративной ковки и литья) и особенно ворота, увенчанные изображением полумесяца, визуально и практически отделяющие и татарское, и карачаево-балкарское кладбище от всего, что находится вокруг, преграждающие вход «посторонним», играют весьма важную и внешне выразительную роль в мемориалах дальних и близких соседей (назовем в качестве примеров кладбище у деревни Кулле-Кими Атнинского района Татарстана, карачаевское кладбище у поселка Теберда, балкарское кладбище Булунгу у поселка Верхний Чегем), то ногайское кладбище, как правило, открыто всем степным ветрам, всем взглядам, легко проникающим через его легкую, чисто символическую ограду. Насколько в этой особенности выражена специфика эстетики кочевых (и при переходе на оседлый образ жизни удерживающих прочную память о своем кочевом прошлом) народов, еще предстоит выявить специальными исследованиями философско-эстетического и этнопсихологического направлений²⁸.

Видимо, и с этой эстетикой, и с этнической психологией ногайцев, и с некоторыми прочными основами общинной демократии в ногайском обществе связан и характер примыкающих к ногайским аулам мусульманских кладбищ, в которых обычно отсутствует какая-либо иерархия сооружений (взаимосвязь между «главным» и примыкающими к нему памятниками людям более низкого социального ранга), а также нет строгой упорядоченности, построения параллельными рядами. Если какая-либо система прослеживается в организации ансамбля ногайского некрополя, она более напоминает стан кочевников, чьи кибитки, или юрты стихийно располагаются по окружности (исходно – в целях круговой

обороны, но также и с учетом удобных взаимных контактов), образуя компактное целое. В расположении надгробных камней нет столь четкой логики построения полевого стана, но в том, как они свободно разбросаны, как бы кружась по территории кладбища, сначала узкими петлями в центре, затем, отступая к краям, более широкими кругами, ощущимо отдаленное сходство с этой свободной, живописной системой. Единственное обязательное правило, существующее как категорический императив и определяющее строгий порядок всей композиции кладбища, – это обращение каждого памятника его лицевой стороной («главным фасадом») на юг, в сторону Мекки. В этом все сооружения равны, как равны совершающие намаз мусульмане, и хотя (как и люди) это сооружения разного «роста», разной меры пластического богатства, поэтического красноречия, узорной роскоши, но никакой субординации между ними, внутри отдельных групп (одно выше или впереди, другие непременно ниже или сзади), здесь нет. Назовем для сравнения мусульманское кладбище близ села Тюнтер Балтасинского района Татарстана с его высоким, «главным» памятником ученому Гали-ишану (18 век), вокруг которого группируются очень похожие, но более низкие памятники его последователям, родственникам и ученикам: на ногайских кладбищах ничего подобного не встречается.

Наибольший интерес в исследовательском плане представляют узоры и надписи на ногайских надгробиях, их общая композиция и отдельные элементы. Как и в булгарских надгробиях «первого стиля», мы имеем здесь дело с ритмически организованной, расчлененной на несколько ярусов вертикальной композицией, обрамленной рельефным бордюром. Тексты эпитафий, исполненные гибким, сочным почерком «сульс» (случаев применения геометрического «куфи», характерного для ранних булгарских надгробий «второго стиля»), в ногайском ареале, – так же, впрочем, как и в Крыму, – нам не пришлось обнаружить), а позднее – «дивани» (выбранного из классической «семерки» почерков в качестве излюбленного для рукописных текстов и эпитафий, видимо, не только в Крымском ханстве, но и в Ногайской Орде), вкомпонованы в эти ярусы четкими крупными строками (рис. 2). Отдельные коранические формулы заключены в картуши разнообразных форм (oval, круг, очертания, напоминающие лист, «сердце», завиток бараньих рогов и т.п.), позволяющих построить центрическую каллиграфическую композицию, однако преобладает четкое прямоугольное геометрическое обрамление текстов в виде сплошной вертикальной полосы (памятник из аула Сеитовка, рис. 1) или нескольких горизонтальных ярусов, составляющих в совокупности вертикальную эпитафию. Уже отмечавшееся нами раньше (в контексте анализа памятников булгаро-татарской эпиграфики²⁹) стилевое сходство таких эпитафий с торжественными ханскими ярлыками, представляющими интереснейшую страницу в истории графической и пись-

менной культуры Золотой Орды и ее наследников³⁰, здесь также очевидно, но есть в ногайских вертикальных эпитафиях, видимо, и другой, более отдаленный источник, а именно та система вертикальной письменности, какая была принята у некоторых монгольских и тюркских народов, входивших в обширную империю наследников Чингисхана (поздний, реформированный вариант этой системы – зая-пандитская письменность, сохранившаяся вплоть до 20 века в культуре новых соседей ногайских кочевников – появившихся в 17 веке в пограничных степных районах Нижнего Поволжья и Прикаспия калмыков). О характере древнетюркских эпитафий подробно сообщает в своем исследовании И.Л.Кызласов, который отмечает: «... У тюроков-тюгю (как затем и у сменивших их на той же территории уйгуров) строки шли сверху вниз (подчеркнуто нами – Р.К., С.Ч.), и тамги высекались на вершинах стел»³¹. В своем исследовании, опирающемся на широкий круг источников и исторических свидетельств, А. И.-М. Сикалиев утверждает: «Древнетюркские племена, в том числе и древненогайские, с V по X в. писали древнетюркским руническим алфавитом. С VIII в. среди тюркских племен распространяется уйгуро-найманский алфавит. Ногайцы этим алфавитом пользовались наряду с арабским до XVIII в.»³².

К тамгам мы еще вернемся, здесь же подчеркнем еще раз, что наряду с художественными параллелями (ханские ярлыки, эпиграфические памятники соседних народов, входивших в мусульманский мир Золотой Орды) ногайская эпиграфика имела свой особенный, древний и дальний, но несомненно прослеживаемый источник – рунические письмена на стелах, имевших широкое распространение на территории Тюркского каганата. Нам уже приходилось обратить внимание на своего рода точку пересечения этой древней тюркской традиции с мусульманской эпиграфикой в связи с публикацией уникального палимпсеста – камня, найденного на реке Калмаш в Чекмагушском районе Башкирской АССР, покрытого знаками древнетюркской письменности³³. В послесловии к этой публикации С.Г.Кляшторный утверждал: «... Семантика знаков достаточно ясна и имеет древнетюркские аналогии»³⁴ и приводил в качестве непосредственного аналога древнетюркскую стелу из Шивет-Улана в Монголии, точно датируемую 7 веком нашей эры. Калмышский камень первоначально был древнетюркской надмогильной стелой с начертанными на ней родоплеменными тамгами. В качестве надгробия он использовался дважды: в 14 веке (в текст включена точная дата – 747 год хиджры) жители этого региона Золотой Орды превратили его в мусульманское эпиграфическое надгробие, и поверх нижнего слоя врезанных в камень знаков тамги была высечена новая надпись «Я прибегаю к Богу от проклятого шайтана. Во имя Бога милостивого... Надмогильный знак Кукляра, сына Буги». В ногайском культурном ареале нам неизвестны подобные палимпсесты,

однако «встречая» древней тюркской мемориальной культуры (и рунической письменности!) с новой исламской эпиграфической традицией происходит здесь в еще более очевидной форме, а именно в появлении на мусульманских каменных надгробиях знаков рунического письма, нанесенных одновременно с сооружением таких памятников. Так, в частности, при осмотре памятников, сохранившихся на ногайских кладбищах, Р.Х.Керейтовым зафиксированы знаки **Г, Й, Т, Ч**, имеющие непосредственное сходство со знаками древнетюркской рунической письменности, известными по современным лингвистическим исследованиям этой письменности³⁵. Мы отдаляем себе отчет в том, что в утверждениях такого рода нужна осторожность, ибо внешнее (даже поразительно точное) сходство может быть случайным, обманчивым, и изображение, похожее на знак древнетюркского рунического письма, возможно, имеет совершенно иную семантическую основу и иное происхождение. В этом направлении необходимы целенаправленные исследования специалистов-туркологов. Свою задачу мы видим лишь в том, чтобы обратить внимание на это сходство и высказать в качестве предварительной гипотезы следующее соображение. Ногайская эпиграфика (так же, как другие школы тюркской мусульманской эпиграфики, сформировавшиеся в культурном пространстве Золотой Орды) развивалась, отталкиваясь от более древних традиций мемориальных сооружений, истоки которых восходят к культуре Тюркского каганата. С одной стороны, это каменные изваяния воинов («балбалы»), отдаленное сходство с которыми прослеживается в очертаниях и особенно завершениях («головах») вертикальных каменных плит; с другой стороны, это каменные надгробные стелы с руническими письменами.

Вряд ли обращенные в ислам ногайцы понимали смысл той письменности, которой владели их древние и отдаленные предки. Рунический буквенный знак, нанесенный на надгробный камень, служил уже не для обозначения звука или слога (для этого применялась система арабской письменности, освоенная ногайской культурой), а для определения принадлежности человека (умершего, кому ставился памятник, а в некоторых случаях, возможно, и мастера, сооружавшего этот памятник, «писавшего» эпитафию) к определенному клану, месту, семейному «роду», то есть имел значение своего рода печати, рода-племенной, реже профессиональной тамги.

Тамга на мусульманском надгробии – свидетельство прочности и живучести доисламских, языческих традиций, оказавшихся в своеобразном синтезе с исламским культовым искусством. Это своеобразное явление, присущее прежде всего, может быть, даже исключительно ногайской этнической культуре. В эпиграфике Волжской Булгарии и Казанского ханства ничего подобного не прослеживается. В Крыму тамги на мусульманских надгробных камнях встречаются часто, но только в той се-

верной, степной части Крыма, которую исследователи называют «ногайской», имея в виду ее историко-культурную связь с Ногайской степью. Осман Ачокраклы, возглавивший в 1925 году научную экспедицию в эти «ногайские», степные районы Крыма, собрал и опубликовал десятки рисунков, изображающих различные тамги³⁶ (рис. 5). Весьма разнообразные по формам и семантике, от рунических письменных знаков и иероглифов до элементов растительного, зооморфного, геометрического орнамента и предметных изображений (гребень-трезубец, стрела, крест, серп, полумесяц и т.п.), эти тамги имели самое широкое применение в жизни кочевых и оседлых племен степной части Крыма и использовались при клеймении скота, чеканке монет, в архитектуре, керамике. Близ деревни Абузлар имелась скала, на которой в большом количестве были запечатлены такие тамги (возможно, как знак размежевания определенных кочевий или, напротив, объединения соседних родов). По преданиям, которые Ачокраклы записал, опрашивая «старцев-татар степной части Крыма», эти тамги были распределены между племенами и родами самим Чингисханом. Таким образом, в устной народной памяти традиция такого рода изображений связывается с эпохой монгольских завоеваний и формированием Золотой Орды. С началом широкой практики сооружения каменных надгробий на мусульманских некрополях (с 14 века) тамги высекаются на этих надгробных камнях, причем так же, как это было принято на древнетюркских стелах с руническими надписями, тамги размещались на вершине стелы, обычно в ее верхней правой части. Всего экспедиция 1925 года собрала более 400 образцов рисунков тамги на сорока кладбищах степного Крыма. Ачокраклы писал по этому поводу: «Небольшой полуостров Крым вправе быть названным большим музеем тамг, ибо на каждом татарском кладбище в степной части Крыма встречаются сотнями тамги – родовые знаки древнего происхождения»³⁷. К сожалению, сама Ногайская степь, во много раз более обширная и богатая памятниками такого рода, чем небольшая степная зона Крымского полуострова, не стала гигантским музеем этих произведений искусства из-за многократных разрушений памятников ногайской культуры и государственного пренебрежения их ценностью.

Не приходится удивляться полному совпадению в рисунках и смысловому тождеству между теми тамгами, что были исследованы в северном Крыму, и теми, что известны нам по ногайским некрополям в соседних с Крымом регионах. Ясно, что эти тамги принадлежали родственным, в определенных случаях идентичным (тем же самым) племенам и родам, которые участвовали в этногенезе современных крымских татар (северной, степной, или ногайской группы крымскотатарского этноса) и ногайцев. Различия между Крымским полуостровом и Ногайской степью заключаются в том, что в Крыму, как уже сказано, такие памятники встречаются только в северном, степном регионе (ни в

горной, ни в южнобережной части Крыма их нет), в то время как по всем регионам прежних ногайских кочевий и современного проживания ногайцев они распределены повсеместно, и насыщенность Ногайской степи подобными памятниками так велика, что если бы к ним относились хоть немного более бережно, Ногайская степь могла бы считаться самым крупным в Евразии естественным музеем таких камней с изображенными на них родо-племенными тамгами. Другая особенность распространения этих памятников в Ногайской степи – чрезвычайно прочная, длительная продолжительность данной традиции. В публикациях Османа Акчокраклы нет «верхней даты» надгробий с изображением тамги (этот пробел уже невозможно восполнить в связи с уничтожением мусульманских кладбищ в северных районах Крыма в период сталинской депортации крымских татар). Даже если допустить, что там были не только очень древние камни, относящиеся к золотоордынскому времени, но и более поздние сооружения, во всех случаях это довольно ранний, археологический материал. Что же касается ногайских некрополей за пределами Крыма, то там памятники с характерными изображениями тамги встречаются и в новое, и в новейшее время, и даже современные памятники, изготовленные в наши дни по индивидуальным заказам из мрамора и гранита, с русским текстом (или параллельно с надписями на русском и ногайском языках) на алфавитной основе «кириллицы», имеют по традиции изображение тамги на правой стороне лицевой части надгробия и мусульманских символов (полумесяца и пятиконечной звезды) на левой стороне (рис. 10 и др.). Трудно передать словами то впечатление остройших социальных контрастов и жестких стыков истории, которое производит, к примеру, памятник ветерану Великой Отечественной войны или колхозному труженику (о советском прошлом, социальном и гражданском статусе которого повествуют подробные надписи или изображения его орденов), воздвигнутый рядом с буквально погибающим, опустошенным экономическим коллапсом последних десятилетий ногайским аулом и торжественно украшенный тамгой с трезубцем чингизидов («тарак»), свидетельствующей о принадлежности умершего к великому ханскому роду, забытому где угодно, но не в Ногайской степи.

Памятники такого рода были зафиксированы нашей научной экспедицией 1999 года на ногайских кладбищах за поселками Икон-Халк и Эркен-Юрт Карабаево-Черкесской Республики и Канглы Ставропольского края. Так, например, надгробие (совсем новое, едва только воздвигнутое) над могилой Канитат Ахметовны Еслиметовой (1923 – 1999) на кладбище Эркен-Юрт украшено изображением знаков мусульманской символики (звезды, полумесяц) и родовой тамги (рис. 9). Такое же сочетание обнаруживается в надгробии Ш.И.Нуралиевой (также умершей в 1999 году) на том же кладбище: знак родовой тамги рядом с мусульманским полумесяцем (рис.

10). Изображение тамги чингизидов (трезубец-«тарак») находится на надгробии А.Н. Джанарсланова (1999) на кладбище за поселком Икон-Халк: оно составляет единую композицию с позолоченным каллиграфическим текстом эпиграфии, врезанным в камень, растительным орнаментом и знаками мусульманской символики (полумесяц, обнимающий звезду). Аналогичное решение имеет расположенный там же (в Икон-Халке) памятник Д.С.Джемакулову (1996), но рисунок тамги чингизидов здесь несколько иной (рис. 11). Врезанная вглубь камня тамга чингизидов сочетается с рельефным изображением шестиконечной звезды и полумесяца на надгробном камне-памятнике Шайдат Абашевны Телеевой (1908 – 1985) на кладбище у поселка Канглы (рис. 12). Характерная тамга в форме круга («колеса») с отходящим от него вниз слегка изогнутым «стеблем» нанесена на лицевую поверхность надгробного камня-памятника Анатолию Хусиновичу Аюбову (1947 – 1996) на кладбище Икон-Халк.

Сочетания звезды, полумесяца и знака родовой тамги свидетельствуют о сложном переплетении различных систем исламской, языческой, а возможно и более поздней, советской символики в представлениях ногайских мусульман конца 20 века и в творчестве мастеров – резчиков камня.

Семантика знаков ногайской тамги весьма разнообразна. Многие из них, в частности, изображения круга (колеса), а также, круга, перечеркнутого внутри крестом, перекладиной, имеющего «рога», «лепестки», «лучи», ответвления в виде прямых и зигзагообразных линий:

О, О, ⊕, Θ, Q, Q и т.п., связаны с солярной и астральной символикой, а знак , чаще расположенный вертикально, подобно круглой скобке: , так и называется: «Ай-тамга» (тамга-полумесяц). Встречаются тамги, в основе рисунка которых угадываются буквенные знаки древнетюркской рунической письменности, а также изображения предметов быта, оружия или орудий труда, например, ковша - («шомиш»), плетня, или ограды - **I** («эргенек»), верблюжьего седла - («ашамайлы»). Сохранившиеся в ногайском языке предметные названия знаков тамги помогают понять древнее значение, исходный смысл стилизованных изображений. При этом каменная книга, содержащая различные знаки тамги, еще далеко не до конца прочитана и расшифрована. Некоторые знаки имеют неизвестное нам значение. Небольшие различия между отдельными знаками, вероятно, свидетельствуют о родственной близости отдельных кланов, о постепенном процессе выделения из одной группы («орды», семьи) отпочковавшихся от нее групп. В то же время графически близкие знаки могут иметь и весьма разные, далекие друг от друга варианты прочтения, и наоборот, совсем разные по начертанию знаки, по данным различных источников и информаторов, иногда обозначают едва ли не одно и тоже понятие. Напомним некоторые из них:

- - «тарак» (гребень), он же – ханская тамга;
 - «кылыш» (сабля),
 - «челек» (куща),
 - «чапханчи» (носители этой тамги - «рубящие холодным оружием»),
 - «аш-майлы» (носители этой тамги - «не евшие»),
 - «казан» (котел),
 - «ковш» (очень похожая на этот знак тамга читается уже как «Хасай уллу», фамильный знак, обозначение рода Хасая (Хасаевых), в то же время «ковш» обозначают и другие знаки с прямыми, кривыми ручками, с округлым и прямоугольным очертаниями самого ковша ;
Т - «шугуш» (молоток), - иногда читается как «ай» («луна»), иногда - «туяк» («копыто»).

Отметим в этой связи, что ногайские тамги (изображения которых были распространены отнюдь не только на надгробных камнях, но также в других материалах и комплексах ногайской материальной культуры, например, в резьбе по дереву на предметах быта, свадебного обряда и инструментах домашнего ремесла, на кошмах и т.п.) давно стали объектом внимания исследователей и важнейшим источником по этнической истории ногайцев³⁸. Достоянием специалистов-этнографов уже стали таблицы, составленные по различным источникам и описаниям, дифференцированные по районам расселения основных этнографических групп (кумских ногайцев, кубанских ногайцев, караногайцев Дагестана, ногайцев Добруджи и т.д.), включающие попытки расшифровки знаков тамги и оставляющие вопросы там, где неизвестны, поливариативны или многозначны и сами ногайские названия тамги, и их смысловые значения-переводы³⁹. Сохраняя критическое отношение к этим публикациям, в которых можно встретить и неточное прочтение той или иной тамги, и ошибочное утверждение о ее принадлежности иному не только роду, но и народу, мы все же должны активнее включить этот уже давно ставший достоянием научной общественности материал в целенаправленное исследование ногайских эпиграфических памятников, которое пока еще ведется на эмпирическом уровне.

Простейшие по своему рисунку ногайские тамги (в форме креста, круга, перечеркнутой подковы, похожей на слегка покосившуюся большую букву русского алфавита «А»: , ,) на каменных мусульманских надгробиях были обнаружены Р.Х.Керейтовым при обследовании в апреле 1991 года ногайского кладбища, находящегося ныне в

чертеж гагаузского села Джантай на территории Молдовы. Все знаки тамги высечены на правой стороне в верхней части надгробия. Ногайцы оставили эту территорию в конце 18 века, и на их мусульманском кладбище, функционирующем вплоть до конца 18 века, традиционные знаки родовой тамги составляли неотъемлемую часть эпиграфики.

Обычными символами мусульманской веры, часто встречающимися в ногайской эпиграфике, являются изображения полумесяца и звезды (рис. 2, 9, 10, 11 и др.). Встречаются изображения шестиконечной звезды («щита Давида») (например, на резном камне с кладбища у села Икон-Халк, обследованного в 1986 году), а также пятиконечных звезд в разнообразных композиционных сочетаниях с кругами, многолепестковыми розетками (звезда в центре круга, рис. 2), изображениями полумесяца (звезда над опрокинутым вверх полумесяцем, две звезды симметрично по сторонам от полумесяца, четыре звезды, фланкирующие картуш с каллиграфическим текстом: таковы узоры на камнях, обнаруженных на том же кладбище Икон-Халк). Насколько можно судить по поздним памятникам (второй половины 20 века), пятиконечная звезда постепенно обретала второй, или точнее двойной символический характер. Оставаясь знаком мусульманской веры (а в сочетании с полумесяцем – знаком тюрко-мусульманского единения, известного и по турецкому государственному флагу, и по символике организаций, представляющих различные течения тюрокизма и пантюрокизма), пятиконечная звезда в то же время все чаще воспринималась и трактовалась современниками как чисто советский, а порою в еще более узком смысле – советский армейский символ и постоянно фигурировала в памятниках, сооружаемых над могилами ногайских красноармейцев, военнослужащих, ветеранов войны. Вполне вероятно, что определенную смысловую трансформацию претерпевает и «тарак» – тамга чингизидов, фамильный знак ханской династии Гиреев, распространявших в прошлом свою власть на значительную часть Ногайской степи. Ныне этот символ взят на вооружение крымскотатарским национальным движением, используется на знаменах, значках, печатях, официальных бланках Меджлиса крымскотатарского народа, на визитных карточках его лидеров, а также появляется (в различных, отличающихся по характеру графической стилизации формах) в сувенирной продукции и программных документах других тюркских общественных организаций и движений (например, на бело-золотом «знамени Золотой Орды», изготовленном в 2002 году к третьему всемирному конгрессу татар в Казани). В сознании и восприятии современников (заказчиков надгробных памятников, мастеров-исполнителей, односельчан, тех ногайцев, которые завещают изобразить «тарак» на камне над своей могилой) этот знак постепенно обретает двойственное значение, свидетельствуя и о принадлежности умершего к древнему роду, ведущему свое происхождение от чингизидов, и о духовном

приобщении к тем общественным движениям современности, которые поднимают этот символ на своих новых знаменах.

При создании надгробий и эпитафий перед ногайскими резчиками камня открывались определенные возможности и для развития других жанров чисто изобразительного искусства, в частности, анималистического (изображения птиц и других представителей степной фауны⁴⁰) и своеобразного воплощенного в камне предметного натюрморта. В этом отношении ногайские надгробия имели сходство с характерными памятниками некоторых соседних обращенных в ислам народов Северного Кавказа. Для таких памятников (известных по исследованиям на чеченских, ингушских, осетинских мусульманских кладбищах, на кладбищах народов Дагестана, в ансамбле балкарских и карачаевских некрополей, например, у балкарского аула Булунгу вблизи Верхнего Чегема, где обнаруженные нашей экспедицией 1998 года четыре надгробия братьям Гиллыевым, погибшим в 1942 году, украшены изображениями кинжала; рис. 7) было характерно высеченное в камне (иногда дополнительно раскрашенное) изображение оружия (над захоронением мужчин-воинов) и изображение предметов домашнего очага, обычно высоких кувшинов и других сосудов, а также ювелирных украшений (над женскими захоронениями). Изображения оружия встречаются и на крымских надгробных камнях⁴¹. На ногайских надгробиях такие мотивы тоже встречаются, но редко они бывают столь ярко выделены (цветом, пластикой, крупным масштабом), а уж тем более столь реалистичны и модернизованы, как это чаще наблюдается в мемориальных сооружениях других кавказских народов. Если мы возьмем для сравнения надгробие Сосланбеку Каирову (1945) с осетинского мусульманского кладбища у села Лескен (материалы полевых исследований Надежды Емельяновой, рис. 6), то в его композиции, символике и орнаментике можно обнаружить много сходного с ногайскими надгробиями 1940-50-х годов, но столь «достоверного», технически виртуозного, точного, как чертеж из какого-нибудь учебника по военному делу, изображения современного артиллерийского оружия в ногайских надгробиях мы не встретим. В построении подобного рода «натюрмортов» ногайские резчики проявляли гораздо большуюдержанность, не стремились к наглядности, старались не подчеркивать современных конструкций, отводили в тень (на нижние ярусы, на боковые грани надгробной плиты) все, что не имело непосредственного отношения к мусульманской символике. Вместе с тем внимательное изучение тех предметных и «звериных» мотивов, которые все же проникают в ногайскую резьбу по камню (выделим для примера рельефные изображения на боковой грани надгробия с кладбища Икон-Халк, обследованного Р.Х. Керейтовым в 1986 году; рис. 3), открывает чрезвычайно интересные перспективы, с одной стороны, использования материалов ногайской эпиграфики для этнографических

исследований ногайского быта, орудий труда, окружающей среды и природы, с другой стороны, для искусствоведческого анализа своеобразной стилистики этих каменных «натюрмортов», фрагментов интерьера и пейзажа, порою населенного очень своеобразными, стилизованными зверьками и птицами. Отметим при этом характерное стилевое, пластическое, а соответственно и мировоззренческое сближение включенных в единую ритмическую композицию изображений, происходящих по сути из совершенно разных «миров». Знак тамги, сохраняя свою абстрактность, здесь воспринимается как не совсем понятный, но вполне возможный в бытовом окружении человека предмет практического или декоративного назначения. Узоры зооморфного орнамента легко расшифровываются и «кузываются» как силуэты крылатых и бескрылых обитателей степи. Вертикально расположенные, возвышающиеся над подставкой («сундучком» с гребенчатым узором) изображения читаются одновременно и как графические знаки (буквы) арабского алфавита, и как реальные, узнаваемые предметы повседневного быта и труда степняка-скотовода или ремесленника (ножницы для стрижки овец, нож-стамеска и т.п.). Напомним, что «прорастание» буквы арабского алфавита предметным изображением, ее превращение, метаморфоза из знака в определенный предмет – отнюдь не исключительное, а довольно широко распространенное явление в художественной культуре мусульманского мира эпохи его модернизации, получившее свои особые формы развития, к примеру, в татарской книжной, журнальной, газетной графике, в искусстве татарских шамаилей конца 19 и начала 20 веков.

Если такого рода предметные натюрморты, изображения животных и растений можно считать органичной формой развития ногайской эпиграфической традиции, то появление (в поздний, советский период) портретов на надгробных камнях, которые уже перестают быть, таким образом, мусульманскими надгробиями, – в любой форме: фаянсовых инкрустаций (отпечатков с фотографии умершего) или рельефных (барельефных, контр-рельефных, гравированных) изображений в камне, – означает очевидное разрушение исламской художественной традиции и торжество эклектики (как в мировоззренческом, так и в эстетическом плане). Такого рода процессы и явления находятся уже за пределами темы нашего исследования.

Значительным пробелом в этом исследовании остается литературная сторона – тексты эпитафий, которые до сих пор еще не стали предметом специальных лингвистических и филологических анализов тюркологов и арабистов. Такие анализы могут стать важнейшим подступом к открытию новых граней в истории ногайской литературы, ибо как подсказывают аналогии (публикации текстов и переводов булгарских, казанских, крымскотатарских эпитафий), тексты на надгробных камнях содержат не только стандартные коранические формулы и выдержки из

Корана, но и совершенно особенные, индивидуально окрашенные, по-рою высоко поэтичные выражения скорби, надежды, горечи прощания, причем литература классических эпитафий тюркского мира охватывает весьма широкий диапазон жанров от торжественной оды и любовной лирики до своеобразной сатиры (самокритичного перечисления и описания грехов и недостатков, которое ведется от имени самого умершего). В поздних (современных) надгробиях тексты эпитафий, как правило, содержат написание имени, отчества (в русифицированной форме), фамилии умершего, даты рождения и смерти (что само по себе является отступлением от мусульманской эпиграфической традиции, предусматривающей начертание на камне одной лишь даты смерти), иногда различные тексты прощания, обращения к умершему от имени его детей или других родственников, довольно часто – стихи, заимствованные из мировой поэтической классики, из ногайского фольклора, или самодеятельного сочинения.

Для социологических исследований, как уже говорилось выше, важным источником являются указанные на надгробных камнях даты рождения и смерти жителей определенного села или региона. Так, к примеру, при нашем обследовании ногайского кладбища, примыкающего к поселку Канглы Минводовского района Ставропольского края выявились весьма печальная и драматическая панорама неуклонного сокращения продолжительности жизни местных жителей.

Тексты эпитафий на разных языках представляют собой также непочатый источник исторических исследований и открытий как в области древней, так и новейшей истории ногайского народа и других народов Северного Кавказа. Так же, как было бы, к примеру, чрезвычайно интересно уточнить обстоятельства одновременной гибели в 1942 году четырех братьев Гиллыевых (в каком бою, с кем, в ходе какой карательной акции или возмездия ?), четыре памятника которым стоят в ряд на балкарском кладбище у поселка Верхний Чегем, для ногайской истории было бы важно проследить биографию человека, похороненного в ноябре 1943 года на кладбище у поселка Икон-Халк (рис. 4): уникальное для военного времени, богато украшенное резьбой, сочетающей различные системы арабской каллиграфии (исполненный сочным выпуклым барельефом сульс в верхней части надгробия и врезанные вглубь камня знаки скорописи в восьми нижних ярусах, составляющих торжественную, как развернутый свиток ханского ярлыка, вертикаль) и выполненный кириллицей русский текст на боковых гранях, свидетельствует о неординарности такой биографии. К сожалению, работы такого рода ни историками, ни местными краеведами даже не начинались.

Чрезвычайно важным исследовательским направлением представляется изучение ногайского фольклора, в частности, своеобразного жанра ногайских обрядовых песен, связанных с погребальным культом, в кон-

тексте и взаимосвязи с историей ногайской эпиграфики. Само по себе изучение ногайской похоронной музыки, традиционных обрядовых песен-прощаний, песен-плачей, песен-воспоминаний, песен-утешений («холласув», «бозлав», «тонав», «йоклав», «юбантув») и форм их исполнения значительно обогатило современную этнографию и музикоискусственную науку⁴². Однако во взаимосвязи эти художественные явления (ногайская эпиграфика, резьба по камню, и ногайский поэтический и музыкальный фольклор, развитый в формах похоронных обрядовых песен и плачей) еще никогда не рассматривались, а именно в такой взаимосвязи можно было бы проследить не только проецирование интереснейших, в том числе старинных поэтических текстов и их фрагментов на надгробные камни (и тем самым превращение этих камней в источник сведений по истории ногайского поэтического фольклора), но и ритмические, и образные параллели между художественной резьбой по камню и мелодикой, ритмикой, содержательной стороной и интонациями обрядовых песен, составляющих важную часть народного творчества и всей духовной культуры ногайцев.

То же самое относится к филологическим исследованиям ногайского литературного наследия, в котором, как отмечают специалисты, вплоть до 20 века доминирующее положение занимала поэзия («Она представлена стихами (ятлау), поэмами (дестан), монологами (толгау), одами (мактау), элегиями (мунглау), посвящениями (орнау)»⁴³). В какой мере и в какой форме эти жанры ногайской поэзии вошли в национальную эпиграфику, повлияли на ее стилистику, определили ее содержание – открытый вопрос будущих перспективных исследований.

Особый пласт художественной культуры формирует орнаментика ногайских резных надгробных камней. Исследователи орнамента могут обнаружить здесь богатейшие, разнообразные мотивы растительного, зооморфного и геометрического характера⁴⁴. Некоторые из них (мотивы жгута, трилистника) имеют ярко выраженное сходство с мотивами булгаро-татарской и крымскотатарской орнаментики, другие заметно отличаются от орнаментальных узоров, распространенных в соседних ареалах. Так, например, мотив виноградной лозы, столь характерный для эпиграфических памятников «первого стиля» булгаро-татарской эпиграфики, не прослеживается (во всяком случае на основе наших полевых исследований и известного нам материала) в ногайской эпиграфике. Зато такого изумительного рисунка плетенки, напоминающей ковровые узоры кошмы, войлочного обрамления юрты кочевника, резьбу и живопись на сундуках, тиснение по коже на седлах и чересседельных сумках степных наездников и включающей мотивы, родственные буддистской символике монгольского, тувинского, калмыцкого искусства («узлы счастья» и иные композиции), как на лицевой поверхности надгробного камня из аула Сеитовка Астраханской области (рис. 1), мы не

найдем ни в одном из классических памятников тюрко-мусульманской эпиграфики Среднего Поволжья и Крыма.

Техника нанесения на камень каллиграфических, орнаментальных узоров и изображений подвержена определенной исторической эволюции и вместе с тем чрезвычайно разнообразна внутри каждой эпохи. Здесь сочетается и плоский барельеф, и сочный высокий рельеф (при этом слегка склоненные под углом рельефные узоры создают живописную игру светотени), и врезанные вглубь камня знаки и тексты. Изредка (гораздо реже, чем у соседних мусульманских народов Северного Кавказа, например, у народов вайнахской группы или у осетин) применяется позолота или раскраска отдельных деталей, формирующая полихромную композицию памятника. При этом густым, ярким краскам ногайские мастера предпочитают светлые, прозрачные тона, например, голубой цвет в сочетании с мягкой позолотой, особенно характерный для колорита надгробий на кладбище у поселка Канглы. Раскраска обычно используется для декора памятников, сооруженных из «современных», недорогих материалов (бетон, цемент, мраморная крошка), в то время как сравнительно редкие надгробия из «чистого» гранита или мрамора сохраняют естественную красоту природных материалов.

Архитектурные композиции, изначально строго определенные требованиями погребального культа (вертикально врытая в землю, над изголовьем погребенного, плита без пьедестала), со временем становятся более разнообразными (камень на постаменте разных форм; две плиты, соединенные каменной или кирпичной «оградой» и составляющие своего рода «спинки» памятника-саркофага; плита с одной стороны, – в изголовье, – и столбик «в ногах», на который водружен кирпич или камень, окруженные кирпичной «оградой», как, например, сооружение над могилой Ш.И.Нуралиевой на кладбище Эркен-Юрт; рис. 10), что противоречивым образом соединяет в себе и развитие (обогащение) материальной традиции, в частности, под влиянием других региональных школ исламского искусства⁴⁵, и ее постепенное размытие и разрушение, проникновение эклектики в мусульманские некрополи⁴⁶. Очертания надмогильных плит в современных ногайских памятниках также весьма разнообразны (прямоугольные, со срезанным – по диагонали – завершением, трапециевидные, в форме «арки на плечиках», причем ширина этих «плечиков» колеблется от едва заметных выступов до отрезков протяженностью в десятки сантиметров, а высота арки – от низкого, едва обозначенного плавной линией овала до четкого полукруга; наряду с плоскими арками имитация купольных сооружений или «куполов в разрезе», имеющих форму глубоких круглых ниш с ребристыми стенками). В пропорциях современных ногайских надгробий при всем широком разбросе возможных решений все же преобладают «высотные», вытянутые вверх по вертикали сооружения. Особенно внушительное впечат-

ление в этом отношении производит кладбище у поселка Канглы с его обилием узких высоких стел, врытых в землю без какого-либо пьедестала (рис. 14).

Подводя краткие итоги далеко не завершенному, только начинающемуся исследованию ногайской эпиграфики и содержанию данной первой публикации предварительных итогов такого комплексного исследования, подчеркнем еще раз, что ногайская эпиграфика представляет собой практически неизвестную научному миру и чрезвычайно интересную страницу не только национальной, но и общетюркской и общекавказской истории и культуры, и более внимательное, более бережное отношение к ее реалиям (сохранившимся и полуразрушенным памятникам, рассеянным по Ногайской степи, до сих пор не взятым на учет и не находящимся под защитой государства) является актуальной задачей федеральной и региональной культурной политики и широкого комплекса гуманитарных, прежде всего исторических наук (археологии, этнографии, исламоведения, искусствознания, тюркологической лингвистики и филологии), еще не сказавших о значении и ценности этих памятников своего весомого слова.

Примечания:

- ¹ В широкий ряд трудов, посвященных истории булгаро-татарской и крымскотатарской эпиграфики, входят (в хронологической последовательности): Петр Кеппен. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. Санкт-Петербург, 1837; А.А. Борзенко, А.Ф. Негри. Бахчисарайские арабские и турецкие надписи // Записки Одесского Общества истории и древностей, Одесса, 1850. С. 489-524; Н.Ф. Катанов. Эпиграфический памятник Волжской Булгари // Казанский музейный вестник, 1921, № 1-2. С. 55-56; Осман Акчокраклы. Старо-Крымские и Отузские надписи XIII-XV вв. Симферополь, 1927; П.Е. Корнилов. К орнаментике булгаро-татарского резного камня // Материалы по охране, реставрации и ремонту памятников ТССР. Выпуск 3. Казань, 1929. С. 1-19; П.М. Дульский. Несколько слов по поводу орнаментики татарских памятников XVI-XVII вв. // Там же. С. 22-26; С.Е. Малков. Булгарская и татарская эпиграфика // Эпиграфика Востока, Выпуск 1-2. М.. 1947-1948; Г.В. Юсупов. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. М.-Ленинград, 1960; Г.В. Юсупов. Новые находки эпитафий периода Казанского ханства // Эпиграфика Востока, 1963, № XVI. С. 72-81; Д.Г. Мухаметшин. О новых эпиграфических памятниках Булгарского городища // Из истории культуры и быта татарского народа и его предков. Казань, 1976. С. 60-71; А.Н. Khalikov, D.G. Muhametshin. Unpublished Volga Bulgarian Inscriptions // Acta Orientalia, XXXI (1), 1977. Р. 197-225; Ф.С. Хакимзянов. Язык эпитафий волжских булгар. М., 1978; Д.Г. Мухаметшин, Ф.С. Хакимзянов. Эпиграфические памятники города Булгара. Казань, 1987; Д.Г. Мухаметшин. Резьба по камню в Среднем Поволжье XIII – первой половины XVI вв. // Труды Академии художеств СССР. Выпуск 5. М., 1988. С. 205-217; Светлана Червонная. Мусульманская эпиграфика (резные надгробные камни) в Крыму // Татарская археология, 1997, № 1. С. 107-128. Кроме специально посвященных этой теме публикаций, немало общих трудов по истории, культуре и искусству Татарстана и Крыма содержат разнообразные сведения по татарской эпиграфике. Внимание исследователей издавна привлекала также эпиграфика народов Дагестана, что нашло отражение в ряде публикаций, не затрагивающих, однако, художественного наследия ногайского народа: А.С. Башкиров. Искусство Дагестана. Резные камни. М., 1931; Л.И. Лавров. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. М., 1966;

- А.Р. Шихсаидов. Эпиграфические памятники Дагестана. М., 1984; М.М. Маммаев. Исламское искусство Дагестана: формирование и характерные черты // Ислам и исламская культура в Дагестане. М., 2001. С. 86 - 107.
- ² Показательно, что мусульманская эпиграфика не нашла отражения даже в книге, которая до сих пор составляет основной стержень библиографии по истории и культуре ногайцев: И.Х. Калмыков, Р.Х. Керейтов, А. И.-М. Сикалиев. Ногайцы. Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1988.
- ³ М.И. Артамонов. История хазар. Издание второе. Санкт-Петербург, 2001. С. 565-566.
- ⁴ Там же. С. 580.
- ⁵ В.Е. Возгрин. Исторические судьбы крымских татар. М., 1992. С. 112.
- ⁶ Там же. С. 113.
- ⁷ А.А. Ярлыков. Ислам у степных ногайцев в XX веке (историко-этнографическое исследование). Автореферат диссертации, представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1999. С. 14.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Ныне существует довольно богатая историческая и искусствоведческая литература, исследующая эти памятники на обширных просторах Евразии, на территории бывшего Тюркского каганата, в Половецких степях и представляющая различные семиотические версии значения каменных статуй и таких деталей этих изображений, как оружие, подвешенное на поясе, или кувшинчик, прижатый обеими руками к животу; в хронологической последовательности основу этого ряда известных публикаций составляют: К.К. Кудряшов. Половецкие степи. М., 1948; Л.А. Евтихова. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии. М., 1952 (МИА, № 24. С. 72-120); А.Д. Грач. Древнетюркские изваяния Тувы. М.. 1961; Я.А. Шер. Каменные изваяния Семиречья. М. - Ленинград, 1966; Л.Р. Кызласов. Искусство Тувы в Средние Века. М., 1969; С.А. Плетнева. Половецкие каменные изваяния. М., 1974; С.А. Плетнева. Половцы. М., 1990. Развернутая глава «Каменные изваяния», включающая раздел «Типология, хронология и этническая принадлежность изваяний», включена в книгу: Х.Х. Биджиев. Тюрки Северного Кавказа (Болгары, хазары, карачаевцы, балкарцы, кумыки, ногайцы: вопросы истории и культуры). Черкесск, 1993. С. 217 – 250.
- ¹⁰ См.: Е.А. Халикова. Сельские кладбища Волжской Булгарии XII – начала XIII в. // Из истории культуры и быта татарского народа и его предков. Казань, 1976. С. 39 – 59; Е.А. Халикова. Билярские некрополи // Исследования Великого города. М., 1976. С. 113 – 168; Е.А. Халикова. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X – начала XIII в. Казань, 1986.
- ¹¹ Самый ранний из числа обнаруженных эпиграфических памятников волжско-булгарского ареала датирован 680 годом хиджры (1281-1282); он найден в 1951 г. около села Русский Урмат Высокогорского района, на месте Иски-Казани. Камень имеет стрельчатое очертание, высоту около 145 см и врезанную в плоскую лицевую поверхность куфическую надпись. Опубликован в трудах исследователей булгаро-татарской эпиграфики: Г.В. Юсупов. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. М.-Л., 1960. С. 47; Р.Г. Фахрутдинов. Исследования Старой Казани (итоги раскопок 1970-х годов) // Советская археология, 1984, № 4. С. 91. О более ранних надгробных эпиграфических камнях на территории Татарстана сохранились лишь косвенные свидетельства, например, упоминание в «Булгарской истории» Г. Ахмарова о камне из села Ямбухтино Тетюшского района, относящемся к 1244 году (Г. Ахмаров. Болгар тарихы. Казан, 1907. С. 125).
- ¹² Осман Акчокраклы. Старо-Крымские и Отузские надписи XIII-XIV вв. Симферополь, 1927. (Отдельный оттиск публикации в томе 1 (58) «Известий Таврического общества истории, археологии и этнографии»).
- ¹³ Л.Н. Гумилев. Древняя Русь и Великая степь. М., 1993. С. 537.
- ¹⁴ См.: М.-Р.А. Ибрагимов. Ногайцы // Народы России. Энциклопедия. М., 1994. С. 256.
- ¹⁵ Рюи Гонзалес де Клавихо. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканде в

- 1403 – 1406 гг. // Сборник Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук. Санкт-Петербург, 1881. Том 28. С. 342.
- ¹⁶ В то же время нам хотелось бы подчеркнуть, что длительность, постепенность, дискретность процессов исламизации ногайского населения не следует преувеличивать так, как это делают некоторые авторы, создавая совершенно ложное впечатление чуть ли не до 19 века сохранившейся «поликонфессиональности» ногайского общества (См., например: В.М. Викторов. Поликонфессиональный состав ногайского этноса в традициях его культуры // Региональное кавказоведение и тюркология; традиции и современность. Тезисы докладов. Карабаевск, 1998. С. 59 – 60). Как бы ни очевидны былиrudименты шаманизма, тенгризма, несторианского христианства в языке, топонимике, этнической памяти ногайского народа, это был народ отнюдь не «поликонфессиональной» религиозной культуры, а последовательной и массовой принадлежности к суннитскому исламу, достигнутой уже в золотоордынскую эпоху и впоследствии еще более укреплявшейся.
- ¹⁷ См. об этом: Н.Г. Волкова. Маджары. Из истории городов Северного Кавказа // Кавказский этнографический сборник, выпуск V. М., 1972.
- ¹⁸ Там же. С. 56.
- ¹⁹ М.А. Булгарова. Ногайская топонимия. Ставрополь, 1999. С. 208.
- ²⁰ В.В. Бартольд. Собрание сочинений. Том V. С. 143.
- ²¹ В.М. Жирмунский. Тюркский героический эпос. Ленинград, 1974. С. 415-416.
- ²² В.В. Виноградов. Мавзолей Борга-Каш и ранняя история ногайцев // Проблемы этнической истории народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1980. С. 13.
- ²³ Эвлия Челеби. Книга путешествия. Москва, 1979. С. 84.
- ²⁴ Акты Кавказской Археографической Комиссии. Том VII. М.. 1878. С. 772.
- ²⁵ Петр Кеппен. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. Санкт-Петербург, 1837. С. 31.
- ²⁶ Завершающей в этом ряду на современном этапе была комплексная научная экспедиция, проведенная в 1999 году в районах компактного проживания ногайцев по программе «Тюркский мир Юга России в конце 20 века: основные параметры этнокультурной общности и дифференциации» при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект 99-01-18029e) под руководством С.М. Червонной. В маршируют экспедиции входили Хабезский и Адыге-Хабльский районы, в частности, ногайские поселения Икон-Халк, Эркен-Юрт, Эркен-Шахар и прилегающие к ним кладбища. Материалы и выводы проведенной экспедиции частично отражены в публикациях: С.М. Червонная. Тюркский мир в центре Северного Кавказа. Парадоксы этнической мобилизации. Под редакцией М.Н. Губогло. М., 1999; С.М. Червонная. Тюркский мир юго-восточной Европы. Крым – Северный Кавказ. Берлин, 2000.
- ²⁷ Материалы авторского (С.М. Червонной) исследования этих кладбищ, проведенного в 1984 году, отражены в публикации: С.М. Червонная. Актуальные проблемы развития национальной художественной культуры в современной деревне (по итогам комплексной научной экспедиции, организованной Академией художеств СССР в сельских районах Татарской АССР летом 1984 года) // Труды Академии художеств СССР. Выпуск 5. М., 1988. С. 128-153.
- ²⁸ Отметим в этой связи интересный опыт исследования «эстетики кочевников», получивший отражение в книге, подготовленной коллективом авторов Института философии Национальной Академии наук Республики Казахстан: Кочевники. Эстетика (Познание мира традиционным казахским искусством). Алматы, 1993.
- ²⁹ С.М. Червонная. Искусство Татарии. История изобразительного искусства и архитектуры с древнейших времен до 1917 года. М., 1987. С. 158 – 161; илл. 22 и 23 (визуальное сопоставление резного надмогильного камня 1543 года и ярлыка казанского хана Сахиб-Гирея (1523)).
- ³⁰ См.: М.А. Усманов. Жалованные акты Джучиева улуса XIV – XVI вв. Казань, 1979.
- ³¹ И.Л. Кызласов. Древнекакасские памятники на плитах кургана Узун-Оба // Советская

тюркология (Баку), 1985, № 1. С. 60. В трудах И.Л. Кызласова воссоздана не только общая картина и история развития древнетюркского рунического письма (И.Л. Кызласов. Древнетюркская руническая письменность Евразии. М., 1990; И.Л. Кызласов. Рунические письменности евразийских степей. М., 1994; И.Л. Кызласов. Материалы к ранней истории тюрков. Древнейшие свидетельства о письменности// Российская археология, 1998, №№ 1,2), но также опубликованы материалы, свидетельствующие о распространении рунического письма в Хазарском каганате и в культуре древних булгар (см.: Игорь Кызласов. Руническая эпиграфика древних болгар // Татарская археология, 2000, № 1-2 (6-7). С. 5 – 18). Распространение древнетюркского рунического письма у волжских булгар до принятия ими ислама и на ранних этапах исламизации (параллельно с арабской письменностью) подтверждается также другими археологическими исследованиями (см., например: А.Ф. Кочкина. Рунические знаки на керамике Биляра // Советская тюркология, 1985, № 4), не затрагивающими, однако, область мусульманской надгробной эпиграфики.

³² А. И.-М. Сикалиев. Ногайское эпическое и литературное наследие XIV – XIX веков и современная культура ногайцев // Культурная диаспора народов Кавказа: генезис, проблемы изучения (по материалам Международной научной конференции, 14 – 19 октября 1991 г., Черкесск). Черкесск, 1993. С. 163.

³³ Опубликован в 1980 году: Э.Ф. Ишбердин. Камень с «загадочными» знаками // Советская тюркология, 1980, № 2. С. 64-67.

³⁴ Там же. С. 67.

³⁵ См., в частности: С.Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.-Л., 1951. С. 17.

³⁶ Осман Ачокраклы. Татарские тамги в Крыму. Известия Крымского Педагогического института им. М.В. Фрунзе. Книга 1 (отдельный оттиск). Симферополь, 1927. Трудами известного исследователя Исмаила Отара (крымского татарина, проживающего в Турции) эта коллекция рисунков переиздана на высоком полиграфическом уровне: Osman Akçokraklı, İsmail Otar. Kırım'da Tatar Tamgaları. Ankara, Haziran, 1996.

³⁷ Там же. В русском издании – С. 46, в турецком – С. 30.

³⁸ В этом контексте ногайские тамги подробно исследуются и классифицируются по группам, соответствующим известным родам и племенам, участвовавшим в этногенезе ногайцев, в книге: Р.Х. Керейтов. Этническая история ногайцев. Ставрополь, 1999. Еще раньше автором была сделана попытка распределения наиболее часто встречающихся рисунков тамги по родам и фамилиям кумских ногайцев, которые используют соответствующие знаки тамги (См.: Р.Х. Керейтов. К истории некоторых ногайских фамилий. Черкесск, 1994; Р.Х. Керейтов. Орда пашню пахала на Куме. Очерки истории и этнографии кумских ногайцев. Минводы, 1996. С. 62 – 66). Широкую сравнительную картину известных по археологическим материалам и этнографическим исследованиям знаков тамги народов Северного Кавказа представляет в своем исследовании карачаевский историк-археолог Х.Х. Биджиев: Х.Х. Биджиев. Тюроки Северного Кавказа (Болгары, хазары, карачаевцы, балкарцы, кумыки, ногайцы: вопросы истории и культуры). Черкесск, 1993. С. 163 – 187.

³⁹ Работа в этом направлении началась еще в 19 веке, и опорой современных исследований до сих пор остаются такие важнейшие публикации, включающие описания и изображения различных рисунков ногайской тамги и сравнительные материалы из культуры соседних народов, как: П.И. Небольсин. Очерки Волжского низовья. Санкт-Петербург, 1852; П.И. Небольсин. Инородцы Астраханской губернии. Заметки о кундровских татарах // Вестник императорского русского географического общества, Санкт-Петербург, 1851, часть II; 1852, часть II; Е.Д. Фелицын. Сборник тамг, или фамильных знаков, западно-кавказских горцев и племени Кабертай адыгского народа // Записки Одесского общества истории и древностей, 1889, том 15; Н. Семенов. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. Санкт-Петербург, 1895.

⁴⁰ Зооморфные мотивы, в частности изображение птицы, встречаются и в булгарских надгробиях 13-14 веков, свидетельствуя о связях эпиграфического искусства с более

древними, доисламскими традициями булгарской культуры. По заключению Д.Г. Мухаметшина, который нашел и опубликовал ряд таких памятников (см.: Д.Г. Мухаметшин. Резьба по камню в Среднем Поволжье XIII – первой половины XVI вв. // Труды Академии художеств СССР. Выпуск 5. М., 1988. С. 205-217), их иконография связана с представлениями о душе, покидающей тело умершего, как отлетающая птица (обычно сокол с расправленными крыльями).

⁴¹ Русский исследователь Е.Л. Марков в своих «Очерках Крыма», составленных во второй половине 19 века, оставил подробное описание надгробий, сосредоточенных при Бахчисарайском ханском дворце. «На каждом гробу, – отметил он, – неизбежный стих из Алкорана. На некоторых иссечены какие-нибудь вооружения; на Менгли-Гирее, например, грозная тяжелая сабля» (Очерки Крыма. Картины крымской жизни, истории и природы Евгения Маркова. Издание второе с 257 картинами и рисунками. Санкт-Петербург – М., 1902. Факсимильное переиздание: Симферополь, 1995. С. 75-76).

⁴² См.: Б.Б. Карданова. Обрядовые песни ногайцев (к характеристике жанров) // Вопросы искусства народов Карабаево-Черкесии. Сборник научных трудов. Черкесск, 1993. С. 60 – 76; Б.Б. Карданова. Музикальный фольклор ногайцев в контексте их этноЗыкальных взаимосвязей с другими народами // Культурная диаспора народов Кавказа: генезис, проблемы изучения (по материалам Международной научной конференции, 14 – 19 октября 1991 г., Черкесск). Черкесск, 1993. С. 108 – 111.

⁴³ А. И.-М. Сикалиев. Ногайское эпическое и литературное наследие XIV – XIX веков и современная культура ногайцев // Культурная диаспора народов Кавказа: генезис, проблемы изучения (по материалам Международной научной конференции, 14 – 19 октября 1991 г., Черкесск). Черкесск, 1993. С. 164.

⁴⁴ Предпринятое Е.И. Братковой исследование орнамента народов центральной и западной зоны Северного Кавказа, отраженное в ее публикациях (см., например: Е.И. Браткова. Об этнической специфике орнамента (по результатам типологических исследований) // Вопросы искусства народов Карабаево-Черкесии. Сборник научных трудов. Черкесск, 1993. С. 3 – 23), выявляет многие геометрические, растительные (лепесток, двулистник, трилистник разнообразных очертаний, мотив тюльпана, ромашковидной розеты), зооморфные («бараньи рога», «рога вола») и антропоморфные мотивы, которые обнаружены ею в различных видах декоративно-прикладного искусства. Именно эти мотивы в различных комбинациях встречаются и в ногайской резьбе по камню. «Самый общий вывод относительно ногайского орнаментального искусства, – пишет Е.И. Браткова, – может быть следующим: при несомненном и сильном влиянии кавказской культуры, в частности, адыгского культурного комплекса, в ногайском орнаменте сохранилась этническая самобытность, связанная с несомненной приоритетностью мотивов кочевнической, степной культуры...» (Там же. С. 18). Этот вывод, сделанный ею на материалах, далеких от эпиграфики (в центре внимания Е.И. Братковой были такие виды декоративно-прикладного искусства народов Кавказа, как вышивка, в частности, золотошвейные изделия абазинских мастеров, представляющие собой разновидность адыгского золотого шитья), в полной мере подтверждается и нашими первыми исследованиями ногайского эпиграфического материала.

⁴⁵ Надгробия в форме «саркофагов» известны и по крымским коллекциям, и по истории искусства других мусульманских стран, включая весьма отдаленные от юго-восточной Европы регионы.

⁴⁶ Из записанного нами в ходе экспедиции 1999 году интервью с Курманом Булатовым, помощником молодого имама-настоятеля новой мечети в ногайском поселке Канглы, вместе с которым мы осматривали прилегающее к поселку кладбище, следует, что его крайне огорчали «неправильные» (в частности, обнесенные оградой, водруженные на постаменты), не соответствующие требованиям мусульманского культа сооружения, воздвигаемые над могилами близких односельчанами, «не понимающими», как надо ставить камень над могилой мусульманина, следующими прихотям «чуждой» моды (Из дневника экспедиции в личном архиве С.М. Червонной).

Рис. 1. Резное каменное надгробие вблизи ногайского аула Сеитовка Астраханской области. (Рис. 1-4 - из материалов предварительных полевых исследований Р.Х. Керейтова 1985 – 1986 гг. Атрибуция (датировка) эпиграфических памятников и расшифровка надписей не проводились. Фотографии Р.Х. Керейтова и И.А. Матахаева.)

Рис. 2. Резное каменное надгробие с восьмиярусным текстом эпитафии, коранической формулой в картуше, обрамленной четырьмя рельефными изображениями пятиконечных звезд и двумя (большим вверху, малым внизу) изображениями полумесяца, опрокинутого вверх заостренными концами; в верхней части в обрамлении круглого рельефного бордюра - изображение колеса-розеты с остроконечными очертаниями лепестков и пятиконечной звезды в центре. Старая часть мусульманского кладбища у ногайского поселка Икон-Халк Адыгэ-Хабльского района.

Рис. 3. Фрагмент резьбы по камню на боковой грани надгробного памятника, находящегося в старой части мусульманского кладбища у ногайского поселка Икон-Халк Адыгэ-Хабльского района.

Рис. 4. Надгробный камень над захоронением, произведенным в ноябре 1943 года, на мусульманском кладбище у ногайского поселка Икон-Халк Адыге-Хабльского района.

Рис. 5. Зарисовки надгробных камней с тамгами, сделанные руководителем археологической экспедиции 1925 года Османом Акчокраклы в северной, степной части Крымского полуострова. Опубликованы в книге: Osman Akçokraklı, İsmail Otar. Kırım'da Tatar Tamgaları. İstanbul, 1983. С. 167. (Рис. 5-7 - сравнительный материал, полученный в итоге исследований соседних регионов другими авторами.)

Рис. 6. Осетинское мусульманское надгробие у села Лескен Северной Осетии – Алании супругам Каировым, умершим в 1945 году. Полевые исследования Н.А. Емельяновой, 2001 год.

Рис. 7. Надгробие балкарцу Мутаю Гиллыеву, погибшему в 1942 году, с изображением шестилистковой звезды-розетки внутри полумесяца в верхней круглой части памятника и оружия (горизонтально расположенного кинжала) над врезанным в камень именем умершего.

Рис. 8. На пути к ногайскому кладбищу у аула Эркен-Юрт. (Рис. 8-15 - из материалов полевых исследований, проведенных в июле 1999 года в ногайских аулах Эркен-Юрт и Икон-Халкт Адыге-Хабльского района Карачаево-Черкесской Республики, в ногайском же ауле Канглы Минводовского района Ставропольского края в ходе комплексной научной экспедиции (в районах компактного проживания ногайцев на Северном Кавказе) под руководством С.М. Червонной).

Рис. 9. Надгробие Канитат Ахметовны Еслимесовой (1923 – 1999) на ногайском кладбище у поселка Эркен-Юрт. На белой поверхности камня тонкими линиями врезанного вглубь рельефа изображены знаки мусульманской символики (в верхней части надгробия) и знак родовой тамги (под эпитафией). Сложная композиция современного надгробного сооружения включает камень прямоугольных очертаний (со срезанным в верхней части углами) на двухступенчатом постаменте в изголовье погребения, столбик с положенным на него камнем «у ног» и соединяющую их кирпичную дорожку-ограду.

Рис. 10. Надгробие Ш.И.Нуралиевой (1915 – 1999) в форме «саркофага» с оградой из силикатного кирпича, столбиком «у ног» и каменной плитой «в изголовье», имеющей очертания в форме овальной арки на плечиках, с изображением на лицевой поверхности звезды, полумесяца (слева), знака родовой тамги (справа), портрета умершей и эпитафии на русском языке. Ногайское кладбище у поселка Эркен-Юрт.

Рис. 11. Современные надгробия на ногайском кладбище у поселка Икон-Халк: в резьбе по камню эклектичное сочетание знаков мусульманской символики (полумесяц и пятиконечная звезда), русских текстов и арабских надписей, знаков родовой тамги (памятник Джанбеку Сафар-Алиевичу Джемакулову). Разнообразны очертания каменных плит (прямоугольные, полукруглые арки на плечиках и др.). Могилы обычно обрамлены невысокими оградами – в три ряда кирпичей.

Рис. 12. Памятник Шайдат Авашевны Телеевой (1908 – 1985) на кладбище у ногайского аула Канглы. В верхней части памятника высоким рельефом выделены знаки исламской символики: шестиконечная звезда и полумесяц. Ниже в камень врезан знак родовой тамги.

Рис. 13. Белокаменное надгробие Мурадаю Мустафаевичу Алиеву (умер в 1985 году), имеющее завершение в форме полукруглой арки на плечиках, с контр-рельефными изображениями звезды и полумесица (в верхней части), элементов растительного и зооморфного орнамента и кувшина (в нижней части надгробия). Кладбище у ногайского аула Канглы.

Рис. 14. Фрагмент ногайского кладбища, примыкающего к аулу Канглы.

Рис. 15. Ногайское мусульманское кладбище, примыкающее к аулу Канглы. Общий вид издали.

Рис. 16. Участники экспедиции 1999 года, собиравшей материалы по ногайской эпиграфике. Слева – авторы статьи: Рамазан Керейтов и Светлана Червонная.

Светлана Суслова

Сибирско-татарская коллекция ювелирных украшений Тобольского музея как историко-этнографический источник

Историко-этнографические, искусствоведческие исследования отечественных (Г.П.Васильева, А.Ю.Заднепровская, М.Г.Крамаровский, Е.Ю.Смирнова, С.В.Суслова, Н.С.Сычова, Л.А.Чвырь) и зарубежных (M.Boyer, I. Lehtinen) авторов показывают, что ювелирные украшения - особая категория этнических культур, которая в силу «нетленности» и ёмкости заключающейся в ней научной информации представляет собой важный историко-этнографический источник, позволяющий обоснованно иллюстрировать этапы этнической истории народа: древние и средневековые этнические процессы, ранние и поздние этнокультурные взаимосвязи.

В фондах Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (ТГИАМЗ) хранится уникальная коллекция из области народного костюма сибирских татар: около четырехсот предметов, основную часть которых составляют ювелирные украшения. Наиболее ценные из них поступили на рубеже XIX-XX вв. от татар. Другой информации, к сожалению, нет. Коллекция включает в себя большое количество драгоценных, порою уникальных предметов, которые в разные периоды истории сопровождали костюм сибирско-татарской знати. Судя по нашим материалам¹ и специальным публикациям Е. Ю. Смирновой², подобные украшения были мало известны и весьма редко встречались у основной сельской массы сибирских татар, во всяком случае, в этнографически обозреваемый период времени.

Тобольская коллекция представляет собой достаточно серьезный источник по культурогенезу и этнической истории сибирских татар и татар в целом, однако она практически не введена в научный оборот. Некоторые предметы из этой коллекции, как увидим, типологически и функционально тесно связаны с ювелирными украшениями ханского периода татарской истории и генетически восходят к ювелирному искусству Золотой Орды.

В настоящей статье предпринимается попытка историко-этнографического (генетического) анализа ряда наиболее интересных в этом отношении ювелирных украшений, бытовавших главным образом в высших сословиях сибирских татар. Анализ основан на разработанной прежде и апробированной для украшений волго-уральских татар методике, включающей синхронный и диахронный аспекты исследования³.

Из головных украшений в коллекции представляют интерес серьги, состоящие из двух сканых блях с подвесками – основного щитка миндалевидной формы и верхней розеткообразной, рис. 1. По форме, технике исполнения (спиральная скань), характеру декоративного оформления (розетка из мелкой бирюзы) они относятся к этноспецифическим женским

украшениям казанских татар. Многочисленные варианты этих серёг широко бытовали у волго-уральских татар и кряшен в XVIII-XIX в. и ранее⁴, рис. 2. Более того, выдающейся булгаровед А.П. Смирнов видел их прообразы в миндалевидных серьгах с подвесками из сарматских памятников⁵. Татарское название этих серег - «сырга»; у креценых татар встречается термин «кандала сырга» (серьга «клоп»). Встречались такие серьги и в отдаленных периферийных, часто этнически смешанных районах Приуралья и Западной Сибири, где их называли более конкретно - «татар сыргасы», подчеркивая их именно татарское происхождение⁶.

В коллекции в качестве сибирско-татарских значится любопытная пара миндалевидных серёг, которая, по нашему мнению, может рассматриваться как поздне - золотоордынский прототип данного типа серег, хотя и небесспорно, рис. 3. По форме основного щитка, характеру подвесок (в виде мелких монет) эти серьги идентичны казанско-татарским. По рисунку же скани (мотив многолепестковой розетки) и особенностям инкрустации самоцветами (отсутствие характерной для казанско-татарских серег розетки из самоцвета, осыпанного мелкой бирюзой) они сопоставимы с золотоордынскими изделиями⁷. Сопоставимы они в этом отношении и с ювелирными украшениями (бляхами), венчающими «Казанскую шапку» - хансскую корону XV-XVI в.в. Сомнение вызывают русские монеты, прикрепленные к серьгам в качестве подвесок.

Тобольские серьги крупные, их ушко дротовое, что говорит о том, что они использовались в качестве височных подвесок к головному убору. Подобные крупные серьги (до 15 см.) в период Казанского ханства были известны и казанским татарам. См, например, «Портрет последней царицы Казанского ханства Сююмбеки» неизвестного художника. Копия XVIII века с картины XVII в.). Они крепились к головному убору вроде сахарной головки и нередко соединялись между собой подбородочными цепочками. Так, в собраниях А.Ф. Лихачёва в Национальном музее РТ (Казань) хранится массивное позолоченное украшение из двух крупных миндалевидных подвесок, соединенных цепью, украшенной пятью парами сканых с зернью шариков, висящих на отрезках цепи. Каждая подвеска состоит из сканой розетки с двумя прикрепленными листовидными подвесками и большой миндалевидной бляхи, с боков которой прикреплено шесть листовидных подвесок, а к низу – подвеска в виде двух сканых, с зернью, шариков. К каждой бляхе прикреплена на двух цепочках с четырьмя листовидными подвесками подобная же миндалевидная бляха, но меньших размеров, рис. 4. Совершенно очевидно, что центральные детали этого старинного шейно-височного украшения (сканые миндалевидные бляхи) аналогичны древним тобольским серьгам и серьгам казанско-татарским. До настоящего времени достаточно крупные миндалевидные серьги с подбородочной цепочкой, тесьмой или лентой сохранились в обрядовой одежде у волго-уральских кряшен, извес-

тных приверженностью к сохранению в их костюме древнетюркских, кипчако-ногайских элементов, у которых они также крепятся к височной части головного убора *сурекэ*.

Интерес в связи с этими аналогиями представляет украшение, внешне напоминающее ожерелье, и значащееся в фондах Тобольского музея как шейно-нагрудное. Оно состоит из несомкнутой цепи с восемью серебряными монетными подвесками с сердоликовой подвеской-бляхой в центре цепи, к которой прикреплены три монетки меньшего достоинства. От обычного ожерелья это украшение отличают две цепочки-подвески, прикрепленные с концов основной цепи. Края цепи с подвесками также прикреплялись к височной части головного убора, а основная её часть украшала шею и грудь. Подобное оригинальное украшение, вероятно, бытовало и в Казанском ханстве. Во всяком случае, его видно на рисунке с изображением знатной казанской татарки в одеждах рубежа XVII-XVIII веков из книги Корнелия де Бруини⁸, рис. 5. В тюрко-монгольском мире имеется большой круг аналогий, позволяющий отнести это украшение к разряду рассмотренных выше шейно-височных. Это *нырга* у башкир⁹, *халхан сырга* у каракалпаков¹⁰, *халкаб сырга* у узбеков¹¹, *саукелини сыргасы* у казахов¹², *сойко желбурооч* у киргизов¹³, *тенечир* у туркмен¹⁴. Широко подобное украшение было распространено у ногайцев¹⁵ и у монгол¹⁶, рис. 6. Известно оно и крымским татарам¹⁷.

Исклучительно интересной в этой связи представляется выполненная Е.А.Халиковой реконструкция женского костюма по материалам Больше-Тигановского могильника конца VIII – первой половины IX в.¹⁸, истоки культуры которого через Приуралье восходят к памятникам Западной Сибири, Средней Азии и Казахстана¹⁹. Крупные височные подвески в женских погребениях также были соединены цепочками, лежавшими под нижней челюстью в области шеи, и, очевидно, при ношении свободно свисали вниз. Трудно сказать что-либо определенное о взаимосвязи всех этих украшений. Некоторые исследователи отмечают, и, вероятно, не без основания, что подобные шейно-височные украшения имелись у тех народов, этническая история которых так или иначе связана с Алтаем и Южной Сибирью²⁰.

Из украшений, используемых для украшения кос, в коллекции отметим два круга предметов, связанных происхождением с различными этническими традициями.

1. Накосники *цолбу*, *чуллы* в виде сканых блях лопастной формы, вплетающиеся в косы женщины при помощи тесьмы. Большинство из них выполнены в сканой технике невысокого качества в конце XIX в. в одном из периферийных очагов производства (возможно и в Сибири) казанскими или местными ювелирами. Среди них имеются и более ранние драгоценные экземпляры, выполненные в технике филиграни, характерной для казанско-татарской ювелирной традиции, рис. 7. У си-

бирских татар, так же как и у волго-уральских, *чуллы* использовались в качестве самостоятельного украшения для кос и как декоративная деталь *кайрык* (хвост) девичьего матерчатого монетного украшения *тезме*²¹. По этнографическим данным, подобные накосники из различной формы блях, выполненных в разных ювелирных техниках, были известны всем этнотерриториальным группам волго-уральских татар (кроме кряшен). Их носили касимовские татарки²², мишарки²³. Они были известны большинству тюркоязычных этносов Евразии – башкирам²⁴, узбекам²⁵, казахам²⁶, киргизам²⁷ и др., но сканые лопастной формы преобладали у волго-уральских, преимущественно казанских татар²⁸.

2. Серебрянные накосники-куполки (юрточки) – фрагменты девичьего накосного украшения *чечбау*, *чапук*. В косы вплетались чёрные шелковые или х/б шнуры с длинными кистями на концах. Эти шнуры продевались в куполки. Такие накосники имели широкое распространение у кочевых в прошлом народов Средней Азии и Казахстана (узбеков, таджиков, киргизов)²⁹, а также у ногайцев³⁰ астраханских татар – карагашей³¹.

Из нагрудных украшений, бытовавших у сибирских татар и широко представленных в коллекции, интересны амулеты, также издревле характерные для тюркских и монгольских этносов Евразии³². Тобольские амулеты состоят из одного-двух шарнирно соединенных цилиндриков и подвесных блях, рис. 8, 9. Их носили на груди, на цепочке. Основная функция, наряду с декоративной, – религиозно-магическая. Мусульмане носили в них выписки из Корана, не мусульмане использовали как оберег. Традиция ношения таких амулетов известна, вероятно, до принятия Ислама. В тобольской коллекции имеются весьма ранние экземпляры, аналоги которым находим в золотоордынских кладах и в материалах археологических раскопок тюрко-кочевнических памятников того времени³³, рис. 10. Это, например, штампованные, гравированные или сканые цилиндрические футляры-амулеты с полусферическими основаниями, украшенные пастовыми вставками и обрамлённые зубчатым зернёвым пояском. Ближайшие этнографические параллели находим у тюркских и монгольских народов Евразии.

Среди этих украшений особый интерес представляет пластина-подвеска, возможно, филактерий – (крышка футляра амулетницы), инв. 6836(349), рис. 11. Филактерий выполнен в виде пальметты с прямым основанием. Поверхность пластины сплошь покрыта грубоатой гравированной цветочного орнамента. В центре и по углам пальметты расположены гнёзда с пастовыми вставками. По форме и назначению ей близки филактерии золотоордынских кладов из Крыма (Нейзацкого-1886, датированного первой половиной-серединой XIV в. и Симферопольского-1965, относящегося к первой половине XIV в.)³⁴, рис. 12. Однако по технике, культуре ювелирного производства, тобольский филактерий уступает указанным золотоордынским экземплярам. Можно предположить, что эта бо-

лее поздняя вещь была выполнена в местных бронзолитейных мастерских Искерского городища (в период распада Улуса Джучи).

В коллекции представлено несколько экземпляров *яка чылбыры* – этноспецифического шейно-нагрудного украшения казанских татар. Это воротниковые застёжки-пряжки с прикреплёнными к ним на цепочках сканами или штампованными бляхами. Составные части украшения выполнены в специфической для казанской ювелирной школы спиральной техники скани и с характерным для неё декором – самоцвет, обрамлённый розеткой бирюзы. То, что это украшение не является местным, говорят и тесёмки, прикреплённые к пряжке, которыми, очевидно, украшение завязывалось на шее сзади. Как известно, у казанских татар *яка чылбыры* крепилось иначе – к воротнику-стойке традиционной рубахи. Заметим, что аналогичное украшение в виде воротниковой застёжки с подвесками *тэягу-ине* имело некоторое бытование и у крымских татар³⁵. Сложно и неоднозначно происхождение этого украшения. Прототипы его известны у древних булгар и финно-угорских народов Поволжья (шейная гривна с подвесками из блях и монет)³⁶. Синхронные же этнографические параллели находим в аналогичном женском украшении *гердан* из Дунайской Болгарии, этнокультурная история которой связана, как известно, с Волжской Булгарией. Некоторая восточная помпезность в облике *гердан* и отдельных вариантов татарских *яка чылбыры* не исключает и влияния ювелирных традиций Османской империи на искусство не только подвластной ей Болгарии³⁷, но и, безусловно, единоверцев-татар, через посредство крымских татар, находившихся у неё в вассальной зависимости.

Уникальным экспонатом коллекции является женское шейное украшение *айчык*. Оно представляет собой металлическую лунницеобразную пластину. Поверхность пластины сплошь покрыта чеканкой всех трёх разновидностей, известных в татарском ювелирном искусстве (пуансонная, плоскорельефная и высокорельефная). Рисунок чеканного орнамента – цветочно-растительный. Мотивы идентичны золотоордынским, казанско-татарским. При этом отчётливо выделяется основной мотив чеканки – высокорельефные цветочные розетки. Центральная часть пластины украшена тремя крупными восьмилепестковыми розетками из красных, зелёных, синих самоцветов и двумя единичными на концах (рожках лунницы). По нижнему краю лунница снабжена одиннадцатью ушками для крепления подвесок, из которых сохранились только три центральные, рис. 13. В сохранившихся подвесках интерес вызывают сферические бусины из гладкой сканой проволоки, составленные из двух половин. Аналоги им находим в золотоордынских материалах³⁸, этнографические параллели в украшениях народов Средней Азии, Кавказа, у татар Поволжья. Особое внимание обращает на себя центральная подвеска-амulet—медвежьи когти в металлическом футляре, украшенном бирюзой. Эта центральная

подвеска не оставляет сомнений в том, что лунница действительно является местной западносибирской разновидностью татарских украшений. Это подтверждает массовый этнографический материал об образе медведя в фольклоре сибирских татар.

У казанских, астраханских татар в прошлом, вероятно, в близком к ханскому окружению сословии, бытовали драгоценные ювелирные аналоги данному украшению. Таким аналогом является украшение из чеканной гравированной пластины в форме лунницы, хранящееся в фондах Российского этнографического музея³⁹. Пластина обильно украшена овальными сердоликами, осыпанными бирюзой. К нижнему краю лунницы подвешены двенадцать металлических бляшек, имитирующих монеты с арабскими письменами, и большая пальметтovидная пластина, таким же образом украшенная сердоликом, бирюзой и монетовидной подвеской, рис. 14. Более поздним аналогом является не металлическая, а матерчатая лунница из коллекции Щабельской, покрытая позументом, сплошь ушиная драгоценными бляхами казанско-татарской работы⁴⁰.

Судя по ранним изобразительным материалам из фондов Астраханского историко-архитектурного музея-заповедника, подобная лунница, украшенная самоцветами, бытовала в донациональный период и у астраханских (юртовских) татар Нижнего Поволжья, рис. 15. Очевидно, этот круг нагрудных драгоценностей восходит (или даже принадлежал) к элитным украшениям знати постзолотоордынских татарских ханств (Казанского, Сибирского, Астраханского), имеющих много общего и в дворцовой архитектуре, и в стиле придворного костюма. Поздними этнографическими параллелями являются широко распространенные у волго-уральских татар, рис. 16, и кряшен матерчатые лунницы *tamakca*, ушиные двумя-тремя рядами монет, низками кораллов и снабженные амулетом в виде раковины-каури⁴¹.

Из других нагрудных украшений интересны металлические ожерелья - цепочки с подвесными бляхами или монетами - весьма характерные для сибирских татар и татар в целом. Одно из них - в виде цепочки, к которой на колечках через специальные ушки подвешено восемь круглых литых и одна круглая литая с зубчатым краем блях, украшенных одной пастовой или коралловой вставкой. Обращает на себя внимание архаичная техника декора блях - зубчатый зернёвый поясок вокруг гнезда вставки. Этот мотив издревна, начиная с III-V в. н.э., был характерен для украшений Западного Казахстана, см., например, серьги из могильника Актасты в Семиречье⁴². Подобная техника имела большое распространение и в Золотой Орде (влияние саков). Со времен Казанского ханства она была известна и казанско-татарским ювелирам.

Другое ожерелье, монетное, состоит из цепи, к которой на колечках подвешены рублёвые монеты времён Екатерины. Центральное пятно ожерелья - прямоугольная металлическая пластина, украшенная наклад-

ной спиральной сканью. В центре пластины расположены три пастовые вставки, обрамлённые припаянной сканой проволокой, украшенные восьмью крупными зернёвыми шариками. К нижнему краю пластины за ушки подвешены на колечках три серебряные монеты мелкого достоинства. Характер наложения скани, расположения самоцветов или пасты (тесно примыкая друг к другу), характерное оформление пластины крупной зернью указывают на монгольские аналоги этого украшения⁴³. Возможно, бляха была приобретена или по известным традициям изготовлена местными ювелирами.

Среди поясных украшений в сибирско-татарской коллекции обращает на себя внимание мужской ковровый пояс с позолоченной серебряной пряжкой (инв. 6694), выполненный в духе ранних казанско-татарских ювелирных традиций и принадлежащий, вероятно, представителю высшего сословия сибирских татар. Вся поверхность этой двухсторонней из прямоугольных пластин украшена характерным для казанских татар чеканным цветочным орнаментом, розеткой из аметиста, осажденного бирюзой в центре пластин и одним аметистом в каждом углу. Среди ювелирных украшений казанских татар ханского периода имеется масса аналогов этой сибирско-татарской пряжке.

Ношение поясов поверх распашной одежды имеет у татар глубокую традицию. Об этом, в частности, говорит наличие в свадебном обряде казанских татар обычая, связанного с распоясыванием жениха невестой⁴⁴. Пояс, в данном случае, выполнял охранную функцию, и снятие его являлось символом закрепления права жены. Важная социальная, магическая и обрядовая функция мужских поясов хорошо известна со времен так называемой всаднической культуры золотоордынского периода татарской истории⁴⁵.

По данным этнографии, пояс *билбау*, *эзер*, является обязательным атрибутом традиционной мужской одежды татар (волго-уральских, астраханских, сибирских). Им подпоясывали исключительно верхнюю одежду. В XIX веке у волго-уральских татар использовались в основном матерчатые пояса: самотканые, сшитые из фабричной ткани, реже вязаные из шерстяных ниток. Широкие же позументные, ковровые, бархатные, а также из серебряных пластинок, соединенных между собой шарнирами, пояса *кэмэр*, *ксак* с массивными, богато украшенными серебряными пряжками в материалах середины XIX в. у волго-уральских татар практически отсутствуют⁴⁶. Однако, в костюме астраханских, сибирских и крымских татар, значительно дольше сохранявших архаические формы, восходящие к культуре постзолотоордынских ханств, пояса с пряжками и металлическими накладками были распространены чрезвычайно широко как в мужском, так и женском одеянии. Об этом говорят и литературные источники, и многочисленные музеиные экспонаты⁴⁷.

Так, в сибирско-татарской коллекции тобольского музея хранится женский пояс кавказской работы, выполненный в технике ажурной на-

кладной филиграли (инв. 10647-24), представляющий собой аналог даргинским женским поясам работы кубачинских мастеров⁴⁸. Пояс состоит из чередующихся между собой пяти прямоугольных и шести круглых пластин с основным декоративным пятном в виде трех частной овальной с фестончатыми краями пряжки, выполненной в той же технике. К пряжке на цепочке подвешен миниатюрный кинжалчик. Фрагменты пояса соединены между собой колечками, украшенными из мелкой бирюзы. Судя по материалам музеиных коллекций, подобные пояса кавказской работы использовались, вероятно, в некоторых вариациях средневекового женского костюма казанско-татарской знати⁴⁹ и у астраханских татарок, у которых они бытовали в праздничном (свадебном) комплексе костюма вплоть до середины XX века⁵⁰.

Изложенные сюжеты далеко не исчерпывают информативные возможности сибирско-татарской коллекции. Не описана и не проанализирована в историко-генетическом отношении значительная часть экспонатов, особый интерес среди которых представляют неатрибутированные детали украшений и сопровождающий их нумизматический материал, а также некоторые браслеты, перстни, перстни-печатки и многое другое. Более того, нами не рассматривалась группа ювелирных украшений, которая визуально может быть соотнесена с традициями русского серебряного дела, достигшего значительного развития в Тобольске уже в XVII веке⁵¹ и связанного, как полагают исследователи, с ювелирными традициями Русского Севера, в частности, великоустюжскими⁵².

В целом, рассмотренные здесь материалы позволяют назвать сибирско-татарскую коллекцию чрезвычайно эклектичной, в которой отражена смесь самых различных, преимущественно тюрко-монгольских наследий, проявившихся в технико-технологических приемах изготовления украшений, их конструкциях, формах, в функциональном назначении и способах ношения, рис. 17.

Достаточно ярко вырисовываются древние и средневековые этно-культурные связи сибирских татар с теми народами Евразии, в этногенезе и культуре которых очевиден кипчако-ногайский компонент. В Среднеазиатско-Казахстанском регионе – это казахи, киргизы, каракалпаки, дештикипчакские узбеки, в Волго-Уральском - татары и башкиры, на Нижней Волге и на Кавказе – астраханские татары, ногайцы, а также отчасти крымские татары (имеется в виду их степная подгруппа). Все эти народы имеют не одну общую страницу в их этногенезе и этнической истории, в том числе и страницу, связанную с эпохой Золотой Орды, искусство которой, в частности в области торевтики, по утверждению известных исследователей (Г.А.Федорова-Давыдова, М.Г.Крамаровского) связано, кроме прочего, и с центрально-азиатскими его формами. Этим, вероятно, в значительной степени объясняются выявленные в результате анализа монгольские аналогии.

Как показал анализ источника, тесные этнокультурные связи сибирских и казанских татар наблюдаются в позднезолотоордынский или «ханский» период (середина XV - XVI вв.) их истории. И это не случайно. После распада Золотой Орды, как известно, кочевая стихия захлестнула ее некогда мощную и яркую городскую культуру. И только в оседлых районах – в Крыму (Крымское ханство), в Среднем Поволжье (Казанское ханство) её наследие было воспринято, продолжало жить и развиваться⁵³, постоянно обогащаясь и подпитываясь традициями местного финно-угорского и славяно-русского населения, достигнув наивысшего расцвета в XVIII - середине XIX вв.

Следует подчеркнуть, что ювелирные традиции, сложившиеся в Казанском ханстве, и вобравшие в свой арсенал традиции городских ювелирных ремесел Волжской Булгарии и Золотой Орды не являлись механическим соединением разнородных традиций. Этот сплав достиг уровня синтеза новой казанско-татарской школы ювелирного мастерства, как и казанско-татарской культуры в целом, которую при сохранении местных особенностей, в значительной степени и совершенно закономерно, воспринимали недостаточно консолидированные этно-структурные подразделения волго-уральских татар, а также астраханские и сибирские татары. Этот процесс был особенно ощутимым в период консолидации татарской нации, когда на базе казанско-татарских реалий формировался единый общенациональный костюм с соответствующим ему комплексом украшений.

В сибирско-татарской коллекции среди рассмотренных здесь украшений имеется круг предметов (главным образом амулеты), этнографические аналоги-копии которых имеются у народов Средней Азии и Казахстана. Очевидно, там они и были изготовлены, а попали в обиход сибирско-татарской знати с многократными волнами переселений и при посреднической торговой деятельности, так называемых бухарцев – хорошо известного и значительного этнического компонента в составе сибирских татар⁵⁴.

Известно, что культурное наследие любого современного этноса или его структурных подразделений представляет собой синтез или символизм культурных традиций давно ушедших в прошлое этнических образований. Это в полной мере относится и к культурному наследию сибирских татар, что ярко отразилось на материалах уникальной коллекции из фондов ТГИАМЗ.

Нами была предпринята лишь первая попытка обращения к сибирско-татарской коллекции как к историко-этнографическому источнику. Совершенно очевидно, что для относительно полного изъятия научной информации, она потребует совместных усилий специалистов смежных наук: этнографов, археологов, искусствоведов, нумизматов и др.

Примечания:

- ¹ Этнографические экспедиции автора (сбор устной информации и документальных видеоматериалов) в местах компактного проживания сибирских татар в уездах бывших Российских губерний: Тобольская (Тюменский – 1990, Тобольский – 1992, Тарский – 1994); Томская (д.д. Эушта, Тахтамышево, Черноречье, Барабинка - 1997). Изучение и атрибуция ювелирных украшений сибирских татар, хранящихся в фондах музеев Российской Федерации: Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник (Тобольск-1994); Тевризский историко-краеведческий музей (Омская обл. – 1994); Большереченский краеведческий музей (Омская обл. – 1994); Томский государственный объединенный историко-архитектурный музей (Томск – 1995); Этнографический музей Томского государственного университета (Томск – 1995) и др.
- ² Смирнова Е.Ю. Женские украшения сибирских татар конца XIX – первой трети XX века // Материальная культура народов России. Культура народов России. Том 1. Новосибирск: Наука, 1995, с. 216-229.
- ³ Суслова С.В. Женские украшения казанских татар середины XIX- начала ХХ в.в. Историко-этнографическое исследование. М: Наука, 1980; Суслова С.В., Мухамедова Р. Г. Народный костюм татар Поволжья и Урала (середина XIX- начало ХХ вв.). Историко-этнографический атлас татарского народа. - Казань:Фэн, 2000.
- ⁴ Суслова С.В. , Кадырова Г. А. Миндалевидные серьги казанских татар и особенности их бытования в традиционной одежде волго-уральских крашен //Ювелирное искусство и материальная культура. - Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 2001, с.58-59; См. Примечание в кн: Ювелирное искусство и материальная культура. - Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа, 2002, с. 206.
- ⁵ Смирнов А.П. Волжские булгари. - М., 1951, с. 20, рис. 8.
- ⁶ Суслова С.В., Мухамедова Р.Г. Народный костюм..., с.213; Смирнова Е.Ю. Женские украшения сибирских татар..., с.220.
- ⁷ Крамаровский М. Г. Золото чингисидов. Культурное наследие Золотой Орды. - Санкт-Петербург, 2001: Каталог: 409-410, 483-486.
- ⁸ Корнелий де Бруни. Путешествие через Московию. Пер. П. Барсова. – М., 1873.
- ⁹ Кузеев Р. Г.. Бикбулатов Н. В., Шитова С. Н. Зауральские башкиры. – В кн.: Археология и этнография Башкирии. - Уфа, 1962, т.1, с. 247; Шитова С. Н. Женская одежда северных башкир. – Там же, с. 294.
- ¹⁰ КГМИ, инв.3850, инв. 56, инв. 30.
- ¹¹ Музей искусств Узбекистана (Ташкент, инв. 7-203).
- ¹² Захарова И. В., Ходжаева Р. Д. Казахская национальная одежда. - Алма-Ата, 1964, с. 134.
- ¹³ Айтбаев М. Т., Иванов С. В. Художественная обработка металла. – В кн.: Народное декоративно-прикладное искусство киргизов. - М., 1968, с. 115.
- ¹⁴ Пиркулиева А. Н. Домашние промыслы и ремёсла туркмен долины Средней Амударья во второй половине XIX – начале XX в. - Ашхабад, 1973, с. 45.
- ¹⁵ Гаджиева С. Ш. Материальная культура ногайцев в XIX – начале XX в. - М.,1976, с. 171, рис. 2.
- ¹⁶ Boyer Martha. Mongol jewellery. Nationalmuseets skrifter. Kobenhavn, 1952, С. 50.
- ¹⁷ Рославцева Л. И. Одежда крымских татар конца XVIII - начала XX в. Историко-этнографическое исследование. – М: Наука, 2000, с. 41.
- ¹⁸ Халикова Е. А. Больше-Тиганский могильник. – СА, 1972, №2, с.168.
- ¹⁹ Зауральские истоки культуры протовенгров //Этнокультурные связи населения Урала и Поволжья с Сибирью, Средней Азией и Казахстаном в эпоху железа. Уфа, 1976, с. 52.
- ²⁰ Шитова С. Н. Женская одежда..., с. 294.
- ²¹ Смирнова Е. Ю. Женские украшения сибирских татар..., 221.

- ²² Шарифуллина Ф. Л. Касимовские татары. – Казань, 1991.
- ²³ Мухамедова Р. Г. Татары-мишари. Историко-этнографическое исследование. – М: Наука, 1972, с. 114-115.
- ²⁴ Шитова С. Н. Башкирская народная одежда. – Уфа, 1995, с. 128-129.
- ²⁵ Музей искусств УзССР в г. Самарканде (инв. Э-79-228) и в г. Ташкенте (инв.7-36).
- ²⁶ Захарова И. В. Казахская национальная одежда. Алма-Ата, 1964, с.133.
- ²⁷ Сычёва Н.С. Ювелирные украшения народов Средней Азии и Казахстана XIX-XX вв. Из собрания Государственного музея искусства народов Востока. – М, 1984, с. 139.
- ²⁸ Суслова С. В. Женские украшения казанских татар..., с. 29.
- ²⁹ Сычёва Н.С. Ювелирные украшения народов Средней Азии и Казахстана ..., с.61, 141.
- ³⁰ Калмыков И.Х., Керайтов Р.Х., Сикалиев А.И. Ногайцы. – Черкесск, 1988, с.135.
- ³¹ Суслова С.В. Костюм астраханских татар XIX - начала XX вв. (по материалам музейных коллекций) // Астраханские татары. Казань, 1992, с. 87.
- ³² Сычёва Н. С. Ювелирные украшения..., с.119; Чыврь Л. А. Таджикские ювелирные украшения. М., 1977, с. 31-33; Тугутов И. В. Материальная культура бурят. Улан-Удэ, 1958, с.141; Суслова С.В., Мухамедова Р.Г. Народный костюм..., с. 236.
- ³³ Крамаровский М. Г. Золото чингисидов..., каталог 487-489; Фёдоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, с. 54, рис. 9 (3). Плетнёва С.А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. МИА, вып. 62. М-Л., 1958, с. 211.
- ³⁴ Крамаровский М. Г. Золото чингисидов..., каталог 251, 488.
- ³⁵ Рославцева Л. И. Одежда крымских татар..., с. 41; РЭМ, инв. № 7484-70.
- ³⁶ Суслова С.В. Женские украшения..., с. 36.
- ³⁷ Этнография на Болгария. Т. 2. Материална култура. София, 1983, с.113-117.
- ³⁸ Крамаровский М. Г. Золото чингисидов..., каталог 403-408.
- ³⁹ РЭМ, инв. 25405.
- ⁴⁰ ОК РЭМ, инв. 787-Т, 430-ВС.
- ⁴¹ Суслова С.В. , Мухамедова Р.Г. Народный костюм ..., с. 214.
- ⁴² Акишев К. А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. – М: Искусство, 1978, с. 125.
- ⁴³ Boyer Martha. Mongol jewellery..., p. 89, 91, 94.
- ⁴⁴ Суслова С. В., Мухамедова Р. Г. Народный костюм..., С. 70.
- ⁴⁵ Крамаровский М.Г. Золото чингисидов..., с.53.
- ⁴⁶ Суслова С. В., Мухамедова Р.Г. Народный костюм..., с. 70.
- ⁴⁷ Юшков Н. Сибирские татары //Тобольские губернские ведомости. - №№ 35-45. – 1861, с. 83; Суслова С.В. Костюм астраханских татар..., с. 88; Рославцева Л. И. Одежда крымских татар..., с.40.
- ⁴⁸ Гаджиева С.Ш. Одежда народов Дагестана. XIX - нач.XX вв.- М.: Наука, 1981, с.116-118.
- ⁴⁹ Валеева-Сулейманова Г.Ф., Шагеева Р.Г. Декоративно-прикладное искусство казанских татар.- М.: Советский художник, 1990, с.84, 86,87.
- ⁵⁰ Суслова С.В. Костюм астраханских татар..., с.88.
- ⁵¹ Елфимов А., Ефремов В., Надточий Ю. Ювелирное искусство в Тобольске: традиции и современность. – М: «ГАЛАРТ», 1997, с. 10-36.
- ⁵² Постникова-Лосева М. М. и др. Золотое и серебряное дело XV-XX вв. - М, 1989, с. 106.
- ⁵³ Федоров-Давыдов Г. А. Искусство кочевников и Золотой Орды. - М, 1976.
- ⁵⁴ Валеев Ф. Т. Западно-сибирские татары во второй половине XX – начале XX вв. Историко-этнографические очерки. - Казань: Татарское книжное издательство, 1980, с.29.

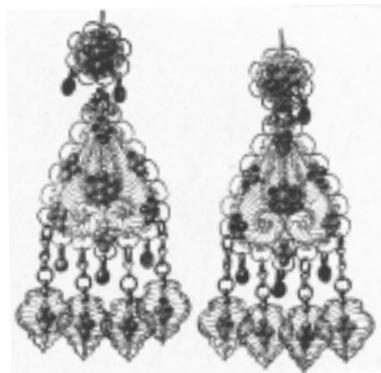

Рис. 1. Миндалевидные сканые серьги сибирских татар. XIX в. ТГИАМЗ.

Рис. 2. Вариации казанско-татарских миндалевидных сканых серег. XVIII - XIX вв.

Рис. 3. Миндалевидные сканые серьги сибирских татар. Сибирское ханство. ТГИАМЗ.

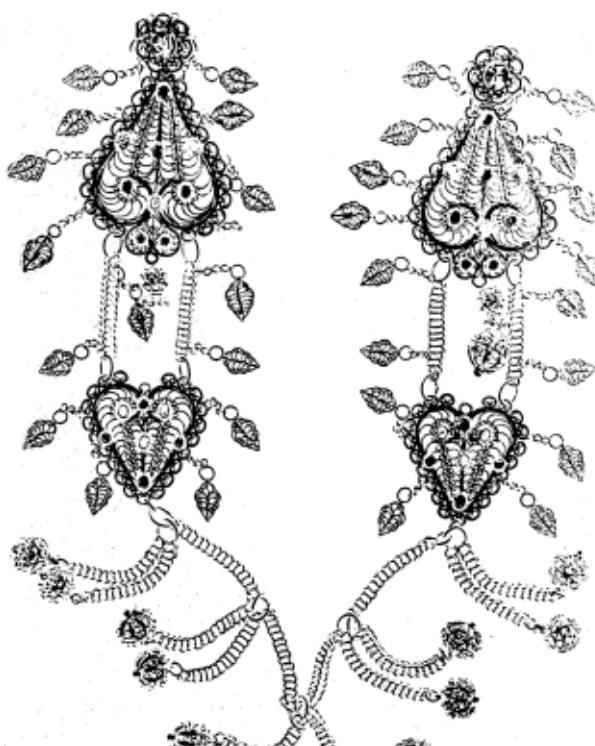

Рис. 4. Сканое шейно-височное украшение казанских татар. Казанское ханство. НМ РТ.

Рис. 5. Казанская татарка начала XVIII в. в шейно-височном украшении. Копия рисунка из книги Корнелия де Бруини. Худ. Мазанов А.А.

Рис. 6. Монголка в стариинном шейно-височном украшении. Из книги M.Boyer. Mongol jewellery...

Рис. 7. Накосник *чулпы* сибирских татар. Филигрань. XVIII в. ТГИ-АМЗ.

Рис. 8. Амулет сибирских татар. XIX в. ТГИАМЗ.

Рис. 9. Амулет сибирских татар. XIX в. ТГИАМЗ.

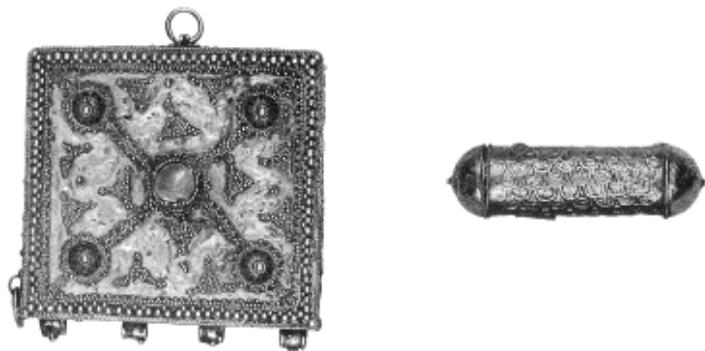

Рис. 10. Фрагменты золотоордынских амулетов. Из кн. М.Г. Крамаровского «Золото чингисидов...»

Рис. 11. Пальметтовидная крышка амулетницы. Сибирское ханство. ТГИАМЗ.

Рис. 12. Золотоордынские пальметтovidные филактерии. Из кн. М.Г. Крамаровского «Золото чингисидов...»

Рис. 13. Нагрудное украшение-лунница сибирских татар. Сибирское ханство. ТГИАМЗ.

Рис. 14. Нагрудное украшение-лунница казанских татар. Казанское ханство. РЭМ.

Рис. 15. Астраханская татарка в старинном костюме с лунницей и в шейно-височном украшении. Фото начала XX в. из фондов Астраханского музея.

Рис. 16. Молодая казанская татарка в старинном костюме с лунницей. Копия рисунка В. Худякова. Государственный русский музей. Худ. А.А. Мазанов.

Рис. 17. Потомственная сибирско-татарская дворянка из рода Кульмаметевых в национальной одежде с комплексом ювелирных украшений. Худ. П.П. Чукомин. Начало XX в. ТГИАМЗ.

ХРОНИКА

Вторая Всероссийская научная конференция “Поволжье в средние века”, посвященная памяти Г.А.Федорова-Давыдова 26-28 сентября 2003 г.

В Казани и Яльчике (на территории Республики Марий-Эл) прошла Вторая Всероссийская научная конференция “Поволжье в средние века”, посвященная памяти Г.А.Федорова-Давыдова. Первая конференция проходила в Нижнем Новгороде 17-19 октября 2001 г. Конференция 2003 г. была организована и проведена Национальным музеем Республики Татарстан совместно с Академией наук Татарстана, Институтом истории АНТ, Казанским и Марийским государственными университетами.

Конференция 2003 г. была посвящена памяти выдающегося историка, археолога и нумизматики Германа Алексеевича Федорова-Давыдова. Благодаря его работам была открыта для науки история и археология Золотой Орды, начато широкомасштабное исследование золотоордынских городов. Именно этой теме посвящена большая часть докладов участников конференции. Тем более, что многие известные ученые-историки, нумизматы и археологи, ученики Г.А.Федорова-Давыдова живут и работают в Казани. Не мало их и в других городах Поволжья.

В работе конференции приняли участие ведущие ученые Москвы, Казани, Йошкар-Олы, Самары, Болгара, Чебоксар. Среди них крупные исследователи в области археологии, палеоантропологии из института археологии РАН: М.Д.Полубояринова (к.и.н.), Л.Т.Яблонский (д.и.н.), В.В.Дворниченко (д.и.н.), Н.А.Кокорина (к.и.н.), И.В.Волков (к.и.н.); Т.В.Гусева (к.и.н.) из Нижнего Новгорода; специалисты из крупнейших музеев России: Л.М.Носкова (к.и.н.) из Музея искусств народов Востока (Москва); А.Ф.Кочкина из Самарского областного краеведческого музея.

Из Казани в обсуждении исторических проблем приняли участие этнологи, археологи и культурологи. Среди них Д.М.Исхаков (д.и.н.), Е.П.-Казаков (д.и.н.), А.Г.Мухамадиев (д.и.н.), П.Н.Старостин (к.и.н.) и многие другие. Были здесь и начинающие ученые – аспиранты и студенты, продолжатели научных традиций в изучении истории и археологии Поволжья. На конференции были представлены ведущие научные центры России и края: Институт археологии РАН, Академия наук Татарстана, институт истории АНТ, Казанский государственный университет.

Открытие конференции и пленарное заседание проходили в конференц-зале Академии наук Татарстана. Секционные заседания продолжились в актовом зале института истории АНТ, а затем были на базе Марийского государственного университета “Яльчик”. На конференции было заслушано 43 доклада и один стендовый доклад.

В числе приоритетных проблем, выдвинутых для обсуждения, были темы и направления, разрабатывавшиеся Г.А.Федоровым-Давыдовым в области археологии, нумизматики, культуры и истории:

- древности эпохи тюркских каганатов в Поволжье;
- генезис средневекового населения Поволжья;
- культура и искусство золотоордынских городов;
- религия в Золотой Орде.

Эти проблемные линии были положены в основу формирования трех секций конференции: “История и культура народов Поволжья в период Золотой Орды”, “Древняя и средневековая археология и нумизматика Поволжья” и “Волжская Булгария и Золотая Орда”.

Пленарное заседание открылось с воспоминаний М.А.Усманова, А.Г.-Мухамадиева (Казань) о Г.А.Федорове-Давыдове; о раскопках Г.А.-Федорова-Давыдова на Кривой Луке рассказал В.В.Дворниченко (Москва). Далее пленарное заседание продолжил доклад И.М.Нестеренко (Казань), посвященный вопросам охраны археологического наследия по новому российскому законодательству. Тема эта была озвучена в связи с катастрофическими масштабами разрушений и варварского разграбления археологических памятников в Поволжье.

Блок докладов был посвящен изучению древнего и средневекового периода истории края. Тема торговли и товарно-денежных отношений в IX-XIII вв. была рассмотрена в докладе Р.М.Валеева (Казань). Вопросы происхождения средневекового населения были рассмотрены в докладе Л.Т.Яблонского (Москва). Возможности молекулярно-генетического исследования костных остатков были освещены в совместном докладе А.Н.Аскаровой, О.А.Кравцовой и И.Р.Газимзянова (Казань). Итоги исследования погребального обряда золотоордынских могильников были изложены в докладах Л.П.Загайновой (Йошкар-Ола) по могильнику Маячный Бугор и в стендовом докладе И.Р.Газимзянова (Казань) по Усть-Иерусалимскому некрополю в Болгаре.

Золотоордынская тематика была развита в следующем блоке докладов и сообщений по Золотой Орде. Так дискуссионный вопрос о природе государственнообразующего этноса в Золотой Орде по письменным источникам был рассмотрен в докладе Д.М.Исхакова (Казань). Этноконфессиональная ситуация в Нижнем Поволжье в ордынское время по данным письменных источников и археологии освещена в докладе Л.Ф.Недашковского (Казань). Вопросы духовной культуры и искусства Золотой Орды затронуты в сообщении Г.М.Давлетшина (Казань) “О письменности и просвещении населения Золотой Орды” и Д.К.Валеевой (Казань) “Золотоордынский период искусства волжских булгар в системе мусульманской культуры”.

Выразительный блок составили доклады, посвященные материальной культуре городов Золотой Орды и кочевой степи. О богатом комп-

лексе золотоордынского времени из предгорий Закубанья шла речь в доклад Л.М.Носковой (Москва). Проблемы изучения золотоордынских слоев Казани рассмотрены в докладе А.Г.Ситдикова (Казань). Впервые ученым были представлены полученные в последние годы материалы характеризующие жизнь северного периферийного золотоордынского города, его специфику. Сравнительный анализ развития русских и нижневолжских городов в ордынский период был проведен Т.В.Гусевой (Н.Новгород). О назначении ряда неатрибутированных предметов из раскопок золотоордынских памятников рассказал И.В.Волков.

Местная тема раскрывалась в докладах по Волжской Булгарии. Это развернутый доклад П.Н.Старостина (Казань), посвященный анализу полученных за последние десятилетия данных из раскопок и разведок археологического комплекса у с. Рождествено в Лаишевском районе РТ. Итоги исследования булгарской сельской усадьбы XI в. на булгарском селище у с. Речное были сообщены К.А.Руденко (Казань). Об исследовании жилых и хозяйственных построек на Муромском городке говорилось в докладе А.Ф.Кочкиной (Самара). В сообщении З.Г.Шакирова (Казань) были рассмотрены проблемы изучения археологических памятников X – начала XVI в. Билярского микрорайона.

Выразительный и яркий материал, характеризующий средневековое ремесло города Болгара золотоордынского времени, был представлен в докладах М.Д.Полубояриновой (Москва) “Исследования ремесленного района на юго-западной окраине г. Болгара” и Н.А.Кокориной (Москва) “Дом ювелира в Болгаре”. Археологическим памятникам округи Болгарского городища было посвящено сообщение И.Д.Мухамедшина (Болгар).

Два доклада были посвящены археозоологической тематике. Это итоги исследований костных остатков животных из раскопок булгарского города Джукетау, изложенные Г.Ш.Асылгараевой (Казань) и перспективы изучения остатков мелких млекопитающих из средневековых памятников Поволжья в сообщении И.В.Аськеева (Казань).

О деятельности Поволжской археологической экспедиции речь шла в докладах Е.М.Тригрьева (Йошкар-Ола) и И.В.Волкова (Москва). Е.М.Григорьев сделал обзор исследований Царевского городища за 1994 – 2000 гг. И.В.Волков рассказал о новых открытиях ПАЭ в 2003 г.

Доклад Е.А.Беговатова (Казань) “Крещено-Барановский и Билярский клады. Сходство и различие” был посвящен анализу крупнейшего клада куфических монет со II Билярского селища, обнаруженного в конце XX в. По составу и количеству (свыше 1000 целых монет и фрагментов), Билярский клад уникален (о чем и говорилось в докладе) и весьма информативен, учитывая и тот факт, что дата сокрытия клада приходится на первую половину XI в. Сравнительный анализ и датировка Карагатунского клада из Апастовского района Татарстана, состоявшего из более чем 24 000 монет, начатые Г.А.Федоровым-Давыдовым и про-

долженные Д.Г.Мухамедшиным (Болгар), были озвучены в докладе Д.Г.Мухамедшина.

Анализу знаков на археологических находках второй половины I тыс. н.э. посвящено сообщение А.Г.Мухамадиева. Дискуссию вызвал доклад Е.П.Казакова “Новые материалы времени Тюркских каганатов в Закамье”. Он был посвящен новым материалам именьковского могильника VI-VII вв. н.э. у поселка Коминтерн в Спасском районе Татарстана. Выдвинутый докладчиком тезис об именьково-турбаслинской общности, о направлении миграционных процессов в VI-VII вв. был обсужден в выступлениях ученых – участников конференции.

Проблемы, связанные с древней и средневековой историей края, и ее отражение в музейной экспозиции были рассмотрены на “Круглом столе”, состоявшемся в Национальном музее Республики Татарстан 25 сентября. В выступлениях историков и археологов подчеркивалась неповторимость и многообразие истории культуры народов Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья, ее значение для правильного понимания современных процессов в регионе. Особо было отмечена необходимость исторического подхода в музейном строительстве национальных регионов. Поиск новых путей в современном музейном деле и строительстве экспозиций зачастую чреват утерей историзма и увлечением культурологическими “обезличенными” темами. Объективный показ исторического прошлого края на современном научном уровне доступный для понимания любого посетителя музея – такова задача музейной экспозиции на сегодняшнем этапе и к такому выводу пришли участники “Круглого стола”.

П.Н.Старостин, К.А.Руденко

РЕЗОЛЮЦИЯ научной конференции “Поволжье в средние века”

На Второй Всероссийской конференции “Поволжье в средние века” посвященной памяти выдающегося археолога, историка, нумизматы Г.А.Федорова-Давыдова, проходившей в г. Казани и Яльчике (на территории Республики Марий Эл) с 25 по 28 сентября 2003 г., приняли участие более 150 человек (археологи, историки, нумизматы антропологии) из Москвы, Казани, Йошкар-Олы, Самары, Чебоксар, Нижнего Новгорода, Болгара. На ней было заслушано 43 доклада по археологии, истории, нумизматике, антропологии. Участниками конференции были работники музеев, научные и ведущие сотрудники академических научных учреждений, аспиранты и студенты.

Участники конференции благодарят министерство культуры Республики Татарстан, руководство Национального музея РТ, Казанского государственного университета, Академии наук Татарстана, Марийского государственного университета за организацию и создание условий для работы ученым.

Участники конференции “Поволжье в средние века” считают необходимым создать научный Совет по проведению следующих конференций, посвященных памяти Германа Алексеевича Федорова-Давыдова, включив в него:

1. Егорова В.Л. (г.Москва)
2. Дворниченко В.В. (г.Москва)
3. Янина В.Л. (г.Москва)
4. Яблонского Л.Т. (г.Москва)
5. Гусеву Т.В. (г.Н.Новгород)
6. Усманова М.А. (г.Казань)
7. Зеленеева Ю.А. (г.Йошкар-Ола)
8. Руденко К.А. (г.Казань)
9. Полубояринову М.Д. (г.Москва)

Участники конференции обращаются к Академии наук Татарстана с предложением опубликовать доклады прошедшей конференции в виде сборника статей в течение 2004 г.

Конференция постановляет:

- провести следующую конференцию “Поволжье в средние века” в г. Москве в 2006 г.

- распространить Обращение конференции к Правительству России и Татарстана, министерствам культуры РТ, министерствам образования РФ и РТ, средствам массовой информации об усилении внимания к проблемам охраны археологического наследия.

**ОБРАЩЕНИЕ
второй Всероссийской конференции “Поволжье в Средние
века”, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова**

г. Казань. 28 сентября 2003 г.

Учитывая, что археологическое наследие имеет важное значение для познания истории человечества, признавая, что перед ним стоит серьезная угроза разрушения вследствие естественных процессов, растущего количества крупных программ планирования территорий, а также целенаправленных грабительских раскопок, Конференция констатировала недостаток внимания со стороны органов исполнительной власти, администраций городов и районов, научных и учебных, культурно-просветительных и общественных организаций, средств массовой информации к проблемам его сохранения и популяризации, что неизбежно приведет к невосполнимым утратам ценнейшего культурного наследия России, являющегося неотъемлемой частью всемирного культурного наследия.

Заслушав и обсудив доклады и выступления участников, Конференция приняла следующее решение:

1. Просить Министерства культуры РФ и РТ:

систематически (не менее 1 раза в год) проводить мониторинг (инспекцию) данных о состоянии и использовании объектов археологического наследия федерального, республиканского и местного значения, выявленных объектов археологического наследия в целях разработки ежегодных и долгосрочных программ сохранения данных объектов культурного наследия;

с привлечением специализированных научных организаций подготовить комплекты документации на объекты археологического наследия с целью их последующей регистрации в едином государственном реестре объектов культурного наследия народов Российской Федерации в установленном порядке;

довести до сведения всех заинтересованных юридических и физических лиц информацию:

о необходимости согласования проектов проведения землеустроительных, земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных и иных работ на территориях достопримечательных мест и в зонах охраны объектов культурного наследия с соответствующими органами охраны объектов культурного наследия в установленном порядке;

о запрещении проектирования и проведения землеустроительных, земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных и иных работ на территории памятника или ансамбля, за исключением работ по сохранению данного памятника или ансамбля и (или) их территорий и осуществления хозяйственной деятельности, не нарушающей целостность и не создающей угрозы их существованию;

содействовать работе инспекторов органов охраны объектов культурного наследия в рамках их полномочий;

совместно с Министерством связи Республики Татарстан и средствами массовой информации активизировать работу по освещению вопросов сохранения объектов культурного наследия, прежде всего археологического;

совместно с ОПИ ИА РАН согласовать положения Инструкций о хранении и учете музеиных фондов с Инструкцией к Открытым листам;

2. Рекомендовать научным, культурно-просветительным организациям, физическим и юридическим лицам, осуществляющим работы по выявлению и изучению объектов археологического наследия:

проводить принципиальное различие между сохранением археологического наследия и проведением археологических исследований, отдавая приоритет физической сохранности археологических объектов;

информацию об обнаруженных объектах археологического наследия направлять соответствующему органу охраны объектов культурного наследия незамедлительно с целью включения их в Список выявленных объектов культурного наследия и доведения до собственника или пользователя земельного участка информации о выявленном объекте культурного наследия в течение десяти дней со дня обнаружения;

информацию об обнаруженных разрушениях объектов культурного наследия, о ведении археологических разведок или раскопок без полученного в установленном порядке разрешения (открытого листа) направлять соответствующему органу охраны объектов культурного наследия, органам внутренних дел и прокуратуре незамедлительно с целью рассмотрения ими вопросов о возбуждении административного производства в установленном порядке;

при публикации археологических материалов ввести ограничение на точные указания местонахождения памятников, за исключением фотографических изображений.

3. Просить Министерства внутренних дел РФ и РТ:

оказать содействие в пресечении целенаправленных грабительских раскопок, осуществляемых физическими лицами, на территориях государственных историко-культурных музеев-заповедников, историко-культурных заповедных территориях и территории памятников археологии.

4. Просить Министерства образования РФ и РТ:

дополнить региональные курсы по краеведению и истории края в средних школах и ВУЗах темой “Охрана объектов культурного наследия (памятников истории и культуры)”.

Конференция “**Краеведческие чтения в Национальном музее РТ**” проходила в Национальном музее Республики Татарстан 22-25 марта 2004 г. Она была посвящена двум датам, имеющим важное значение не только для музея, но и для Республики. Первая это 110-летний юбилей Михаила Георгиевича Худякова, несколько лет (1919-1925 гг.) руководившего историко-археологическим отделом музея в 1920-е гг. Личность его и научное творчество стали своего рода рубежом, отделившим эпоху дореволюционную от периода советского. В Казани он известен в большей степени как автор исторического сочинения “Очерки истории Казанского ханства”. Данное монографическое исследование истории и культуры этого государства на многие десятилетия оставалось единственным на эту тему в советской исторической литературе.

Вторая дата – это 135 летний юбилей **Общества естествоиспытателей при Казанском университете**. Оно было создано в мае 1869 года. Деятельность общества была направлена на выполнение главной задачи – “естественно – исторического изучения востока европейской части России”. С этой целью организовались многочисленные экспедиции, учебные экскурсии, велась просветительская работа. Члены общества являлись инициаторами и организаторами многих значимых для Казани событий. Это и помощь в становлении Казанского зооботсада; проведение в Казани в 1890 году научно-промышленной выставки, экспонаты которой впоследствии легли в основу фонда, созданного в 1895 году Казанского городского музея (ныне Национальный музей Республики Татарстан). Кроме того, в рамках общества проводилась и обширная археологическая деятельность: организовывались экспедиции, публиковались материалы археологических экскурсий и исследований.

Программа конференции обширна и включала более чем 70 выступлений по разным направлениям. В числе участников гости из соседних республик и областей: Москвы, С-Петербурга, Ижевска, Самары. С приветствием к участникам конференции обратились первый заместитель министра культуры РТ Р.М.Валеев, заведующий кафедрой истории татарского народа исторического факультета КГУ М.А.Усманов, Генеральный директор НМ РТ Г.С.Муханов, ведущий научный сотрудник государственного Эрмитажа М.Г.Крамаровский. На конференции работало пять секций: археологии; этнографии; истории, источниковедения и музейного дела; естествознания.

В рамках конференции проводились научные дискуссии по различным проблемам древней и средневековой истории и естествознанию, а также обсуждались проблемы музейного дела. Стоит выделить доклады на пленарном заседании. О жизненном пути и научном творчестве шла речь в докладе **С. В. Кузьминых** (Москва, ИА РАН) “М.Г.Худяков – основные вехи жизненного и творческого пути”. Трагические события 1936 г. – последнего года жизни М.Г.Худякова описал **К.И.Кули-**

ков (Ижевск, УДИИЯЛ УрО РАН) в докладе “Распятие части (О трагической гибели М.Г. Худякова)”. Различные стороны жизни и деятельности М.Г.Худякова нашли отражение в докладах **М.В.Гришкиной** (Ижевск УДИИЯЛ УрО РАН) “М.Г.Худяков – историк Камско-Вятского края” и **Б.Р.Рахимзянова** (Казань, КГУ) “Концептуальные воззрения М.Г.Худякова в 1930-е гг.”.

Два доклада на пленарном заседании были посвящены Обществу естествоиспытателей. Это доклад **М.П. Новиковой** (Казань, НМ РТ отдел естественной истории) “О роли Общества естествоиспытателей в распространении естественно-исторических знаний в Казанском крае” и **В.И.Гаранина** (Казань, КГУ, биологического-почвенный факультет) “К истории Общества естествоиспытателей при Казанском университете”. Продолжили тему о М.Г.Худякове на секции археологии в историографическом аспекте С.В.Кузьминых (Москва) и А.А.Чижевский (Казань). О керамике срубной культуры шла речь в докладе А.С.Губина (Казань). О костюме населения Прикамья в первой половине I тыс. н.э. рассказал А.А.Красноперов (Ижевск).

Проблемы исследований духовной культуры населения Среднего Поволжья I тыс. н.э. по археологическим материалам освещены Е.П.Казаковым (Казань) в докладе “Турбаслинско-именьковские культовые изделия Урало-Поволжья”. О торговле и товарно-денежных отношениях в IX-XIII вв. шла речь в докладе Р.М.Валеева (Казань).

Значительный блок докладов и сообщений был посвящен археологии волжских булгар. Открыл его доклад Д.А.Сташенкова (Самара) о булгарских погребениях Кайбельского могильника, исследованного Н.Я.Мерпертом в 1953 г. Три доклада были посвящены материалам новых исследований Остолоповского селища в Алексеевском районе РТ: И.В.Аськеева (Казань), Г.Ш.Асылгараевой (Казань), К.А.Руденко (Казань).

А.Ф.Кочкина (Самара) выступила с обобщающим докладом “Крышки в ассортименте продукции билярских гончаров”. О новых находках на II Билярском селище сделал доклад Е. А.Беговатов (Казань). С первыми итогами дендрохронологических исследований в Казанском Поволжье выступил Д.В.Тишин (Казань). Об опыте реконструкции костюма, доспехов и вооружения воина Волжской Булгарии домонгольского времени рассказал В.В.Хабаров (Казань). Другие аспекты археологических исследований были затронуты в других сообщениях на секции археологии.

О Казанском университете и Обществе археологии, истории и этнографии при Казанском университете, а также о работе М.Г.Худякова в ОАИЭ были доклады И.Б.Сидоровой (Казань) и З.Г.Гариповой (Казань). В.М.Ванюшев (Ижевск) выступил с докладом “М.Г.Худяков и удмуртский героический эпос”. Об археологических съездах и развитии музе-

еведения в России говорилось в докладе Д.В.Серых (Самара). С докладами на историческую тематику выступали Р.Р.Хайрутдинов (Казань), Л.Н.Бехтерева (Ижевск), Н.А.Шарангина (Казань), И.Т.Самигуллин (Казань).

Значительный интерес вызвали доклады Б.И.Рахимзянова (Казань) “К вопросу об образовании Касимовского ханства”, А.Г. Ситдикова (Казань) “Штурм Казани 1552 г. по письменным источникам”, Л.С.Андреевой (Казань) “Рукописные статейные списки Посольства Петра Андреевича Толстого в Турцию (1702-1709 гг.) как объект лингвистического источниковедения”. Новые материалы были представлены в докладах С.Ю.Измайловой (Казань) “Из истории горных заводов Казанской губернии” и Г.К.Хисамиевой (Азнакаево) “Эпиграфические памятники юго-востока Татарстана”.

Исследовательские темы, связанные с работой музеев Татарстана, были озвучены в докладах работников Национального музея РТ и его филиалов: Ф.К.Даминовой, О.И.Захаровой, И.В.Завьяловой, С.А.Коноваловой, Е.И.Карташевой, Т.Б.Чкановой, В.В.Ивановой и других.

На секции этнографии доклады были посвящены духовной культуре населения региона (Н.С.Толстогузова, Ф.Л.Шарифуллина (Казань)). В докладе Л.С.Токсубаевой (Казань) исследовалось декоративно-прикладное искусство и художественные промыслы в Казанском Поволжье второй половины XIX – начала XX в. Современным проблемам этнологии был посвящен доклад Т.А.Титовой (Казань). Вопросы праздничной культуры и строительства этнографической экспозиции рассмотрены в докладах Р.К.Уразмановой и Л.Е.Еньковой (Казань). На стыке этнографии и археологии был построен доклад Н.А.Халикова (Казань) “Истоки земледелия поволжских татар: археологический и этнографический аспекты”. Об этнографических коллекциях и проблемам этнографических исследований говорилось в докладах И.Р.Газизуллина (Казань) и В.В.Яхонтова (Казань).

Актуальным проблемам музейной практики (на опыте зарубежных музеев) и вопросам средневековой истории был посвящен круглый стол в рамках конференции. В нем приняли участие ведущие ученые России и Татарстана: М.Г.Крамаровский, А.Ф.Кочкина, Д.А.Сташенков, Е.П.-Казаков, П.Н.Старостин. В обсуждении ряда вопросов выступили В.В.Хабаров, И.Л.Измайлова и другие.

Конференция показала высокую научную активность ученых Татарстана, актуальность и востребованность обществом проводящихся научных исследований.

К.А.Руденко

Памяти К.А.Смирнова

Ушел из жизни Кирилл Алексеевич Смирнов – известный археолог России, доктор исторических наук, ученый секретарь Института археологии РАН. Это случилось 18 ноября 2001 года.

Кирилл Алексеевич родился 2 июня 1931 года в г.Москве в семье Алексея Петровича Смирнова – выдающегося археолога и историка. В 1955 году он окончил исторический факультет Московского государственного университета по специальности «археология». С 1955 г. до конца жизни К.А.Смирнов работал в Институте археологии Российской академии наук, пройдя путь от лаборанта до старшего научного сотрудника и ученого секретаря Института.

Начало научной деятельности Кирилла Алексеевича связано с древним Болгарам. Еще в студенческие годы он принимал участие в исследовании пригорода Болгара, его торговой пристани Ага-Базара. Этот памятник ныне полностью разрушен Куйбышевским водохранилищем. Однако, благодаря работам Б.Б.Жиромского и К.А.Смирнова, были получены ценные материалы, связанные с историей города Болгара. Под руководством Кирилла Алексеевича великолепно вскрыто одно из жилищ. Автор убедительно доказал, что землянка стала использоваться в домонгольское время, но в золотоордынский период она была перестроена. В нижней части жилища найден кувшин салтово-маяцкого облика, а также обломок русской серебряной серьги. Данные находки убеждают в том, что булгарское поселение на Ага-Базаре функционировало и в домонгольское время.

Кирилл Алексеевич принимал участие в раскопках и других объектах на Болгарском городище. Он, как и Алексей Петрович Смирнов, любил Болгари, стремился о них рассказать. Не случайно еще в 1960 году вышла его брошюра «Великие Болгари» (Путеводитель по городищу), которая отражает глубокие познания автора о большинстве объектов Болгарского городища.

Основную часть своей научной деятельности исследователь посвятил финно-угорской археологии. Под руководством К.А.Смирнова и при его участии раскапывались многие городища дьяковской культуры. Кирилл Алексеевич внес большой вклад в изучение проблем, связанных с дьяковской культурой, - ее происхождением, хронологией и периодизацией, особенностями вещевого материала. Капитальной работой К.А.-Смирнова является его очерк «Дьяковская культура (материальная куль-

тура городищ междуречья Оки и Волги», вышедшая в сборнике «Дьяковская культура» (М., 1974). В предисловии к сборнику Ю.А.Краснов писал: «В работе К.А.Смирнова, которой открывается сборник, впервые даются подробная характеристика и классификация огромного вещевого материала, накопленного более чем за полвека исследований дьяковских городищ, рассматривается историческое развитие их оборонительных сооружений и жилых построек, приводятся краткие сведения о хозяйстве и общественном строе населения, оставилшего эти памятники». Результаты исследований по памятникам дьяковской культуры отражены в многочисленных (более 100) научных работах, опубликованных Кириллом Аллексеевичем.

К.А.Смирнов был участником многочисленных научных конференций, симпозиумов и совещаний по финно-угорской археологии и истории. С 1978 года до конца жизни он работал ученым секретарем Института археологии РАН. Большинство приезжающих с периферии в Институт археологов всегда шли сначала к Кириллу Алексеевичу: он знал все, что происходило в головном центре археологической науки, стремился помочь прибывшим. Все это он делал от души, с глубоким уважением к людям.

Кирилл Алексеевич многократно выступал оппонентом при защите кандидатских и докторских диссертаций по финно-угорской тематике. Им написано много рецензий на работы по финно-угорской археологии. В своих рецензиях он всегда усматривал положительные стороны исследований.

Память о Кирилле Алексеевиче Смирнове надолго сохранится в сердцах археологов Татарстана.

П.Н.Старостин

Мое знакомство с Кириллом Алексеевичем произошло в далекие 40-е годы, когда он был еще школьником и в летние каникулы участвовал в археологических работах на Болгарском городище в составе Куйбышевской экспедиции, возглавляемой его отцом А.П.Смирновым. Мне запомнились два мальчика (Кирилл и сын экспедиционного шофера) – «братья-разбойники», как окрестил их художник Д.И.Архангельский, друг и покровитель экспедиционного «молодняка», добрый и мудрый человек, наш «старший пионервожатый». В экспедиции царил режим, строго соблюдаемый всеми ее участниками. Был установлен распорядок дня: никаких опозданий на работу в поле, вечернюю обработку материала, подготовку к следующему рабочему дню и обеденному столу. В час вечернего «отбоя» все должны были находиться на своих «спальных» местах. Исключений не было ни научному составу, ни студенческому. Никто из «молодняка» не уклонялся от распоряжений старших, выполняли любую работу: перебирали руками землю из-под лопат рабочих-копальщиков, расчищали скребками и кисточками открываемые остат-

ки жилья, хозяйственных сооружений, погребений и пр. Никакие капризы не признавались.

Однажды случилось ЧП с Кириллом. Он со своим товарищем опоздал к отбою минут на 15-20. Алексей Петрович сидел за своим рабочим столом и ждал нарушителей режима. Прошмыгнуть тихонько мимо строгого начальника «братьям-разбойникам» не удалось. Разгневанным безапелляционным тоном было сказано: «Завтра же отправитесь в Москву!» Только заступничество нашего добрейшего «пионервожатого» спасло Кирилла и его друга от такого наказания.

Все лучшие качества сотрудников раскрывались в экспедиционных буднях. Для молодых режим, отношение к своим сотрудникам, само поведение начальника было примером, школой на всю жизнь.

Когда Кирилл Алексеевич работал над своей кандидатской диссертацией, Алексей Петрович был в стороне, сын работал самостоятельно. Отец прочитал работу сына лишь накануне защиты. Не случайно Алексей Петрович говорил, что он своим именем мешает сыну. Кирилл Алексеевич стал хорошим, порядочным, добросовестным, честным в работе и душевным, надежным человеком. А в Болгарах он снова появился уже как гость в середине 70-х гг. Он по-прежнему был таким же открытым, искренним, порядочным и вдумчивым.

Н.Д.Аксенова

Сведения об авторах

Руденко Константин Александрович - кандидат исторических наук, заведующий отделом археологии Национального музея Республики Татарстан, специалист по средневековой археологии Восточной Европы.

Фахрутдинов Равиль Габдрахманович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории им.Ш.Марджани АНТ, специалист по археологии и истории Волжской Булгарии, Золотой Орды и Казанского ханства

Худяков Михаил Георгиевич (1894-1936) - русский археолог, историк и этнограф, доктор исторических наук, действительный член Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК, г.Ленинград), специалист по первобытной и средневековой археологии, истории и этнографии народов Восточной Европы. Жертва сталинских репрессий - расстрелян; реабилитирован в 1957 г.

Набиуллин Наиль Гатиятуллович - кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории им.Ш.Марджани АНТ, специалист по истории Волжской Булгарии.

Кокорина Нина Александровна - кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии РАН, специалист по керамике Волжской Булгарии и Казанского ханства.

Ахметзянов Марсель Ибрагимович — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник и руководитель группы рукописей **ИЯЛИ им.Г.Ибрагимова АНТ**, специалист по древнетатарским рукописям, шаджаре (родословные), народным календарям, булгарской и татарской эпиграфике.

Керайтов Рамазан Хусинович - доктор исторических наук, заведующий сектором этнографии народов Кавказа Института гуманитарных исследований при правительстве Карачаево-Черкесской республики.

Червонная Светлана Михайловна - доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института теории и истории изобразительных искусств Российской Академии художеств.

Суслова Светлана Владимировна - кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории им.Ш.Марджани АНТ, специалист по этнографии татарского народа.

Старостин Петр Николаевич - кандидат исторических наук, заведующий Центром археологических исследований Института истории им.Ш.Марджани АНТ, специалист по первобытной и средневековой археологии Среднего Поволжья и Приуралья.

Аксенова Наталья Дмитриевна - археолог-булгаровед.

Список сокращений, используемых в журнале

АНТ — Академия наук Татарстана
АО — Археологические открытия
АОТ — Археологические открытия в Татарстане
АЭМК — Археология и этнография марийского края
ВНОТ — Вестник научного общества татароведения
ГИМ — Государственный Исторический музей
ДИНА — Дизайн и новая архитектура
ИИ АНТ — Институт истории им. Ш.Марджани АНТ
ИЯЛИ АНТ — Институт языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова АНТ
ИЯЛИ КФАН СССР — Институт языка, литературы и истории им. Г.Ибрагимова Казанского филиала АН СССР
КГУ — Казанский государственный университет им.В.И.Ульянова (Ленина)
МГУ — Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
НМ РТ — Национальный музей Республики Татарстан
РА — Российская археология
РЭМ — Российский этнографический музей (бывш. Музей этнографии народов СССР, г.Ленинград)
СА — Советская археология
ТА — Татарская археология
ТГГИ — Татарский государственный гуманитарный институт
ТГИАМЗ — Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник
ТКИ — Татарское книжное издательство
ТКН — Татарстан китап нәшрияты
ТМарНИИ — Труды Марийского научно-исследовательского Института языка, литературы и истории
ТМордНИИ — Труды Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики
ТХАЭЭ — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиций
ХКТ — Хозяйственно-культурный тип
ЭАК — Этнографо-археологический комплекс
NL — Numismaticke Listi (Praha)

Институт истории им. Ш.Марджани Академии наук Татарстана

Главный редактор — Равиль Фахрутдинов

Редакционная коллегия:

Марсель Ахметзянов

(Институт языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова
Академии наук Татарстана, г.Казань).

Евгений Казаков

(Институт истории им. Ш.Марджани Академии наук Татарстана)

Марк Крамаровский

(Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург)

Леонид Кызласов

(Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова)

Азгар Мухамадиев

(Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина)

Джамиль Мухаметшин

(Булгарский государственный историко-архитектурный заповедник, г. Булгар,
Республика Татарстан)

Светлана Плетнева

(Институт археологии Российской Академии наук, г. Москва)

Рашо Рашев

(Шуменский филиал Археологического института
Болгарской Академии наук, г. Шумен, Болгария)

Константин Руденко

(Национальный музей Республики Татарстан, г. Казань)

Петр Старостин

(Институт истории им. Ш.Марджани Академии наук Татарстана)

Иштван Фодор

(Венгерский национальный музей, г. Будапешт, Венгрия)

Светлана Червонная

(Институт этнологии и антропологии Российской Академии наук, г. Москва)

 Адрес редакции: 420111, г. Казань, ул. Кремлевская, 9

Институт истории им. Ш.Марджани Академии наук Татарстана,

 Телефон: (8432) 92-92-64, 92-84-82

 E-mail: history@ih.kazan.ru, history@tataroved.ru

Дизайн обложки – Миляуша Хасанова. Оригинал-макет – Л.Зигангареева, А.Зигангареева.

Объем 15,75 п.л. Подписано к печати 14.06.2004 Тираж 500 экз.

Отпечатано с оригинал-макета ООО “Мастер-Лайн”

Электронная версия журнала <http://www.tataroved.ru/publication/journals/3/>